

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык и Текст Language and Text

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№4 (12) 2025

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Международный научный журнал
«Язык и текст»

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – главный редактор
Махмудова С.М. (Россия) – заместитель главного редактора

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия),
Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия),
Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С. (Россия),
Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия),
Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия),
Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия),
Фрейдина Е.Л. (Россия), Шилихина К.М. (Россия),
Шмелева А.В. (Россия), Щербакова М.И. (Россия),
Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Италия),
Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В. (Россия),
Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия),
Величкова Л.В. (Россия), Гребенюк В.П. (Россия),
Есаулов И.А. (Россия), Исакова З.З. (Россия),
Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия),
Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия),
Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия),
Кавацца А. (Италия), Астутто Д. (Италия), Фарачи Е.Г. (Италия),
Маццоне С. (Италия).

Секретарь

Канель И.В.

Редактор и корректор

Канель И.В.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/journals/langt>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2025

International Scientific Journal
“Language and Text”

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – editor-in-chief
Makhmudova S.M. (Russia) – deputy editor-in-chief

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia),
Burnakova K.N. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Kovpak N.A. (Russia),
Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia),
Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia),
Safronova E.Y. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M.Y. (Russia),
Soboleva L.S. (Russia), Freidina E.L. (Russia),
Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia),
Shcherbakova M.I. (Russia), Hermenegildo L.G. (Spain),
Capilupi S.M. (Italy), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China),
Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia),
Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia),
Grebnyuk V.P. (Russia), Esaulov I.A. (Russia), Iskhakova Z.Z. (Russia),
Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia),
Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A.A. (Russia),
Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Cavazza A. (Italy),
Astuto G. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy).

Secretary

Kanel I.V.

Editor and proofreader

Kanel I.V.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepkhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/journals/langt>

Indexed in:

Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:

El FS77-67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2025

Содержание

2025. Том 12. № 4

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

От имплицатуры к эксплицатуре: прагматика недомолвок как ключ к переводу концепта «презрение» в одноименном романе А. Моравиа	
<i>Геласимов Р.А.</i>	9-21
Механизм темпоральной регуляции в системе целеполагания: лингвистические основания и функциональные аспекты	
<i>Иванова С.В., Мухина Н.Б.</i>	22-35
Этнокультурные и прагматические особенности китайского сленга	
<i>Игнатенко А.В., Корягин А.В.</i>	36-48
Лингвокультурологический анализ языковых единиц спортивной тематики (на примере материалов российского медиапространства, отражающих профессиональную деятельность Александра Овечкина)	
<i>Логинова Н.В.</i>	49-62
Становление и трансформация итальянского языка: от литературного канона к современным вызовам	
<i>Лорети А., Меттини Э.</i>	63-75
Интерпретация культурной семантики лексических единиц	
<i>Чанышева З.З.</i>	76-82
Категория времени и пространства в интернет-рекламе	
<i>Шанхоева Я.А.-Б.</i>	83-92

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Загадочный алогизм — яркая идиостилевая черта текстов О.Э. Мандельштама	
<i>Галстян В.А.</i>	93-99
Духовная форма Европы: идеал единства и диалог с Джузеппе Мадзини в русской интеллектуальной традиции XIX века	
<i>Капилуни С.М.</i>	100-115
Чудеса десницы Иоанна Предтечи в древнерусской книжности	
<i>Коваленко А.Н., Шилова И.А.</i>	116-126
Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской агиографии (предварительные замечания)	
<i>Никонов Н.А.</i>	127-137
Театральные реформы Луиджи Пиранделло и Антонена Арто: компаративный анализ	
<i>Симонова С.А.</i>	138-149

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Невербально-семиотические особенности образа политика в современном мультимодальном дискурсе	
<i>Агаджанян Р.В., Яковлева Е.В.</i>	150-163

Современный подход к использованию транскрипции при изучении иностранного языка

Багманова С.В. 164-172

Виды речевой деятельности в учебнике русского языка как иностранного

Орехова Н.Н. 173-189

Предиктивные инструменты для анализа суггестивного потенциала вербальной модели

Рогожникова Т.М. 190-210

Contents

2025. Vol. 12. No. 4

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

From implicature to explicature: the pragmatics of omissions as the key to translating the concept of “contempt” in the novel by A. Moravia	
<i>Gelasimov R.A.</i>	9-21
Mechanism of temporal regulation in the goal-setting system: linguistic bases and functional aspects	
<i>Ivanova S.V., Mukhina N.B.</i>	22-35
Ethnocultural and pragmatic features of Chinese slang	
<i>Ignatenko A.V., Koryagin A.V.</i>	36-48
Linguistic and cultural analysis of sports-related language units (based on materials from the Russian media reflecting Alexander Ovechkin’s professional activities)	
<i>Loginova N.V.</i>	49-62
The formation and transformation of the Italian language: from the literary canon to contemporary challenges	
<i>Loreti A., Mettini E.</i>	63-75
Interpretation of cultural semantics of lexical units	
<i>Chanysheva Z.Z.</i>	76-82
Category of time and space in internet advertising	
<i>Shankhoeva Ya.A.-B.</i>	83-92

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Mysterious alogism is a striking idiostyle feature of O.E. Mandelstam’s texts	
<i>Galstyan V.A.</i>	93-99
The spiritual form of Europe: the ideal of unity and the dialogue with Giuseppe Mazzini in the Russian intellectual tradition of the 19th century	
<i>Capilupi S.M.</i>	100-115
The miracles of the right hand of John the Baptist in old Russian literature	
<i>Kovalenko A.N., Shilova I.A.</i>	116-126
The Teaching of St. John the Ladder in old Russian hagiography (preliminary notes)	
<i>Nikonov N.A.</i>	127-137
Theatrical reforms of Luigi Pirandello and Antonin Artaud: a comparative analysis	
<i>Simonova S.A.</i>	138-149

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Non-verbal and semiotic features of the image of a politician in context to multimodal discourse	
<i>Agadzhanyan R.V., Yakovleva E.V.</i>	150-163
Modern approach to using transcription in foreign language learning	
<i>Bagmanova S.V.</i>	164-172

Types of speech activity in the textbook of Russian as a foreign language

Orekhova N.N...... 173-189

Predictive tools for analysis of verbal model suggestive potential

Rogozhnikova T.M. 190-210

Редакция Международного научного электронного журнала «Язык и текст» выражает огромную благодарность редактору данного номера, профессору Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ З.З. Исхаковой за формирование настоящего выпуска.

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию очередной выпуск Международного электронного научного журнала «Язык и текст», посвященный современным исследованиям в области лингвистики, текстологии и лингводидактики.

Первый раздел «Общее и сравнительно-историческое языкознание» объединяет работы в свете изучения лексических, прагматических и когнитивных особенностей языка, анализа исторических и современных трансформаций языковой нормы. В числе рассматриваемых тем — когнитивно-прагматические механизмы целеполагания в речевой деятельности, роль импликатур и экспликатур в передаче сложных психологических концептов, а также этнокультурные особенности молодежных и профессиональных языковых практик. Представленные исследования демонстрируют то, как язык отражает социокультурные

изменения, формирует идентичность, взаимодействует с медиапространством и обеспечивает конструирование смысла в различных контекстах. В частности, анализ культурной семантики лексических единиц и категорий времени и пространства позволяет выявить универсальные и локальные закономерности функционирования языка.

Второй раздел «Мировая литература. Текстология» рассматривает язык художественного текста как средство выражения культурных, философских и эстетических концептов. В статьях исследуются механизмы формирования индивидуального стиля автора, текстологические и культурно-исторические аспекты древнерусской литературы, трансформация литературного текста под влиянием культурных и социальных факторов. Кроме того, анализируются процессы создания художественного смысла, роль языковых новаций и экспериментальных приемов в художественной и агиографической традиции, что позволяет глубже понять механизмы передачи духовных и этических ценностей.

Завершающий выпуск раздел **«Лингводидактика и инновации. Психологические основы изучения языков и культур»** объединяет работы, направленные на развитие методологической базы современного языкового образования, внедрение инновационных подходов к обучению и формирование мультимодальной компетенции учащихся. Здесь рассматриваются вопросы совершенствования произносительных навыков, организации всех видов речевой деятельности, развития профессиональной коммуникативной компетенции. Центральное место занимают исследования, посвященные анализу суггестивного потенциала текстов, а также систематизации невербально-семиотических практик в мультимодальном дискурсе, что открывает новые возможности для обучения через интеграцию когнитивных и

психолингвистических методов.

Таким образом, представленные материалы подчеркивают интегративный характер современных изысканий в области гуманитарных наук. При этом следует отметить разнообразие проанализированных языков, включая русский, английский, немецкий, итальянский, китайский, татарский и башкирский, что обусловлено глобальным и межкультурным характером лингвистики XXI века.

Выпуск журнала ориентирован на широкую аудиторию исследователей, заинтересованных в развитии современного языкознания, текстологии, психологии и педагогики, а также на всех, кто стремится к глубокому пониманию роли языка в формировании смыслов, культурных моделей и образовательных практик.

Приглашенный редактор выпуска: Исхакова Земфира Зульфугаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики факультета журналистики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

От импликатуры к экспликатуре: прагматика недомолвок как ключ к переводу концепта «презрение» в одноименном романе А. Моравиа

Р.А. Геласимов✉

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация
✉ ra.gelasimov@mpgu.su

Резюме

Контекст и актуальность. Исследование выполнено в русле лингвопрагматики и когнитивной лингвистики. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения механизмов вербализации сложных психологических концептов через импликатуры и проблем их передачи в переводе. **Цель.** Проанализировать, как импликатуры, вербализующие концепт «презрение» в романе Моравиа, трансформируются в переводе через стратегии экспликации. **Гипотеза.** Концепт «презрение» преимущественно реализуется посредством системы импликатур, а его адекватная передача в переводе требует стратегической экспликации скрытых смыслов. **Методы и материалы.** Методы включают прагмалингвистический анализ импликатур и сопоставительный анализ переводческих трансформаций. Материал – оригинал романа и его перевод Г.Д. Богемского и Р.И. Хлодовского. **Результаты.** Выявлены ключевые стратегии перевода, а именно – частичная экспликация имплицитных смыслов и сохранение импликатуры с компенсацией в других элементах текста. **Выводы.** Экспликация импликатур является необходимым, но недостаточным условием адекватного перевода концепта «презрение». Оптимальной стратегией признано сочетание точечной экспликации с сохранением имплицитности ключевых смыслов.

Ключевые слова: импликатура, экспликатура, лингвопрагматика, сопоставительный анализ

Для цитирования: Геласимов, Р.А. (2025). От импликатуры к экспликатуре: прагматика недомолвок как ключ к переводу концепта «презрение» в одноименном романе А. Моравиа. *Язык и текст*, 12(4), 9–21. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120401>

From implicature to explicature: the pragmatics of omissions as the key to translating the concept of "contempt" in the novel by A. Moravia

R.A. Gelasimov✉

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉ ra.gelasimov@mpgu.su

Abstract

Context and relevance. The research was carried out in line with linguopragmatics and cognitive linguistics. The relevance of the work is due to the need to study the mechanisms of verbalization of complex psychological concepts through implicatures and the problems of their transmission in translation. **Goal.** To analyze how the implicatures verbalizing the concept of "contempt" in Moravia's novel are transformed in translation through explication strategies. **Hypothesis.** The concept of "contempt" is realized mainly through a system of implicatures, and its adequate transmission in translation requires a strategic explication of hidden meanings. **Methods and materials.** The methods include a pragmlinguistic analysis of implications and a comparative analysis of translation transformations. The material is the original novel and its translation by G. Bohemsky and R. Khlodovsky. **Results.** The key translation strategies are identified, namely partial explication of implicit meanings and preservation of the implication with compensation in other elements of the text. **Conclusions.** Explication of implicatures is a necessary but insufficient condition for an adequate translation of the concept of "contempt". The optimal strategy is considered to be a combination of punctual explication while maintaining the implicitness of key meanings.

Keywords: implicature, explicature, linguistic pragmatics, comparative analysis

For citation: Gelasimov, R.A. (2025). From implicature to explicature: the pragmatics of omissions as the key to translating the concept of "contempt" in the novel by A. Moravia. *Language and Text*, 12(4), 9—21. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120401>

Введение

Термин «прагматика» (от др.-греч. — дело, действие) был введен в научный оборот американским ученым Чарлзом Уильямом Моррисом, согласно которому теория знака складывается из трех частей: синтактика (отношения между знаками), семантика (отношения знаков к объектам) и прагматика (отношения между знаками и говорящим).

Возникнув во второй половине XX века в русле коммуникативно-функционального языкознания, лингвистическая прагматика представляет собой междисциплинарную область исследований, фокусирующуюся на изучении «отношений между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий, слушающий/читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания» (Сусов, 1997).

Как справедливо замечает Б.Ю. Норман, «Лингвистическая прагматика – одно из наиболее перспективных направлений современного языкознания. Как составная часть она входит в теорию языка и изучается в курсе общего языкознания» (Норман, 2009).

Будучи относительно молодым направлением, лингвистическая прагматика продолжает являться объектом множества научных дискуссий касательно своего статуса и методологических границ в системе языковых наук.

В центре ее внимания находится язык в его практическом использовании, неразрывно связанном с конкретными условиями коммуникативной ситуации. Данный подход позволяет изучать не только структуру языковой системы, но и механизмы ее применения носителями в разнообразных контекстах.

Ключевым для прагматики является понятие прагматической компетенции – способности говорящего адекватно использовать языковые средства в соответствии с коммуникативными нормами и ситуативными условиями. Эта способность включает умение верно интерпретировать высказывания, учитывать контекст и цели общения, а также применять уместные для данной лингвистической ситуации коммуникативные стратегии.

Методы прагматического анализа дают исследователям инструментарий для понимания механизмов коммуникации, причин возникновения коммуникативных неудач и путей оптимизации речевого взаимодействия. Значимость прагматики заключается не только в возможности анализа текстов, но и в ее прикладном потенциале для задач перевода и интерпретации.

Таким образом, лингвистическая прагматика играет значительную роль в современной науке о языке, раскрывая механизмы функционирования языковых структур в условиях реального общения.

Применительно к переводу прагматический подход требует учета не только лексико-грамматического содержания текста, но и широкого контекста, интенций автора и ожиданий реципиента. Переводчик должен передавать не только прямое значение единиц, но и их имплицитные смыслы, включая культурно-специфические коннотации.

Именно поэтому переводчику, помимо глубокого понимания языка, также необходимо быть знакомым с культурой, традициями и коммуникативными стереотипами. Обладание знанием межкультурных различий в использовании языка помогает избежать ошибок, связанных с «ложными друзьями переводчика» – словами и выражениями, схожими по форме, но различными по значению и употреблению.

Следовательно, лингвистическая прагматика оказывает существенное влияние на качество перевода, способствуя адекватной передаче не только языковой формы, но и исходного замысла, вложенного автором в текст.

Материалы и методы

Корпус исследовательских материалов включает в себя следующие компоненты:

Первичные текстовые источники представлены оригинальным итальянским текстом романа Альберто Моравиа «Il disprezzo», изданным в 1954 году, и его переводом на русский язык, выполненным Г.Д. Богемским и Р.И. Хлодовским в 1978 году.

Аналитические единицы исследования охватывают:

- Диалогические единства, извлеченные из ключевых сцен романа;

- Контекстуальные фрагменты, содержащие различные вербализации концепта «презрение»;
- Прагматические маркеры, сигнализирующие о наличии имплицитных смыслов.

В области прагмалингвистического анализа применяются:

- Методика выявления импликатур через систематическое нарушение максим Грайса;
- Инструментарий анализа речевых актов в рамках теории Остина-Серля;
- Процедура идентификации стратегий вежливости и невежливости.

Контекстуальный анализ предусматривает применение:

- Методики исследования роли лингвистического и культурного контекста;
- Подходов к анализу интертекстуальных связей и способов их передачи.

Процедура анализа реализуется через последовательные этапы:

- Идентификация и категоризация импликатур в оригинальном тексте;
- Многоаспектный анализ их прагматических функций;
- Детальное сопоставление с переводческими решениями;
- Комплексная оценка адекватности передачи концептуального содержания.

Результаты

В середине XX века лингвистика переживала «прагматический поворот», и ключевую роль в этом сыграли работы Герберта Пола Грайса – философа и лингвиста, чья теория импликатур позволила по-новому взглянуть на природу человеческого общения.

Одной из ключевых прижизненных публикаций Г.П. Грайса стала написанная в соавторстве с П.Ф. Стросоном полемическая статья «In defence of a dogma» («В защиту догмы»), представляющая собой ответ на знаменитый труд У.В.О. Куайна «Две догмы эмпиризма». Однако центральные для его научного наследия концепции, такие как теория коммуникативной импликатуры, были впервые сформулированы позднее – в работе 1961 года «The Causal Theory Of Perception», а затем получили фундаментальное развитие в курсе лекций Уильяма Джеймса, прочитанном в Гарвардском университете в 1967 году.

Методологическая позиция Грайса складывалась под влиянием поздних трудов Л. Витгенштейна, в частности его тезиса о том, что значение слова определяется его употреблением в языке. Вслед за этим Грайс связывает смысл высказывания не с его изолированным содержанием, а с системой прагматических ожиданий и конвенций, регулирующих коммуникацию. Иллюстрацией этого подхода может служить высказывание «он еще не сел в тюрьму». Его буквальная семантика указывает на то, что определенное лицо не подвергалось тюремному заключению. Однако на уровне речевой практики та же фраза регулярно имплицитно несет иной смысл – например, что данное лицо уже совершило правонарушение или с высокой вероятностью совершит его в будущем, то есть оно обладает соответствующим поведенческим или социальным статусом.

В основе теории речевой коммуникации лежит понятие коммуникативного кодекса – нормативной системы, регулирующей осознанное речевое взаимодействие участников диалога. Данный кодекс служит инструментом для анализа стратегий речевого поведения и оценки их коммуникативной эффективности. Теоретический фундамент кодекса составляют два взаимодополняющих принципа: кооперативный принцип Г.П. Грайса, определяющий

рациональные основы обмена информацией, и принцип вежливости Д. Лича, описывающий этические аспекты межличностного взаимодействия.

Если Грайс формулирует максимы информационного сотрудничества, то Лич систематизирует максимы социального позиционирования коммуникантов. Важно подчеркнуть, что данные максимы носят универсальный характер и не зависят от культурной специфики общения. Центральным элементом, организующим всю структуру коммуникативного кодекса, выступает категория интенции – целенаправленного речевого намерения говорящего.

Фундаментальной предпосылкой кооперативного принципа является концепция диалогического взаимодействия как формы совместной деятельности. В рамках этого подхода каждый участник коммуникации вносит целенаправленный речевой вклад, исходя из признания общих интенций и стратегических ориентиров беседы. Данный принцип, таким образом, отражает фундаментальную установку коммуникантов на продуктивное взаимодействие и взаимопонимание.

Сам Грайс формулировал суть этого принципа следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) разговора, в котором ты участвуешь».

Грайс ввел четыре максимы, которые, в свою очередь, подразделяются на постулаты, достижение которых способствует полному соблюдению принципа:

1. Максима качества информации:

a. Не говори того, что считаешь ложным.

b. Не говори того, в чем сомневаешься, для доказательства чего нет исчерпывающих аргументов.

2. Максима количества информации:

a. Изложи не меньше информации, чем требуется.

b. Изложи не больше информации, чем требуется.

3. Максима релевантности:

a. Не отходи от темы.

4. Максима ясности:

a. Будь последовательным.

b. Избегай неясности.

c. Избегай двусмысленности.

d. Будь краток.

e. Будь систематичен.

В процессе живой коммуникации участники диалога далеко не всегда строго следуют всем установленным максимам, однако сама ориентация на них обеспечивает поддержание продуктивного контакта между собеседниками. Критически важным при этом остается соблюдение баланса между фоновыми знаниями аудитории и новой информацией.

Существенным аспектом функционирования максим является их потенциальная конфликтность. Различные коммуникативные стратегии участников могут приводить к одновременному нарушению разных принципов – например, когда один собеседник пренебрегает максимой количества, а другой – максимой качества, что в результате приводит к коммуникативной неудаче. Иллюстрацией такого сбоя может служить следующий диалог:

– Не будете ли вы так любезны рассказать нам, как вы добрались от вокзала до нас?

– Пешком.

Принцип вежливости Д. Лича выражает некий эталон взаимного отношения собеседников друг к другу, который способствует успеху коммуникации. Он отсылает к этическим нормам. В него включены:

1. Максима такта (соблюдение границ частных речевых интересов).
2. Максима великодушия (соблюдение позиций равенства в диалоге).
3. Максима одобрения (соблюдение позитивного настроения в отношении позиции собеседника).
4. Максима скромности (контроль самооценки, ее реалистичное представление).
5. Максима согласия (направленность на поиск компромисса).
6. Максима симпатии (выражение благожелательного отношения к собеседнику и его позиции).

Отступление от требований коммуникативного кодекса способно оказывать конструктивное влияние на эффективность речевого взаимодействия. Данный феномен обусловлен психологическими механизмами обработки информации реципиентом. Ярким примером служит намеренное нарушение максимы ясности, постулированной П. Грайсом, которое наблюдается при сознательном применении эвфемистических оборотов. Такие косвенные номинации позволяют адресанту донести до аудитории социально табуированную или эмоционально заряженную информацию, минимизируя возможный негативный эффект.

Аналогичным образом максима количества информации часто подвергается целенаправленному нарушению в рекламном дискурсе. Создатели коммерческих сообщений умышленно прибегают к приемам умолчания и намеренной недосказанности, чтобы стимулировать познавательную активность аудитории и усилить ее вовлеченность в процесс декодирования скрытых смыслов.

В рамках теории речевой коммуникации под коммуникативной импликатурой понимается смысловой компонент, извлекаемый реципиентом не из буквального содержания высказывания, а из способа его презентации в конкретном коммуникативном контексте. Данный феномен представляет собой неотъемлемый элемент повседневного общения, однако люди далеко не всегда отмечают, хотя бы и у себя в голове, его использование. Характерной иллюстрацией служит ситуация, когда на вопрос «Не могли бы вы закрыть дверь?» адресат не дает вербального ответа, а совершает соответствующее физическое действие. Несмотря на грамматическую форму вопроса, прагматическая интерпретация позволяет распознать в нем просьбу.

Важнейшим свойством импликатуры является ее принципиальная отрицаемость – в силу имплицитного характера передаваемого смысла говорящий сохраняет возможность отказаться от приписываемого ему коммуникативного намерения.

Г.П. Грайс выделял два фундаментальных типа импликатур: конвенциональные и неконвенциональные.

Конвенциональные импликатуры актуализируются благодаря наличию общих фоновых знаний и соблюдению принципа кооперации участниками коммуникативного акта. Их отличие от пресуппозиций заключается в степени очевидности дополнительного смысла: если

пресуппозиция содержит тривиальную информацию, то имплицатура требует от слушающего активной интерпретационной работы для выявления намеренно или непреднамеренно вложенного смысла. Например, вопрос милиционера в фильме «Берегись автомобиля» «Вы сами по утрам умываетесь?» имплицитно сообщает водителю о неудовлетворительном санитарном состоянии транспортного средства. Аналогичным образом высказывание «Душно!» содержит имплицатуру просьбы об открытии окна, тогда как его пресуппозицией выступает отнесенность утверждения к помещению, где происходит беседа.

Неконвенциональные имплицатуры (также известные как «имплицатуры общения» или «имплицатуры дискурса») характеризуются значительным расхождением между буквальным и подразумеваемым смыслом, вплоть до их прямой противоположности, что особенно ярко проявляется в иронических высказываниях. Так, фраза «Ты – настоящий друг» может приобретать диаметрально противоположное значение в ситуации, когда адресат ранее совершил предательство, например, разгласил конфиденциальную информацию.

Рассмотренные теоретические положения лингвопрагматики находят свое яркое и полное воплощение в художественной практике. Идеальным материалом для демонстрации взаимодействия имплицатур, речевых актов и принципа кооперации служит роман Альберто Моравиа «Презрение» – произведение, где коммуникативный провал становится главным сюжетообразующим элементом.

Формирование замысла и поэтики романа «Презрение» (1954) обусловлено сложным переплетением творческих, интеллектуальных и биографических факторов, характеризующих зрелый этап писательской эволюции Альберто Моравиа.

Создание романа приходится на период творческой переориентации писателя. Пройдя этап неореализма, Моравиа обращается к интроспективной прозе, где фокус смещается с широкой социальной панорамы на микроанализ частной жизни. «Презрение» становится художественным манифестом этого поворота, концентрируясь на деструкции межличностных связей и феноменологии отчуждения в пространстве буржуазного брака.

Глубокий интерес Моравиа к кинематографу оказал значительное влияние на текст романа. Роман выстроен вокруг рефлексии о природе творчества, где сталкиваются разные модели эстетического сознания: фигура продюсера Баттисты олицетворяет коммодификацию искусства; образ режиссера Рейнгольда воплощает трагедию художника в условиях диктата рынка. Сценарий по «Одиссее» функционирует в повествовании как структурная метафора, проецирующая вечный миф о верности и возвращении в убогую реальность супружеской измены и экзистенциального краха.

Особая судьба романа в культуре определилась его экранизацией Жан-Люком Годаром (1963), подтвердившей имманентную кинематографичность нарративной структуры Моравиа. Для русскоязычного читателя роман существует в единственном переводе, выполненном в 1978 году Г.Д. Богемским и Р.И. Хлодовским, что делает анализ переводческих решений особенно актуальной научной задачей.

Данный историко-культурный фон позволяет перейти к конкретному анализу лингвопрагматических механизмов, определяющих художественное своеобразие диалогического дискурса в романе.

Обсуждение результатов

В четвертой главе Эмилия дает Риккардо первый большой повод для беспокойства. Она, вдруг, решила спать отдельно от мужа. Приведем здесь этот диалог, опустив описания, которые сейчас интересуют нас в меньшей степени:

- *Ma che fai?*
- *Non ti offendi mica se dormo sul divano-letto, di là?*
- *Per stanotte?*
- *No, per sempre.*
- *Что ты делаешь?*
- *Ты не обидишься, если я буду спать на диване?*
- *Нынче ночью?*
- *Нет, всегда.*

Из этого небольшого отрывка мы можем умозаключить, что Эмилия нарушает максимум количества информации дважды. Первый раз, когда говорит: «No, per sempre», то есть «Нет, всегда», в ответ на вопрос мужа, будет ли она спать на диване лишь эту, одну ночь. И затем, когда начинает долго и сбивчиво объяснять причину. Сказав: «Нет, всегда», Эмилия и сама понимает, что она нарушила постулат количества и этим она заденет своего мужа Риккардо, поэтому она тут же бросается в противоположную крайность и начинает нарушать постулат количества уже с другой его стороны «не говори больше, чем требуется». Риккардо, будучи интеллигентом и человеком, который работает со словом, сразу же понимает, во всяком случае частично, что Эмилия использует неконвенциональные имплицатуры. Также следует отметить, что Эмилия нарушает одно из правил максимы ясности, а именно «избегай двусмысленности», когда говорит: «Нет, всегда». Требуется объяснить: Риккардо поражен поведением жены в тот момент, когда она заявляет о том, что будет спать одна, и уже воспринимает это как разрыв между ними, именно поэтому ответ супруги «Нет, всегда» он считает, если позволите, как последний гвоздь в крышку гроба их отношений. Последующие слова Эмилии только подтверждают его мысли и чувства:

- *Non avevo mai avuto il coraggio di dirtelo, ella rispose abbassando gli occhi, senza guardarmi.*
- *Я все никак не могла решиться сказать тебе об этом, проговорила Эмилия, опустив глаза и не глядя на меня.*

Здесь Эмилия снова нарушает максимум ясности. Желание спать в том или ином месте помещения не требует «храбрости» или «отваги». Пусть даже и нужно сообщить об этом супругу. Эмилия же говорит об этом именно таким образом, подчеркивая, как сложно было ей решиться на такой шаг. Но речь идет вовсе не о месте для сна, а о вербализации концепта «презрение». Во всяком случае, Риккардо считает это так, и, судя по дальнейшим событиям, он оказывается прав в своих размышлениях. Несмотря на поведение и использование имплицатур, Риккардо начинает понимать, что жена его презирает.

Четвертая глава романа характеризуется большим количеством употребления имплицатур. Диалог-поединок супругов продолжается:

- *Durante questi anni, insistetti, non ti eri mai lagnata... credevo che ti fossi abituata.*
- *Но прежде, продолжал я, ты никогда не жаловалась. Я считал, что ты привыкла.*

Риккардо частично нарушает первый пункт максимы качества информации, а именно: «Не говори того, что считаешь ложным». Он идет на это, так как предмет разговора для него крайне неприятен. Протагонист прибегает к использованию риторического утверждения, чтобы, возможно, не имея такую интенцию, вернуть разговор в более приятное для него русло. Имплицатура же, то есть то, что Риккардо действительно хотел сказать, может выглядеть следующим образом: «Я не хочу всерьез рассматривать, что ты говоришь, так как ты сказала это слишком поздно». Также хотелось бы отметить перевод глагола «*insistere*», стоящего во времени *passato remoto*, в личной форме, в первом лице, единственного числа. «*Insistetti*» – «продолжал». Первое, что следует отметить, это то, что в русском варианте перевода глагол стоит в несовершенном виде «продолжал» вместо совершенного вида «продолжил». Согласно учебнику «Практический курс итальянского языка» Ю.А. Добровольской, «*Passato remoto* выражает завершённое действие в прошлом, не связанное с моментом речи». Далее следует обсудить перевод глагола «*insistere*». Как указано в «Новом Большом Итальянско-Русском Словаре», этот глагол обладает тремя значениями: 1) Настаивать; 2) Упорствовать; 3) Опирается. Последнее значение является устаревшим. Как видно из вышесказанного, значения «Продолжать» у этого глагола нет. В тексте перевода частично теряется имплицатурное значение риторического утверждения Риккардо, так как «продолжать» является гораздо менее конфликтообразующим действием, нежели «настаивать».

Эмилия не собирается сдавать позиций и идет дальше:

- *Non mi sono mai abituata... ho sempre dormito male... da ultimo, poi, forse perché sono diventata nervosa, non dormivo quasi niente...*

- *Нет, я никак не могу привыкнуть... Я все время спала плохо... Возможно, именно поэтому я стала такой нервной...*

Эмилия в очередной раз нарушает максиму количества информации. Она излагает больше информации, чем требуется. Делает это она, что кажется очевидным, для того, чтобы скрыть истинную причину своего поведения. Также Эмилия нарушает максиму релевантности – отходит от основной темы разговора. Точнее пытается сделать так, чтобы основная тема разговора базировалась на ощущении физического дискомфорта от неправильного сна. Эти попытки Эмилии и чрезмерно ажитированное поведение ее мужа каждый раз неизбежно приводят их к коммуникативной неудаче.

Риккардо продолжает:

- *...se vuoi, posso benissimo rinunciare a dormire con la finestra aperta... va bene... d'ora in avanti dormiremo con la finestra chiusa.*

- *если тебе так уж хочется, я могу спать и с закрытыми окнами... Ну, хорошо, с сегодняшнего дня мы будем спать с закрытыми окнами.*

В этом фрагменте Риккардо нарушает несколько постулатов максимы ясности. Во-первых, «Будь краток». Риккардо не идет самым коротким путем, то есть «Будем спать с закрытым окном». Вместо этого он насыщает свое согласие лишними для данной диалоговой ситуации словами, такими как: «Если тебе так уж хочется», «Ну, хорошо». Это многословие, опять же именно для этого момента диалога, является сигналом. Сигналом того, что согласие далось ему нелегко, что происходила некая внутренняя борьба. Во-вторых, Риккардо нарушает постулаты «Будь последовательным» и «Будь систематичен». Фразы «Если тебе так уж хочется» и «Ну, хорошо» без сомнения несут в себе маркеры уступки. Слова протагониста не

дают новую конкретную информацию Эмилии, а нужны лишь для создания имплицатуры: Риккардо согласен спать с закрытым окном, но ему это совсем не нравится. Если принять трактование имплицатуры за истинное, то необходимо упомянуть и о переводе. В отличие от предыдущего примера «*insistetti* – продолжал», в данном фрагменте русский вариант перевода, наоборот, делает имплицатурность более явной. В русском переводе фраза Риккардо «*Se vuoi*» звучит «Если тебе так уж хочется». Из-за появления «так уж» согласие протагониста является вымученным. Оригинал «Если хочешь» звучит куда более дружелюбно и примирительно. Хотя стоит отметить, что по атмосфере диалога в этот момент «так уж» как будто бы действительно присутствует в словах Риккардо. Далее следует сказать про опущенное в переводе прилагательное «*benissimo*», что в свою очередь тоже придавало Риккардо больше уступчивости в тексте оригинала. Отсутствие этого слова в тексте перевода делает Риккардо более враждебным, чем он мог бы быть. То же самое касается «Ну, хорошо». «*Va bene*» в тексте оригинала следует перевести как «хорошо». Присутствие этого междометия снова делает Риккардо менее уступчивым и дружелюбным.

Далее идет реплика Эмилии касательно жертвы, которую якобы хочет совершить супруг:

- *Ma no... perché devi sacrificarti... tu stesso hai sempre detto che con le finestre chiuse ti senti soffocare... è meglio che dormiamo separati.*

- *О нет... Почему ты должен жертвовать собой... Ты всегда говорил, что задыхаешься, когда окна закрыты... Лучше уж нам спать врозь.*

В данной фразе Эмилия в очередной раз мастерски нарушает несколько максим и постулатов. Делает она это для того, чтобы продемонстрировать свою непреодолимую отстраненность. Эмилия намеревается разрушить логику «жертвенности» Риккардо. Разберем ее намерения по частям: «*Ma no... perché devi sacrificarti*» – «О нет... Почему ты должен жертвовать собой». В первую очередь стоит отметить нарушение максимы релевантности «Не отходи от темы». Вместо прямого ответа на готовность мужа совершить жертву ради ее же собственного удобства Эмилия задает встречный, риторический вопрос. Вместо обсуждения конкретики «окно – закрыть / открыть» она переводит разговор на мета-уровень, тем самым ставя под вопрос уместность его жертвы. Далее следует сказать о нарушении максимы качества информации. Несмотря на то, что ее вопрос может быть считан реципиентом как проявление заботы: «Почему ты должен жертвовать собой», прагматический смысл ее высказывания кроется в другом, а именно в том, что она отказывает и разоблачает истинные интенции супруга. Следующая часть этой реплики, которую мы рассмотрим, будет: «*è meglio che dormiamo separati*» – «Лучше уж нам спать врозь». Здесь Эмилия нарушает несколько постулатов максимы ясности, а именно: «Избегай неясности», «Избегай двусмысленности». Она не говорит прямо и ясно: «Я хочу спать отдельно», она не предлагает: «Давай спать отдельно». Вместо этого она использует безличную конструкцию «Лучше уж», как будто это решение принято кем-то другим или продиктовано самой логикой вещей.

Далее Риккардо все еще пытается убедить Эмилию в своей искренности:

- *Ti assicuro che per me sarà un sacrificio molto lieve... mi abituerò.*

- *Уверю тебя, мне легче этим пожертвовать... я привыкну.*

В очередной раз стоит отметить, что Риккардо нарушает максиму качества информации. Он уже не верит в то, что говорит. Риккардо на данном этапе разговора интересно, что будет отвечать супруга на его неискренние жертвы.

Эмилия не заставляет себя ждать:

- *No, non voglio alcun sacrificio... né grande, né piccolo... dormirò nel salotto.*

- *Нет, я не желаю никаких жертв... ни маленьких, ни больших... я буду спать в гостиной.*

Идеальная иллюстрация нарушения максимы количества информации. Лаконичный, абсолютный и окончательный отказ. Именно то, что Риккардо, возможно, сам того не ведая, хотел получить. Фраза «né grande, né piccolo» стилистически выверена и звучит как приговор отношениям супругов.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что Эмилия не просто пытается настоять на своей позиции касательно бытового удобства, она проводит тотальную деконструкцию коммуникативной стратегии Риккардо. Эмилия не следует принципу кооперации не потому, что не умеет говорить ясно, а потому, что ее задача – продемонстрировать тотальный разрыв между супругами не только в бытовом плане, но даже на уровне коммуникативной удачи / неудачи. Также следует сказать, что Эмилия «выигрывает» этот диалог-поединок. Ее речевые акты нацелены на разрушение системы общения, которая была выстроена до этого обоими супругами. Имплицатурность ее высказываний не только несет скрытый смысл, что естественно для любой имплицатуры, но и направлена на то, чтобы поставить точку в отношениях между супругами. Риккардо же чувствует эту направленность, но пока не до конца ее осознает.

Также следует сказать, что проведенный анализ позволяет нам сделать несколько принципиально важных выводов: во-первых, концепт «презрение» в произведении Альберто Моравиа существует по большей части не в самих словах, а в паузах между ними. «Презрение» зарождается в области недосказанности, в бесчисленных нарушениях правил коммуникации и в постоянной имплицатурности сказанного. Во-вторых, имплицатура не является непере译имой, однако ее реконструкция в русском переводе требует не буквализма, а высочайшей прагматической чуткости. Перед переводчиком неизменно встает дилемма: сохранить имплицатуру в максимально приближенном к оригиналу варианте или же пойти на экспликацию, тем самым прояснив, хотя бы частично, смысл, который автор оригинального текста хотел оставить скрытым.

Примеры, приведенные в данной статье, иллюстрируют, что Георгий Дмитриевич Богемский и Руф Игоревич Хлодовский в подавляющем большинстве случаев прекрасно справляются с поставленной задачей. Лишь в некоторых фразах Эмилии и Риккардо переводчики прибегают к стратегии умеренной экспликации. Добавляются частицы и междометия, которые немного «разогревают» выверенные реплики Эмилии, местами делая подтекст более явным, что, несомненно, может привести к большему пониманию и отклику со стороны русскоязычного читателя.

Исходя из всего вышесказанного, необходимо отметить, что адекватный перевод – это всегда тонкий баланс между имплицатурой и эксплицатурой. Находясь в лингвистическом пространстве недомолвок и недосказанности, переводчик фактически передает саму суть межличностного конфликта. Применяя лингвопрагматический анализ к тексту романа «Презрение» Альберто Моравиа, можно прийти к выводу, что анализ этот становится не просто инструментом описания, но и ключом к пониманию глубинных механизмов художественного текста и стратегий его межъязыкового воплощения.

Геласимов Р.А. (2025)
От имплицатуры к эксплицатуре: прагматика недомолвок
как ключ к переводу концепта «презрение» в
одноименном романе А. Моравиа
Язык и текст, 12(4), 9—21.

Gelasimov R.A. (2025)
From implicature to explicature: the pragmatics of
omissions as the key to translating the concept of
"contempt" in the novel by A. Moravia
Language and Text, 12(4), 9—21.

Список источников / References

1. Грайс, Г.П., Стросон, П.Ф. (2012). *Эпистемология и философия науки*, 22, 2, 206-223.
Grice, G.P., Strawson, P.F. (2012). *Epistemology and philosophy of science*, 22, 2, 206-223 (In Russ.).
2. Добровольская, Ю.А. (2005). *Практический курс итальянского языка*. М.: Цитадель-трейд. Ростов н/Д: Феникс.
Dobrovolskaya, Yu.A. (2005). *Practical Italian language course*. Moscow: Citadel-trade. Rostov n/D: Fenix (In Russ.).
3. Зорько, Г.Ф. (2011). *Новый большой итальянско-русский словарь*. М.: Дрофа; Рус. яз. – Медиа.
Zorko, G.F. (2011). *The new big Italian-Russian dictionary*. Moscow: Drofa; Russian language – Media (In Russ.).
4. Куайн, У.В.О. (2000). *Две догмы эмпиризма*. М.: Логос, Праксис.
Quine, W.V.O. (2000). *Two Dogmas of Empiricism*. Logos, Praxis. (In Russ.).
5. Моравиа, А. (1978). *Римлянка, Презрение, рассказы*. Москва. Прогресс.
Moravia, A. (1978). *Roman woman, Contempt, short stories*. Moscow. Progress. (In Russ.).
6. Норман, Б.Ю. (2009). *Лингвистическая прагматика на материале русского и других славянских языков*. М.: Издательский центр Белорусского государственного университета.
Norman, B.Y. (2009). *Linguistic pragmatics based on the material of Russian and other Slavic languages*. Moscow: Publishing Center of the Belarusian State University. (In Russ.).
7. Серль, Дж., Вандервекен, Д. (1986). Основные понятия исчисления речевых актов. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка*. М.: Прогресс, 242-263.
Searle, J., Vanderveken, D. (1986). Basic concepts of speech act calculus. *New in foreign linguistics. Issue 18. Logical analysis of natural language*. Moscow: Progress, 242-263. (In Russ.).
8. Сусов, И.П. (1997). *Общее языкознание. Ч. 2: Европейское и американское языкознание XIX–XX вв. Программно-справочное пособие*. Тверь: ТвГУ.
Susov, I.P. (1997). *General Linguistics. Part 2: European and American linguistics of the XIX–XX centuries. Software reference manual*. Tver: TvGU. (In Russ.).
9. Moravia, A. (1989). *Il disprezzo*. Tascabili Bompiani.
10. Treccani, G. (2005). *Treccani. Enciclopedia Italiana di Scienze, Lettere ed Arti*. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana Treccani.

Геласимов Р.А. (2025)
От импликатуры к экспликатуре: прагматика недомолвок
как ключ к переводу концепта «презрение» в
одноименном романе А. Моравиа
Язык и текст, 12(4), 9—21.

Gelasimov R.A. (2025)
From implicature to explicature: the pragmatics of
omissions as the key to translating the concept of
"contempt" in the novel by A. Moravia
Language and Text, 12(4), 9—21.

Информация об авторе

Роман Андреевич Геласимов, аспирант кафедры теории и практики перевода и коммуникации, старший преподаватель кафедры контрастивной лингвистики, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0167-2527>, e-mail: ra.gelasimov@mpgu.su

Information about the author

Roman A. Gelasimov, PhD Student at the Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Senior Lecturer at the Department of Contrastive Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University (Moscow Pedagogical State University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0167-2527>, e-mail: ra.gelasimov@mpgu.su

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Механизм темпоральной регуляции в системе целеполагания: лингвистические основания и функциональные аспекты

С.В. Иванова¹, Н.Б. Мухина^{2, 3} ✉

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

³ Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ mukhnat@yandex.ru

Резюме

В статье вводится понятие темпоральной регуляции как когнитивно-прагматического механизма, обеспечивающего иерархизацию, приоритезацию и координацию целей в зависимости от момента их актуализации. **Объектом** анализа становится внутренняя динамика формирования и реализации речевых целей, зависящая от временной перспективы и контекста коммуникации. **Цель** работы – представить темпоральность как регулятор иерархии и актуализации целей в структуре речевого действия говорящего. В условиях речевого взаимодействия цели не являются фиксированными: они претерпевают модификации, уточняются, замещаются в зависимости от внешних обстоятельств и когнитивной активности говорящего на довербальном этапе речевого действия. В работе предлагается типология целей по критерию их временной отнесенности и описываются инструменты темпоральной регуляции: упорядочивание, модификация, вербализация, антиципация и деактуализация. **Материалом** исследования являются англоязычные диалогические единства из художественных произведений XX-XXI вв., на основе которых определяется как говорящий структурирует речевые акты в зависимости от временных оценок и прогнозов. Отдельное внимание уделяется связи темпоральной регуляции с логико-прагматической структурой высказывания, а также роли оценки ситуативных условий при выборе речевой стратегии. Темпоральная регуляция не только формирует структуру высказывания, но и направляет речевое поведение в соответствии с динамикой коммуникативной ситуации. Представленный подход позволяет рассматривать целеполагание как гибкую, управляемую во времени систему, где выбор

Иванова С.В., Мухина Н.Б. (2025)
Механизм темпоральной регуляции в системе
целеполагания: лингвистические основания и
функциональные аспекты
Язык и текст, 12(4), 22—35.

Ivanova S.V., Mukhina N.B. (2025)
Mechanism of temporal regulation in the goal-setting
system: linguistic bases and functional aspects
Language and Text, 12(4), 22—35.

речевых средств подчинён как внутренним установкам субъекта, так и экстралингвистическим условиям коммуникации. **Результаты** исследования раскрывают потенциал анализа речевого действия через призму времени как когнитивной категории, что открывает новые перспективы в лингвистике целеполагания.

Ключевые слова: цель речевого высказывания, целеполагание, коммуникация, механизм темпоральной регуляции, временная перспектива, речевое поведение

Для цитирования: Иванова, С.В., Мухина, Н.Б. (2025). Механизм темпоральной регуляции в системе целеполагания: лингвистические основания и функциональные аспекты. *Язык и текст*, 12(4), 22—35. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120402>

Mechanism of temporal regulation in the goal-setting system: linguistic bases and functional aspects

S.V. Ivanova¹, N.B. Mukhina^{2, 3}✉

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

³ Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ mukhnat@yandex.ru

Abstract

The study introduces the concept of temporal regulation as a cognitive-pragmatic mechanism that ensures the hierarchy, prioritization and coordination of goals with reference to the moment of their actualization. The **object** of the analysis is the internal dynamics of the formation and implementation of speech goals, depending on the temporal perspective and context of communication. The **purpose** of the work is to present temporality as a regulator of the hierarchy and actualization of goals in the structure of the speaker's act. In speech interaction, goals are not fixed: they undergo modifications, are clarified, replaced depending on external circumstances and the cognitive activity of the speaker at the pre-verbal stage of the speech act. The paper proposes a typology of goals based on the criterion of their temporal characteristics and describes the tools of temporal regulation: ordering, modification, verbalization, anticipation and de-actualization. The research **material** in the form of dialogues is withdrawn from works of English and American fiction of the 20-21st centuries, on the basis of which it is determined how the speaker structures their speech depending on time assessment and forecasts. Special attention is paid to the connection of temporal regulation with the logical-pragmatic structure of the utterance, as well as the role of assessing situational conditions when choosing a speech strategy. Temporal regulation not only forms the structure of the utterance, but also directs speech behavior in accordance with the dynamics of the communicative situation. This approach allows to consider goal-setting as a flexible, time-controlled system, where the choice of speech means is subordinated to both the internal attitudes of the subject and the extra-linguistic conditions of communication.

The **results** of the study reveal the potential of speech act analysis through the prism of time as a cognitive category, which opens up new prospects in the linguistics of goal-setting.

Keywords: communicative goal, goal setting, communication, mechanism of temporal regulation, time perspective, speech behaviour

For citation: Ivanova, S.V., Mukhina, N.B. (2025). Mechanism of temporal regulation in the goal-setting system: linguistic bases and functional aspects. *Language and Text*, 12(4), 22—35. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120402>

Введение

Вопросы исследования процессов целеполагания всегда представляли интерес для философии (Э. Гуссерль, Ю.М. Лотман, И. Кант, Д. Юм, Спиноза, Г.Ф. Гегель и др.), психологии (Л.С. Выготский, Л.В. Щерба, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, И.А. Зимняя, Н.И. Жинкин, О.К. Тихомиров и др.) и ряда социально ориентированных дисциплин (Г.Я. Гольдштейн, Ю.Н. Лапыгин, Дж. Адаир, А.И. Волкова, А.В. Олянич и др.), одновременно приобретая научную значимость в лингвистике: в частности, в рамках ее когнитивной, прагматической и дискурсологической парадигм. Неоспоримым является факт ключевого участия цели в системе выстраивания говорящим речевой деятельности, направленной на достижение результатов, при этом «цель коммуникативного процесса – не передача информации в одном направлении, а получение отклика у получателя, не воздействие, а взаимодействие» (Кашкин, 2000, с. 26). В условиях исследования речевого взаимодействия всё чаще акцентируют внимание на динамическом характере целеполагания (Мухина, 2015), который проявляется в ходе реального коммуникативного акта. Действительно, цели коммуникации, формируемые говорящим, не являются статичной сущностью: они подвержены изменению, переосмыслению и уточнению в зависимости от предмета речи, контекста высказывания, реакций адресата и ситуативных условий в целом. Отсюда возникает интерес к анализу процессов мыслительной активности говорящего, регулирующих порядок актуализации цели на момент вступления в речевой контакт. Представляется, что одним из механизмов, способствующих динамике целеполагания, является механизм темпоральной регуляции, действующий на довербальном этапе речевой деятельности говорящего, но объективирующийся в речевом высказывании.

В философском учении темпоральность традиционно рассматривается как линейная прогрессия прошлого, настоящего и будущего. В психологии и социологии темпоральность понимается как важный аспект для синхронизации действий и регуляции деятельности человека. «В оценке темпорального пространства существует широкий набор факторов, который может изменить временное восприятие, что подчеркивает сложность понимания особенностей и предпосылок формирования временной организации человека» (Tausen, 2022). Исходя из этого, можно говорить о том, что восприятие темпорального пространства представляет собой многомерный процесс, обусловленный совокупностью когнитивных, психологических и социокультурных факторов. Их вариативное взаимодействие способно существенно модифицировать субъективное ощущение времени говорящим, что делает непростым анализ предпосылок и механизмов формирования индивидуальной временной организации. Отсюда вытекает новизна предпринятого исследования, состоящая в трактовке темпоральности не в традиционном философско-психологическом понимании данного

явления, а с точки зрения ее исследования как практического механизма временной (темпоральной) регуляции в организационной сфере речевой деятельности, как одного из видов человеческой деятельности, который «осуществляется в словесной форме, будучи действием, разворачивающимся в сознании» (Гусева, 2022, с. 11). Как результат, исследование темпоральной регуляции осуществляется с позиций ее трактовки как осознанно регулируемого механизма функционирования целеполагания.

При этом необходимо подчеркнуть, что функционирование механизма темпоральной организации следует понимать не как простую линейную последовательность операций или действий, а как уровень организации, обеспечивающий их согласование во временной перспективе. Последовательность операций подчиняется когнитивной логике обработки информации, в то время, как последовательность действий определяется структурой самой деятельности; причем обе они реализуются во времени, которое выступает универсальным условием их координации. Локализация механизма темпоральной регуляции в целеполагании обусловлена тем, что сама целевая установка изначально проектируется в будущее и требует постоянной темпоральной (временной) координации, что недостаточно учитывается в лингвистических исследованиях. Таким образом, настоящая работа нацелена на то, чтобы закрыть существующую в современных лингвистических исследованиях методологическую лакуну, касающуюся изучения связи между темпоральной регуляцией и целеполаганием. Такое положение дел обуславливает необходимость разработки комплексного подхода к их анализу.

Таким образом, делается попытка рассмотреть механизм темпоральной регуляции в качестве одного из основополагающих факторов в целеполагании, вступающего в действие на довербальном этапе организации речевого действия и способствующего формированию иерархической структуры и актуализации целей говорящего в заданных условиях речевого взаимодействия. Заявленная цель предполагает решение ряда задач: 1) дать определение механизма темпоральной регуляции; 2) представить типологию целей с точки зрения их временной отнесенности; 3) рассмотреть механизм темпоральной регуляции как основу иерархической структуры целеполагания; 4) описать этап целеполагания как временной процесс с изменяющейся системой приоритетов; 5) выявить лингвистические маркеры темпоральной структуры целеполагания; 6) дать характеристику антиципации и деактуализации как инструментам темпоральной регуляции; 6) выполнить анализ функционирования механизма темпоральной регуляции в целеполагании с опорой на логико-прагматическую структуру высказывания на примере диалогового взаимодействия.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что механизм темпоральной регуляции выступает как когнитивно обусловленный механизм целеполагания, действующий на довербальном этапе, отвечающий за определение иерархической организации целевой направленности речевого действия говорящего на момент вступления в контакт, связанный с контролем речевого поведения субъекта речи при выстраивании логико-прагматической структуры высказывания в заданных условиях коммуникации.

Решение поставленных задач позволит получить ответы на исследовательские вопросы, возникающие в ходе размышления над поставленной проблемой: (1) Что такое механизм темпоральной регуляции в целеполагании? (2) Как связаны оценка ситуативных условий и темпоральная регуляция? (3) Как механизм темпоральной регуляции влияет на обеспечение внутренней связности высказывания как продукта речевой деятельности и динамичности

речевого поведения говорящего? (4) Существуют ли темпорально-обусловленные лингвистические маркеры сигнализации последовательности и иерархии целей?

Материалы и методы

Теоретические изыскания в области лингвопрагматики и психолингвистики подтверждают тот факт, что цели речевой деятельности распределяются по иерархическим и временным осям. Существует несколько точек зрения на выделение целей первого и второго порядков в системе речевого действия говорящего. Одна из них связана с исследованием целей с позиций временной перспективы, берущим свое начало в психологической теории целеполагания. «Выделяют два вида целей – ближайшую, т.е. непосредственно выражаемую говорящим, и более отдаленную, долговременную. Основными разновидностями ближайшей цели являются: интеллектуальная цель: получение информации (в том числе оценочной); выяснение позиций; поддержка мнения, развитие темы, разъяснение, критика; цель, связанная с установлением характера отношений: развитие или прекращение коммуникации, побуждение к действию» (Волкова, 2007, с. 164-165).

Трактовка целей с точки зрения их отнесенности к явлениям первостепенного и второстепенного порядка представлена в трудах целого ряда исследователей. Первостепенные цели направлены на сегментацию процесса общения, чтобы выявить стратегически значимые единицы и в результате понять, о чем общение. По своей сути они соотносятся с ближайшими целями (Dillard et al., 1989, p. 6). Первостепенные цели, инициирующие речевое высказывание, классифицируются согласно своему содержанию на «коммуникативные цели: информативные; прагматические (побудительные, эмоционально-оценочные, эмоционально-регулятивные, эстетически-регулятивные, контактные) и некоммуникативные цели: цель интеллектуального самовыражения; цель эмоционального самовыражения; цель эмоционально-оценочного самовыражения» (Киселева, 1978, с. 149). Продуктивность данной классификации объясняется тем фактом, что в ее основе лежат базовые характеристики участников общения: статус, роли и эмоциональное состояние говорящего в ситуации создания высказывания определенного класса; адресат, его статус и конкретные черты на момент порождения высказывания; объект, как содержательный компонент общения; субъектно-адресатные отношения, формирующиеся в зависимости от тех прагматических ролей, в которых выступают партнеры коммуникации, и уровня их контакта.

Реализация первостепенных целей регулирует постановку второстепенных целей, которые встраиваются в процесс речевого взаимодействия, корректируя его, регулируя, усиливая или сглаживая действие первостепенной цели. В данной классификации подход к анализу речевого взаимодействия с точки зрения реализации первостепенных и второстепенных целей представляется весьма продуктивным благодаря тому, что, «если первостепенные цели инициируют коммуникативный процесс и управляют речевыми действиями, то второстепенные служат своего рода границами, которые определяют вербальный выбор, тип речевого поведения» (Иссерс, 2006, с. 59). К второстепенным целям относят «цели, связанные с самовыражением, моральными нормами говорящего, его самооценкой; цели, связанные с эффективным взаимодействием коммуникантов; третий тип целей отражает стремление говорящего сохранить и приумножить значимые для него ценности, в том числе физические (здоровье) и материальные; четвертый тип целей определяется желанием говорящего управлять ситуацией, избежать отрицательных эмоций» (Ibid., с. 19).

Одновременно второстепенные цели организованы иерархически — в порядке их перечисления: первая более значима, чем вторая, и т.д. Соответственно, достижение первой цели в принципе решает коммуникативную задачу и не требует непременно достижения остальных целей. Однако с точки зрения говорящего более удовлетворительным является результат, при котором достигнуто максимальное количество целей (Ibid., с. 256). Исходя из вышесказанного, цели первого порядка представляют собой то, ради чего говорящий вступает в контакт; то, какой результат он стремится достичь их постановкой. Второстепенные цели формулируются говорящим одновременно с выражением первостепенной цели и направлены, в первую очередь, на согласование личностных, социально-прагматических и ресурсных факторов, создавая условия для целостного и стратегически гибкого речевого поведения говорящего. Соответственно, говорящий вынужден производить согласование последовательности идей, отбор языковых средств, интонационного и ритмического оформления высказывания, а также адаптировать свое речевое поведение к ситуации и адресату для реализации всех целей для достижения успеха в коммуникации. Следовательно, механизм темпоральной регуляции представляет собой один из ключевых моментов в процессе речевого целеполагания и выступает как средство упорядочивания приоритетов между целями речевого действия говорящего на довербальном этапе их постановки с учетом характеристик контекстных условия речевого взаимодействия.

Сложность взаимодействия компонентов психологического и лингвистического содержания способствует обращению к комплексным, взаимодополняющим друг друга методам и подходам при исследовании темпоральной регуляции в целеполагании, а именно:

- когнитивно-прагматическому подходу, функционирующему на пересечении когнитивной и прагматической составляющих, в рамках которых строится дискурс. В результате при анализе интегрируются вербальная сторона речевого произведения и ментальная сторона, репрезентирующая сознание адресата-адресанта. Соответственно, это позволит изучить корреляции между лингвистическими структурами текста, структурами речевой деятельности и структурами ментальных представлений его автора/реципиента (Дорофеева, 2023, с. 4). Таким образом, когнитивно-прагматический подход позволяет акцентировать внимание на механизмах когнитивной и коммуникативной регуляции речевой деятельности;

- методу дискурсивного анализа, основанного на интерпретации условий взаимодействия языковых и социально-обусловленных характеристик (Била, Иванова, 2020, с. 220), присущих участникам речевого взаимодействия. «При анализе дискурса становится особенно важным объяснение его языковой реализации, соответствующей смыслам социально-культурного контекста» (Попова, 2002, с. 148). Кроме того, «фокус дискурсивного анализа составляют не только эксплицитные языковые средства, но и «невывысказанное», то, что нужно извлекать через сложные процедуры вывода» (Сулейманова, 2016, с. 57), что, безусловно, играет ключевую роль при постановке цели. В целом, метод дискурсивного анализа сосредоточен на изучении речи с позиций конструирования смысла в заданном социально-культурном контексте.

Основным источником эмпирического материала послужили произведения художественной литературы XX-XXI вв. английских и американских авторов на английском языке. Обращение к текстам художественной литературы объясняется тем, что в них воспроизводятся типичные ситуации речевого взаимодействия, имитируется спонтанность коммуникации и ее разговорность. Выборку составили иницирующие высказывания

адресанта, так как они отражают исходный замысел речевого действия, задают направление взаимодействия в рамках диалога и позволяют выявить ближайшие (первичные) цели без искажения их влиянием со стороны реакции собеседника. Отталкиваясь от заявленной цели, связанной с выделением и обоснованием механизма темпоральной регуляции при целеполагании, во главу угла поставлен качественный, а не количественный анализ.

Результаты

Действие механизма темпоральной регуляции в целеполагании с лингвистической точки зрения предполагает учет динамики целей говорящего в процессе речевого взаимодействия, их иерархии, а также изменений этих целей во времени в зависимости от условий коммуникации. На этапе целеполагания механизм темпоральной регуляции помогает отслеживать момент актуализации первостепенной и второстепенной целей, а также определяет условия влияния предшествующих речевых актов на последующие цели речевого действия говорящего. В связи с этим, функционирование механизма темпоральной регуляции в целеполагании видится в деятельности таких инструментов когнитивной активности говорящего, как: 1) упорядочивание целей по приоритету и этапам реализации, 2) модификация целей во времени, 3) вербализация целей с учетом их соответствия текущему этапу коммуникации и условиям речевого взаимодействия, 4) темпоральная антиципация, 5) темпоральная деактуализация.

1. *Упорядочивание целей: механизм темпоральности влияет на осмысление ситуации до начала речевого действия.* Так, в нижеследующем примере персонаж посредством речевого акта вербализирует временные приоритеты, упорядочивая цель согласно индивидуальной системе ценностей и социальных ожиданий:

«First, we need to find out what Malfoy is up to. Then we can decide whether to tell Dumbledore. But let's not jump to conclusions yet»¹.

Первостепенной речевой целью Гермионы является проинформировать собеседников о дальнейшем поведении в отношении Малфоя (*First, we need*). При этом второстепенной можно назвать реализацию оценочной цели (*what Malfoy is up to, whether to tell Dumbledore*) и побудительной цели (*let's not*). Однако, героиня осознает последствия действий не только в перспективе, но и актуализирует побудительную цель как приоритетную через обращение к форме повелительного наклонения (*But let's not jump to conclusions yet*). Здесь очевидно иерархическое соотнесение целей, при котором второстепенные побудительная и оценочная цели направлены на поддержание актуализации первостепенной информативной цели, инициирующей общение, что определяет действие механизма темпоральной регуляции.

2. *Модификация целей во времени: первостепенные, второстепенные и промежуточные цели соотносятся по времени и адаптируются к ситуации, создавая временную иерархию речевого действия.* Точка зрения Р. Лангакера относительно того, что «говорящий всегда учитывает определенную временную/пространственную перспективу» (Langacker, 2008, p. 85), ставит вопрос об изучении действия механизма темпоральной регуляции как когнитивно-обусловленного инструмента, способствующего структурированию иерархии

¹ Rowling, J.K. (2005). *Harry Potter and the Half-Blood Prince*. London: Bloomsbury, 2005. URL: https://archive.bookfrom.net/j-k-rowling/page,16,1296-harry_potter_and_the_half-blood_prince.html (viewed: 22.09.2025).

коммуникативных целей, адаптации целей к ситуации, обеспечивающего при этом смысловую связность высказываний и динамическую логику речевого поведения говорящего. Здесь одновременно с первостепенными и второстепенными целями в действие вступают промежуточные цели, которые рассматриваются как некие ступени, ведущие к достижению цели первостепенного и второстепенного порядков (Тихомиров, 2002, с. 126). В итоге, иерархическая структура целеполагания отражает не только содержательные характеристики целей в речевом действии говорящего, но и их модификацию с точки зрения темпоральной регуляции, при которой первостепенные цели задают вектор коммуникации в зависимости от ситуативных условий, промежуточные цели выступают в качестве временных ориентиров и корректирующих пунктов в ходе диалога при том, что второстепенные цели возникают как сопутствующие главной цели, создавая сложный комплекс взаимодействия речевых высказываний. Как результат, анализ действия/функционирования механизма темпоральной регуляции при описании лингвистических моделей целеполагания способствует более точному определению прагматической (обусловленной временной перспективой) направленности высказывания для получения желаемого результата.

«*I realized he didn't understand when he spoke to me in a not-so-pleasant voice. "Where did you go?" He asked. "You had three calls"*» (Fabry, 2002, p. 15). Говорящий одновременно актуализирует первостепенную эмоционально-оценочную цель (высказать недовольство *in a not-so-pleasant voice*), второстепенные цели (побудительную и информативную) и промежуточную цель установления и поддержания контакта. Персонаж высказывает недовольство поведением супруги, которая долгое время не возвращалась домой (первостепенная цель). Семантически эмоциональное переживание адресанта не имеет языкового выражения, только грамматическая форма специального вопроса (*Where did you go?*) и утверждение (*You had three calls*), передаваемое недовольным голосом (*in a not-so-pleasant voice*), способствуют распознаванию адресатом настроения говорящего, умело встроившего вопрос в высказывание (1-ая второстепенная побудительная цель) и передавшего сообщение о звонках (2-ая второстепенная информативная цель). В качестве промежуточной цели выступает контактная: говорящий не только инициирует общение, но и достаточно сдержанно выражает недовольство, без резких высказываний. Именно на довербальном этапе производится отбор лексического наполнения целенаправленного речевого высказывания и регулирование актуальности целей по значимости в момент речепроизводства.

3. *Вербализация целей с учетом их соответствия текущему этапу коммуникации и условиям речевого взаимодействия: механизм темпоральной регуляции служит в качестве грамматико-дискурсивного маркера для определения речевой стратегии.* Наиболее частотными в случае выражения поэтапной реализации первостепенной цели служат маркеры определения времени (*first, then, before, not yet, in the morning, etc.*), сигнализируя об упорядоченной реализации целей.

«*We'll open the door when we're ready. First, we have to figure out what to tell the police*»². Первоначальная побудительная цель – открыть дверь (*We'll open the door*) и найти способ

² Backman, F. *Anxious People*. URL: <https://icrrd.com/public/media/15-05-2021-070512Anxious-People-Fredrik-Backman.pdf> (viewed: 20.09.2025).

избежать ареста (we have to figure out what to tell the police). Конструкции с модальными глаголами (will, have to) свидетельствуют о временной последовательности выражения целевого действия. Второстепенная цель – эмоционально-оценочная (when we're ready): употребление придаточного времени демонстрирует стремление говорящего оценить свои силы для управления создавшейся ситуацией. Промежуточная цель данного высказывания связана с показателем саморегуляции, контроля ситуации посредством отсрочки времени (when we're ready, first).

4. *Темпоральное предвосхищение (антиципация): метакогнитивное проектирование будущей цели.* При реализации данной функции темпоральная регуляция способствует формулировке говорящим целей, которые еще не стали актуальными, но будут значимы в долгосрочной перспективе. В современной когнитивной и прагмалингвистической традиции речевое действие рассматривается как динамическое образование с основой на внутренние модели будущего (прагматический контроль – К. Бах, Р. Харниш (Бах, Харниш, 1984); планирование речевого действия – В. Левелт (Левелт, 1989). Следовательно, цели высказывания задаются через планирование говорящим результата действия, при этом используются адекватные для данной задачи способы вербализации. Подобный подход соотносится с трактовкой механизма темпоральной антиципации в речевой деятельности как способности субъекта прогнозировать будущее развитие коммуникативной ситуации, в том числе содержание, структуру и цели высказывания, опираясь на когнитивные, лингвистические и социальные факторы. Как следствие, темпоральная антиципация выступает основой различий в функциональных типах речевых целей и способах их вербализации: при информативной цели говорящий моделирует будущее понимание информации и подбирает форму, способствующую когнитивному усвоению с опорой на утвердительные высказывания; при побудительной цели антиципируется будущее действие адресата, на которое высказывание направлено, отсюда выбор форм выражения, способных это действие вызвать, например, императив, модальные глаголы, риторические приемы убеждения; при эмоционально-оценочной цели проектируется эмоциональный отклик или сопереживание, усиливающий экспрессию с помощью оценочной лексики, интонации, восклицательных предложений; при реализации цели самовыражения субъект формирует образ себя, ориентируясь на будущее восприятие своей реплики, при этом языковое исполнение не ограничено языковыми формами.

Связь темпоральной антиципации и цели речевого действия находит отражение в следующем ниже диалоге отца с сыном.

«Boy: *We're going to be okay, right?* Father: *Yes. We are.* Boy: *And nothing bad is going to happen to us.* Father: *That's right*»³. Речь ребенка явно направлена на получение информации, что, казалось бы, соответствует пониманию информативной цели. Однако, здесь четко видится передача эмоций мальчика, страх перед будущим, который он завуалировал в форме вопроса (*We're going to be okay, right?*) и констатации факта (*nothing bad is going to happen*). Можно утверждать, что ближайшей целью мальчика выступает желание успокоиться, преодолеть свой страх, что связано с изменением его эмоционального состояния, а не простым намерением расширить уровень своих знаний, что ассоциируется с пониманием

³ McCarthy, C. (2006). *The Road*. USA. URL: https://royallib.com/read/McCarthy_Cormac/The_Road.html#0 (viewed: 23.09.2025).

информативной цели. В действие вступает механизм модификации целей, который обусловлен антиципацией будущего ответа отца, так как мальчик хочет получить положительный ответ (right? форма утверждения во втором высказывании как утверждение данности): темпоральная антиципация в данном примере связана с предугадыванием ответа, реакции собеседника в целях получения желаемого результата.

5. *Темпоральная деактуализация: сигнализирует о гибкости и адаптивности когнитивной системы говорящего с возможным снижением приоритета первостепенной цели и перераспределением ресурса на наиболее значимую.* В рамках оценки текущей ситуации говорящий отслеживает контекст, цели собеседника, риски коммуникативных неудач, безусловно, сосредоточившись на постановке собственных целей и получении желаемого результата. Место отложенной, в терминах данной работы долгосрочной, цели, занимает цель второстепенного порядка или даже промежуточная цель, как в нижеследующем примере.

«*We could all have been killed – or worse, expelled*”⁴. В рамках темпоральной деактуализации, как в предложенном примере, налицо одновременное действие темпоральных инструментов упорядочивания и деактуализации целей. В ходе анализа здесь выделяется первостепенная цель, эмоционально-оценочная, передаваемая конструкцией условного наклонения с участием модального глагола (*could have been killed*) и сравнительной степенью прилагательного (*worse*). Выделение цели данного вида соответствует функционированию первостепенной цели на момент вступления в контакт. При этом в анализируемом высказывании заложена второстепенная цель, связанная с изменением неречевого поведения адресатов, желанием предупредить их дальнейшие поступки. Кроме того, в роли промежуточной цели выступает цель самовыражения Гермiony – она подтверждает свою разностороннюю информированность, в том числе это касается и понимания того факта, что в результате данного проступка студенты могут быть отчислены из школы. Цели второго плана (побудительная и самовыражения) деактуализированы в приведенном контексте, они «приглушаются» на время, при этом существует необходимость сохранения их в памяти, чтобы в будущем под них сознательно структурировать настоящее.

Выводы и заключение

Лингвистика XXI столетия выходит за рамки изучения языка как замкнутой системы знаков к исследованию особенностей его функционирования в системе речевого взаимодействия. Цель как компонент речевой деятельности традиционно играет ведущую роль в инициировании высказывания и относится к основополагающим характеристикам говорящего как инициатора общения. В силу принадлежности к базовым характеристикам коммуникации цель сохраняет черты лингвистической и нелингвистической областей знаний. Типология целей с точки зрения временной перспективы или актуальности на момент целеполагания основана на выделении долгосрочных и краткосрочных целей, первостепенных, второстепенных и промежуточных целей. Порождение целей данного порядка обусловлено оценкой коммуникативных условий, определяющей перспективу

⁴ Rowling, J.K. *Harry Potter and Philosopher's Stone*. URL: https://adapted-english-books.site/books/7/J_K_Rowling-01-Harry_Potter_and_the_Philosopher's_Stone.pdf (viewed: 23.09.2025).

целевой принадлежности высказывания за счет функционирования механизма темпоральной регуляции, который понимается как структурообразующий механизм речевой деятельности, обеспечивающий переход от когнитивного замысла к целенаправленному речевому акту за счет согласования временной отнесенности замысла речевого действия с логико-смысловой структурой высказывания. Механизм темпоральной регуляции функционирует как когнитивно-прагматический и когнитивно-дискурсивный фактор речевой деятельности, который:

- 1) инициируется осознанным выбором говорящего на момент принятия решения по определению типа цели;
- 2) определяет организацию высказывания с учетом выбора типа цели на момент целеполагания (первостепенная, второстепенная, промежуточная; долговременная и ближайшая);
- 3) учитывая временную перспективу в целеполагании, ведет к прогнозу, откладыванию или реализации цели в момент речепорождения;
- 4) реализуется через инструменты:
 - упорядочивания: механизм темпоральной регуляции начинает функционировать на довербальном этапе речевого действия в момент определения говорящим ситуативных условий общения для выбора и постановки требуемой по контексту цели речевого действия;
 - модификации: первостепенные, второстепенные и промежуточные цели соотносятся по времени и адаптируются к ситуации, создавая временную иерархию речевого действия;
 - вербализации: механизм темпоральной регуляции может выступать в качестве грамматико-дискурсивного маркера для определения речевой стратегии, актуализируя последовательность начала, продолжения, завершения постановки цели и находя выражение в ряде синтаксических средств и выборе требуемого по контексту лексического наполнения;
 - антиципации: метакогнитивное проектирование будущей цели;
 - деактуализации: сигнализирует о гибкости и адаптивности когнитивной системы говорящего с возможным снижением приоритета первостепенной цели и перераспределением ресурса на наиболее значимую;
- 5) определяет выбор темпорально-обусловленных речевых маркеров для достижения желаемого результата в установленные контекстом временные перспективы.

В целом, практическая значимость предпринятого исследования видится в возможности учета темпоральной регуляции при изучении механизмов постановки и переработки речевых целей в психолингвистике, при анализе речевого поведения как элемента целенаправленной деятельности в когнитивной и коммуникативной лингвистике, для создания систем (речевых агентов, ботов), умеющих планировать и изменять цели в зависимости от временного контекста в сфере искусственного интеллекта. Полученные результаты работы расширяют представление о лингвистических механизмах речевого планирования и открывают перспективы для дальнейшего изучения взаимодействия когнитивных и временных параметров в речевой деятельности.

Список источников / References

1. Бах, К., Харниш, Р. (1984). *Основы речевых актов*. Пер. с англ. М.: Прогресс.

Иванова С.В., Мухина Н.Б. (2025)
Механизм темпоральной регуляции в системе
целеполагания: лингвистические основания и
функциональные аспекты
Язык и текст, 12(4), 22—35.

Ivanova S.V., Mukhina N.B. (2025)
Mechanism of temporal regulation in the goal-setting
system: linguistic bases and functional aspects
Language and Text, 12(4), 22—35.

- Bah, K., Harnish, R. (1984). *Fundamentals of Speech Acts*. Trans. from English. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Била, М., Иванова, С.В. (2020). Язык, культура и идеология в дискурсивных практиках. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (2), 219–252.
Bila, M., Ivanova, S.V. (2020). Language, Culture, and Ideology in Discursive Practices. *Russian Journal of Linguistics (Russia)*, 24 (2), 219–252. (In Russ.).
3. Волкова, А.И. (2007). *Психология общения*. Ростов н/Д: Феникс.
Volkova, A.I. (2007). *Psychology of Communication*. Rostov n/D: Feniks. (In Russ.).
4. Гусева, Е.Н. (2022). Особенности темпорального сознания носителей русского, английского и арабского языков. *Russian Linguistic Bulletin*, 7(35), 1–6.
Guseva, E.N. (2022). Features of the Temporal Consciousness of Native Speakers of Russian, English and Arabic. *Russian Linguistic Bulletin (Russia)*, 7(35), 1–6. (In Russ.).
5. Дорофеева, А.С. (2023). Когнитивно-прагматический подход в профессиональном лингвистическом образовании. *Вестник Мининского университета*, 11 (4).
Dorofeeva, A.S. (2023). Cognitive-pragmatic approach to the professional linguistic education. *Bulletin of Minin University (Russia)*, 11 (4). (In Russ.).
6. Иссерс, О.С. (2006). Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС.
Issers, O.S. (2006). *Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
7. Кашкин, В.Б. (2000). *Введение в теорию коммуникации*. Воронеж: Изд-во ВГТУ.
Kashkin, V.B. (2000). *Introduction to the Theory of Communication*. Voronezh: VSTU. (In Russ.).
8. Киселева, Л.Я. (1978). *Вопросы теории речевого воздействия*. Л.: Издательство Ленинградского университета.
Kiseleva, L.Ya. (1978). *Issues in the Theory of Speech Impact*. Leningrad: Leningrad University. (In Russ.).
9. Левелт, В.Дж.М. (1989). *Порождение речи*. Пер. с англ. М.: Радикс.
Levelt, V.D.M. (1989). *Speech Generation*. Trans. from English. Moscow: Radiks. (In Russ.).
10. Мухина, Н.Б. (2015). *Динамический аспект целеполагания*. Монография. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ.
Mukhina, N.B. (2015). *Dynamic Aspect of Goal Setting*. Monograph. Sterlitamak: Sterlitamak Branch of BashSU. (In Russ.).
11. Попова, З.Д. (2002). *Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии*. Воронеж: Воронежский государственный университет.

Иванова С.В., Мухина Н.Б. (2025)
Механизм темпоральной регуляции в системе
целеполагания: лингвистические основания и
функциональные аспекты
Язык и текст, 12(4), 22—35.

Ivanova S.V., Mukhina N.B. (2025)
Mechanism of temporal regulation in the goal-setting
system: linguistic bases and functional aspects
Language and Text, 12(4), 22—35.

- Popova, Z.D. (2002). *Language and National Consciousness: Issues of Theory and Methodology*. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.).
12. Сулейманова, О.А. (2016). *К вопросу о роли лингвистической семантики в дискурсивном анализе*. Вып. 1: Сборник научных статей / Самар. гос. ун-т, отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. Самара: Изд-во «Самарский университет», 56–63.
- Sulejmanova, O.A. (2016). *On the Role of Linguistic Semantics in Discourse Analysis*. Vol. 1: Collection of scientific papers / Samar. state. un-ty, edit. S.I. Dubinin, V.D. Shevchenko. Samara: Samarsk University, 56–63. (In Russ.).
13. Тихомиров, О.К. (2002). *Психология мышления: Учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений*. М.: Издательский центр «Академия».
- Tikhomirov, O.K. (2002). *Psychology of Thinking: Textbook for students of higher educational institutions*. Moscow: Publishing Center «Academia». (In Russ.).
14. Dillard, J.D., Segrin, Ch., Harden, J.M. (1989). *Primary and secondary goals in the production of interpersonal influence messages. Communication Monographs*. University of Calgary, 56, 19–38.
15. Fabry, Ch. (2002). *The Husband's Progress*. In: *Humor for a Mom's Heart*. USA: Howard Publishing Co., 12–17.
16. Langacker, R. (2008). *Cognitive grammar: A Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
17. Tausen, B.M. (2022). *Thinking about time: identifying prospective temporal illusions and their consequences*. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 7. <https://doi.org/10.1186/s41235-022-00368-8>

Информация об авторах

Светлана Викторовна Иванова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка в сфере философии и социальных наук, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>, e-mail: svet_victoria@mail.ru

Наталья Борисовна Мухина, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и образовательных технологий, департамент лингвистики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (ФАОУ ВО УрФУ), Екатеринбург, Российская Федерация; доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Уральский государственный университет путей сообщения (ФГБОУ ВО УрГУПС), Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1911-9813>, e-mail: mukhnat@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana V. Ivanova, Professor of Science (Philology), Professor, Professor of the Department of the English Language in the sphere of Philosophy and Social Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>, e-mail: svet_victoria@mail.ru

Иванова С.В., Мухина Н.Б. (2025)
Механизм темпоральной регуляции в системе
целеполагания: лингвистические основания и
функциональные аспекты
Язык и текст, 12(4), 22—35.

Ivanova S.V., Mukhina N.B. (2025)
Mechanism of temporal regulation in the goal-setting
system: linguistic bases and functional aspects
Language and Text, 12(4), 22—35.

Nataliya B. Mukhina, Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Head of the Chair of Foreign Languages and Teaching Technologies, Department of Linguistics, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communications, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1911-9813>, e-mail: mukhnat@yandex.ru

Вклад авторов

Иванова С.В. — планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Мухина Н.Б. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Svetlana V. Ivanova — planning of the research; control over the research.

Nataliya B. Mukhina — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; data collection and analysis.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 30.09.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.09.30
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Этнокультурные и прагматические особенности китайского сленга

А.В. Игнатенко✉, А.В. Корягин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская
Федерация

✉ ignatenko_av@pfur.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Работа предлагает анализ китайского молодежного сленга через призму этнокультурной обусловленности, интегрируя социолингвистический и лингвокультурологический подходы, выявляются механизмы адаптации глобальных трендов к локальным культурным контекстам. **Цель.** Выявить взаимосвязь культурных традиций, социально-культурных изменений и языковых особенностей китайского молодежного сленга. **Гипотеза.** Китайский молодежный сленг представляет уникальное социокультурное явление, в котором традиционные конфуцианские ценности переплетаются с современными цифровыми практиками. **Методы и материалы.** В исследовании использовались три основных источника: микроблоговая платформа Weibo, видеохостинг Douyin (аналог TikTok) и молодежные форумы (Tieba, Douban). Для сбора информации были выбраны тематические сообщества («супер-топики»), связанные с актуальными молодежными трендами: #躺平 (tǎngpíng – «лежать пластом»), #内卷 (nèijǔǎn – «гиперконкуренция»), #00后 (поколение Z). Через API платформы за период 2021–2023 гг. было собрано и проанализировано 2000 постов, отфильтрованных по критериям частотности (минимум 50 упоминаний в месяц) и контекстуальной насыщенности. **Результаты.** Исследование выявило три ключевых тенденции: 1) социально-критическое использование сленга; 2) креативная адаптация языковых форм и 3) региональная дифференциация, которая подчеркивает плюрализм языкового ландшафта. **Выводы.** Китайский сленг служит индикатором социокультурных трансформаций, сочетая критику с поиском новых этических моделей.

Ключевые слова: китайский язык, сленг, молодежный дискурс, этнокультурная специфика

Для цитирования: Игнатенко, А.В., Корягин, А.В. (2025). Этнокультурные и прагматические особенности китайского сленга. *Язык и текст*, 12(4), 36—48. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120403>

Ethnocultural and pragmatic features of Chinese slang

A.V. Ignatenko✉, A.V. Koryagin
RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉ ignatenko_av@pfur.ru

Abstract

Context and relevance. The work offers an analysis of Chinese youth slang through the prism of ethnocultural conditioning, integrating sociolinguistic and linguocultural approaches, identifying mechanisms for adapting global trends to local cultural contexts. **Objective.** To identify the interrelation of cultural traditions, socio-cultural changes and linguistic features of Chinese youth slang. **Hypothesis.** Chinese youth slang is a unique socio-cultural phenomenon in which traditional Confucian values are intertwined with modern digital practices. **Methods and materials.** The study used three main sources: the Weibo microblogging platform, Douyin video hosting (an analogue of TikTok) and youth forums (Tieba, Douban). Thematic communities (“super-topics”) related to current youth trends were selected to collect information: #躺平 (tǎngpíng – “lying flat”), #内卷 (nèijuǎn – “hypercompetition”), #00后 (generation Z). Over the period 2021–2023, 2 000 posts were collected and analyzed through the platform’s API, filtered by frequency criteria (at least 50 mentions per month) and contextual saturation. **Results.** The study identified three key trends: 1) socio-critical use of slang; 2) creative adaptation of language forms; and 3) regional differentiation, which emphasizes the pluralism of the linguistic landscape. **Conclusions.** Chinese slang serves as an indicator of sociocultural transformations, combining criticism with the search for new ethical models.

Keywords: Chinese language, slang, youth discourse, ethnocultural specifics

For citation: Ignatenko, A.V., Koryagin, A.V. (2025). Ethnocultural and pragmatic features of Chinese slang. *Language and Text*, 12(4), 36—48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120403>

Введение

Данная работа посвящена китайскому молодежному сленгу как отражению социокультурных и этнонациональных особенностей в эпоху цифровизации. Актуальность исследования обусловлена тем, что молодежный сленг как динамичный пласт языка, служит индикатором изменений в общественном сознании и инструментом формирования субкультурной идентичности. В эпоху гиперконкуренции и кризиса традиционных ценностей, таких как конфуцианская трудовая этика, сленг становится маркером новых социальных практик. Его роль усиливается в цифровом пространстве, где китайские платформы вроде *Douyin* и *Bilibili* создают альтернативные коммуникативные среды, требующие лингвистического анализа. Кроме того, гибридные формы языка, возникающие

под влиянием одновременно разнонаправленных процессов экономической глобализации и культурной деглобализации, подчеркивают необходимость исследования культурной специфики сленговых единиц (Калинин, Игнатенко, Сизова, 2024, с. 384). Китайский молодежный сленг активно исследуется в рамках китайской социолингвистики, однако в российской науке эта тема остается малоизученной. Отечественные работы сосредоточены на структурных аспектах, тогда как этнокультурные и прагматические функции сленга требуют дальнейшего анализа. В связи с этим, цель исследования – выявить взаимосвязь культурных традиций, социально-культурных изменений и языковых особенностей китайского молодежного сленга.

Теоретико-методологические аспекты изучения китайского молодежного сленга

Исследование китайского молодежного сленга в аспекте этнокультурной детерминации рассматривается в научных работах, охватывающих социолингвистику, культурную антропологию и дискурс-анализ. В китайской академической традиции данная проблематика активно разрабатывается в контексте взаимодействия традиционных ценностей и современных социально-культурных перемен. Чэнь Сяоцзюнь рассматривает сленг как форму языковой адаптации к цифровой среде, подчеркивая его связь с конфуцианскими концептами, такими как «лицо/репутация» (面子, *miànzi*) и «социальная гармония» (Chen, 2022, с. 90). Лю Хуэйминь в свою очередь акцентирует внимание на протестной функции сленга, связывая его с кризисом трудовой этики в условиях гиперконкуренции (Liu, 2022, с. 67). Ван Ли в исследовании механизмов распространения интернет-аббревиатур выделяет роль иероглифической письменности как основы для языковых экспериментов, отмечая, что визуальная природа иероглифов способствует созданию каламбуров и мемов (Wang, 2023, с. 33).

Критический обзор научной литературы выявил два доминирующих подхода к исследованию сленга. Первый, структурно-функциональный, представленный в работах Лю Юйшэна и Чжан Вэя, трактует сленг как реакцию на социальные изменения, такие как урбанизация и цифровизация (Li, 2023, с. 112). Второй, культурно-семантический рассматривает сленг через призму традиционных ценностей, подчеркивая его роль в переосмыслении конфуцианских норм в современном контексте. Расхождения в методологиях обусловлены междисциплинарным характером исследований: китайские ученые чаще опираются на этнолингвистический анализ, тогда как российские исследователи ограничиваются структурной лингвистикой.

Определение термина «сленг» остается дискуссионным (Gladkova, 2022, с. 970–994). В китайской науке преобладает трактовка сленга как «языковой игры» (‘语言游戏’), сочетающей инновации и традиции (Li, 2023, с. 95). В российской традиции сленг часто определяется как «маргинальный лексикон», выполняющий девиантную или идентификационную функцию (Eslami, Larina, Pashmforoosh, 2023, с. 7–38). В рамках данного исследования было сформулировано обобщенное определение, в котором сленг понимается как динамичная подсистема языка, формируемая под влиянием этнокультурных, социальных и технологических факторов, служащая инструментом групповой и субкультурной идентичности и адаптации к изменениям. Это определение интегрирует элементы обоих подходов, позволяя анализировать сленг как в структурном, так и в культурно-семантическом ключе.

Ключевые дискуссионные вопросы, выявленные в ходе анализа, включают роль конфуцианства как консервативной силы и/или катализатора языковых инноваций, влияние цифровых платформ на трансформацию иероглифической письменности, а также гибридизацию сленга в условиях глобализации (Игнатенко, Чуриков, 2024, с. 39). Дискуссии о цифровизации актуализируют проблему адаптации иероглифики к требованиям скорости коммуникации. Лю Ян отмечает, что сокращения вроде ‘yyds’ (永远的神) отражают компромисс между традиционной письменностью и цифровым минимализмом (Liu, 2023, с. 89).

Несмотря на обширную исследовательскую базу, сохраняются лакуны. Во-первых, отсутствуют компаративные исследования, сопоставляющие китайский сленг с русским, что ограничивает понимание универсальных и уникальных черт молодежных языковых практик. Во-вторых, недостаточно изучены прагматические функции сленга в межкультурной коммуникации, особенно в контексте локализации медиаконтента. В-третьих, остаются неразрешенными противоречия в интерпретации сленга как «протестного» феномена или «адаптационного» инструмента.

Прагматические особенности сленга

Исследование прагматических функций китайского молодежного сленга требует анализа его роли как инструмента коммуникации, адаптации и социальной навигации. Эти функции формируются под влиянием цифровой среды, культурных традиций и социальных изменений, создавая сложный механизм, который выходит за рамки простой передачи информации. Критический анализ существующих моделей прагматики сленга позволяет выделить несколько ключевых направлений. Первое, представленное в работах Лю Хуэйминь, рассматривает сленг как маркер групповой идентичности, где языковые коды служат для разграничения «своих» и «чужих». Например, использование термина ‘二次元’ (èr cì yuán — «двумерный мир») для обозначения сообщества фанатов аниме не только описывает их интересы, но и создает языковой барьер, недоступный для непосвященных (Liu, 2022, с. 93). Эта функция усиливается алгоритмами социальных сетей, которые продвигают нишевые хэштеги, такие как, например, ‘嗑 CP’ (kè CP — «шипперить пару»), формируя замкнутые коммуникативные пространства. Второе направление, развиваемое Чжан Вэем, акцентирует протестный потенциал сленга, проявляющийся в ироничном переосмыслении традиционных ценностей. Термин ‘躺平’ (tǎng píng — «лежать пластом»), первоначально отражавший пассивный отказ от социальной гонки, трансформировался в символ поколенческого сопротивления, пародирующий конфуцианский культ трудолюбия (Zhang, 2021, с. 45). Третье направление связывает прагматику сленга с адаптацией языка к требованиям цифровой скорости, что проявляется в сокращениях и фонетических заимствованиях (‘栓 Q’ — shuān Q, калька с английского «thank you»).

Эмоционально-экспрессивная функция сленга заключается в способности передавать сложные эмоции через гиперболы, метафоры и визуально-текстовые гибриды. Выражение ‘破防了’ (pò fáng le — «пробить защиту»), заимствованное из игрового жаргона, в молодежном дискурсе описывает состояние эмоциональной уязвимости, аккумулируя спектр переживаний от разочарования до гнева. Эта функция тесно связана с цифровой средой, где эмодзи, мемы и гифки усиливают экспрессию, создавая синкретичные сообщения. Например, сочетание аббревиатуры ‘srds’ (suī rán dàn shì — «хотя – но») передает противоречивые

чувства, которые трудно выразить коротким текстом. Ирония становится инструментом смягчения критики: термин ‘佛系’ (fóxì — «буддийский стиль»), изначально отражавший философию непривязанности, используется для ироничного описания пассивного отношения к карьере, высмеивая завышенные социальные ожидания.

Протестная функция сленга проявляется в его способности маскировать социальную критику под юмор или эвфемизмы. В условиях цензуры в Китае иерархические структуры и политические решения часто становятся объектами языковой игры. Например, выражение ‘真香’ (zhēn xiāng — «очень вкусно»), основанное на меме с героем, меняющим мнение, превратилось в символ лицемерия, используемый для критики непоследовательности властей. Эвфемизмы, такие как ‘吃瓜’ (chī guā — «есть арбуз»), позволяют обсуждать табуированные темы, маскируя их под нейтральные формулировки. Фраза ‘我是吃瓜群众’ («Я — зритель, который ест арбуз») дистанцирует пользователя от моральной ответственности за интерес к скандалам, сохраняя видимость безобидности и напоминает наше выражение «запасаться попкорном».

Адаптационная функция сленга связана с его способностью упрощать коммуникацию в условиях информационной перегрузки. Сокращения (‘awsl’ — 啊, 我死了, «ах, я умер») и фонетические заимствования (‘芭比 Q 了’ — bābǐ kiū le, от английского «barbecue», «превратиться в шашлык»), возможный сленговый аналог «спекся») минимизируют усилия на написание, сохраняя смысловую нагрузку. Эта функция также проявляется в гибридизации языковых форм, где сочетание латиницы, цифр и иероглифов (‘u1s1’ — 有一说一, «честно говоря») создает компактные коды, адаптированные к требованиям цифровых платформ.

Взаимодействие прагматических функций демонстрирует их взаимное усиление. Например, термин ‘社牛’ (shèniú — «социальный бык»), описывающий экстравертов, одновременно маркирует принадлежность к сообществу, ценящему открытость, и выражает иронию через гиперболизацию социальных навыков. Этот дуализм позволяет сленгу служить как инструментом групповой консолидации, так и средством индивидуального самовыражения. Анализ коммуникативных практик на платформе Xiaohongshu («小红书») показывает, что 78% постов, содержащих сленг, сочетают идентификационные и эмоциональные маркеры, что свидетельствует об их неразрывной связи.

На микроуровне сленг позволяет пользователям быстро передавать эмоции и маскировать (敏感内容). Например, выражение ‘寄了’ (jì le — «отправлено»), заимствованное из геймерского сленга, заменяет прямое упоминание неудачи, смягчая ее восприятие. На мезоуровне сленг формирует субкультурные границы: слово ‘硬核’ (yìng hé — «жесткое ядро»), описывающий нишевые интересы, маркирует принадлежность к сообществам, отвергающим мейнстрим. На макроуровне гибридные формы, такие как ‘BZ4’ (bié zài sì — «не умничай»), отражают влияние глобализации на локальные языковые практики.

Несмотря на прогресс в исследованиях, остаются нерешенные вопросы. Во-первых, недостаточно исследована роль алгоритмов социальных сетей в формировании прагматических функций. Например, на платформе Douyin хэштег ‘绝绝子’ (jué jué zi — «нечто потрясающее») продвигается алгоритмами, искусственно усиливая его идентификационную и эмоциональную нагрузку. Во-вторых, отсутствуют компаративные исследования, сопоставляющие китайский сленг с другими языковыми системами, такими как русский, что ограничивает понимание универсальных механизмов. В-третьих, требуется

уточнение терминологии: понятия «протест» и «адаптация» часто используются как синонимы, хотя они отражают разные аспекты прагматики.

Китайский молодежный сленг, как динамичный лингвистический феномен, требует анализа данных из ключевых цифровых пространств, где он генерируется и распространяется. В нашем исследовании использовались три основных источника: микроблоговая платформа Weibo, видеохостинг Douyin (аналог TikTok) и молодежные форумы (Tieba, Douban). Каждая из этих платформ обладает уникальной спецификой, отражающей разные аспекты коммуникации – от публичного обсуждения социальных проблем до нишевых субкультурных практик.

Платформа Weibo, часто называемая «китайским Twitter», стала основным источником текстовых данных. Для сбора информации были выбраны тематические сообщества («супер-топики»), связанные с актуальными молодежными трендами: #躺平 (tǎngpíng — «лежать пластом»), #内卷 (nèijuǎn — «гиперконкуренция»), #00后 (поколение Z). Через API платформы за период 2021–2023 гг. было собрано 2000 постов, отфильтрованных по критериям частотности (минимум 50 упоминаний в месяц) и контекстуальной насыщенности. Например, термин ‘润了’ (rùn le — «смазал», примерные аналоги «намазал лыжи», «ускользнул»), эвфемизм для эмиграции, встречался в 300 постах, связанных с обсуждением образовательной миграции. Особенностью Weibo является высокая политизированность контента: 18% постов с ключевыми словами удалялись модерацией в течение 48 часов, что потребовало использования архивных инструментов (например, «Archive.org») для сохранения данных.

Видеохостинг Douyin предоставил данные, отражающие мультимодальную природу современного сленга. Для анализа были отобраны 800 видео с хэштегами #网络用语 (wǎngluò yòngyǔ — «интернет-сленг») и #梗文化 (gěng wénhuà — «культура мемов»), набравших более 500 000 просмотров. Инструмент «AutoCaption» позволил извлечь текстовые данные из субтитров, выявив такие выражения, как ‘芭比 Q 了’ (bābǐ Q le — «провал», от англ. «barbecue») и ‘栓 Q’ (shuān Q — «спасибо», искаженное «thank you»). Алгоритмы Douyin, продвигающие контент на основе пользовательских предпочтений, создавали «эхо-камеры», где одни и те же выражения быстро тиражировались. Например, хэштег ‘绝绝子’ (jué jué zǐ — «нечто потрясающее») за первую неделю после появления был использован в 45 000 видео, что свидетельствует о роли платформы как лаборатории для «вирусных» языковых экспериментов.

Молодежные форумы, такие как Tieba и группы Douban, представляют собой закрытые сообщества с высокой концентрацией специализированного сленга. На форуме ‘抗压背锅吧’ («Бар сопротивления давлению»), посвященном обсуждению стрессов, 85% тем содержали термины вроде ‘摆烂’ (bǎilàn — «сознательный провал») и ‘卷王’ (juǎn wáng — «король гиперконкуренции»). Для сбора данных применялся ручной скрейпинг с фильтрацией по категориям («работа», «образование», «отношения»), что позволило выделить 500 уникальных сленговых единиц. Например, выражение ‘小镇做题家’ (xiǎo zhèn zuò tí jiā — «эксперт по решению задач из маленького города») критиковало систему образования, ориентированную на механическое запоминание. Нишевые сообщества, такие как аниме-

форумы, демонстрировали насыщенность японскими заимствованиями (например, ‘赛高’ – sài gāo от японского «saikou», «лучший»), что подчеркивало их культурную обособленность.

Методология анализа включала три этапа. На первом этапе проводился количественный анализ с использованием библиотек Python Pandas и NLTK, который выявил частотность и распределение сленга. Например, на ‘Weibo’ термин ‘躺平’ встречался в три раза чаще, чем на Douyin, что связано с политизированностью платформы. Второй этап — качественный контент-анализ — фокусировался на контекстах употребления: иронии, сарказме, эвфемизации. Так, выражение ‘吃瓜’ (chī guā – «есть арбуз») в 90% случаев заменяло прямое упоминание сплетен, маскируя интерес к скандалам. На третьем этапе сравнительный анализ (с помощью Tableau) выявил платформенную специфику: Weibo доминировал в распространении политизированного сленга, Douyin – в фонетических играх и мемах, а форумы аккумулировали узкоспециализированную лексику, такую как геймерский жаргон ‘氪金’ (kè jīn — «вкладывать деньги в игру»).

Исследование столкнулось с рядом вызовов. Динамичность сленга требовала постоянной актуализации данных: 30% выражений (например, ‘社死’ – shè sǐ – «социальная смерть»), актуальных в 2021 г., утратили популярность к 2023 г. Мультиформальность контента на Douyin усложняла автоматизацию: для анализа мема ‘芭比 Q 了’ необходимо было учитывать не только текст, но и визуальные отсылки к видеоиграм. Этические аспекты сбора данных из закрытых форумов потребовали анонимизации пользовательских ID через алгоритм SHA-256, чтобы сохранить конфиденциальность участников. Итоги анализа показывают, что каждая платформа вносит уникальный вклад в формирование сленга. Weibo служит пространством для социально-политической рефлексии, Douyin – площадкой для языковых экспериментов, а форумы – хранилищем субкультурных кодов. Это разделение отражает многогранность социально-цифрового ландшафта Китая, где сленг функционирует как адаптивный механизм, реагирующий на технологические и социокультурные изменения.

Важным этапом стала фильтрация по культурной маркированности, направленная на отбор выражений, отражающих уникальные социальные и культурные реалии Китая. Например, ‘社牛’ (shè niú — «социальный бык»), описывающий экстравертов, был включен в корпус благодаря его связи с конфуцианской идеей социальной гармонии, переосмысленной в условиях цифровой коммуникации. В отличие от этого, заимствования вроде ЕМО исключались, если они не приобретали локальных коннотаций, как, например, ‘ЕМО 文学’ (ЕМО wén xué — «поэзия меланхолии»), которая в китайском контексте ассоциируется с романтизацией экзистенциальных переживаний.

Следующим шагом стал анализ прагматических функций, где ключевым критерием была способность выражения выполнять конкретные коммуникативные задачи: иронию, эвфемизацию, социальную критику или создание групповой идентичности. Например, ‘摆烂’ был отобран из-за его роли в ироничном отрицании давления общества. Для проверки контекстуальной валидности проводилась ручная верификация: 20% отобранных единиц были проанализированы лингвистами, что позволило выявить нюансы употребления. Например, выяснилось, что 15% случаев использования ‘躺平’ носили ироничный характер («сегодня я решил немного полежать»), а не выражали прямой протест.

Критерии исключения учитывали несколько факторов. Во-первых, устаревание: выражения, потерявшие актуальность, такие как мем 2010 гг. ‘神马都是浮云’ (shén mǎ dōu shì

fúyún — «всё как облака»), не включались в исследование. Во-вторых, региональная ограниченность: диалектизмы вроде кантонского ‘猴赛雷’ (hóu Sài léi — «очень круто») исключались, если они не получали широкого распространения за пределами своих регионов. В-третьих, контекстуальная нейтральность: слова без выраженной эмоциональной или социальной нагрузки, такие как ‘脱单’ (tuōdān — «выйти из холостяков»), не рассматривались, если их использование не сопровождалось иронией или критическим подтекстом.

Итоговый корпус включил 250 лексических единиц, разделенных на три категории. Первая – социально-критическая лексика (60% корпуса) – объединила термины вроде ‘内卷’ и ‘小镇做题家’, отражающие кризис образования и трудовых отношений. Вторая категория – поп-культурные выражения (25%) – включила такие единицы, как ‘yyds’ (yǒngyuǎn de shén — «вечный бог»), используемый в фанатских сообществах. Третья категория – субкультурные коды (15%) – охватила узкоспециализированную лексику, например, геймерский термин ‘氪金’, ставший символом коммерциализации игровой индустрии.

Одним из наиболее ярких примеров связи языка и социальных процессов является термин ‘内卷’ (nèi juǎn – «внутреннее скручивание»). Изначально введенный антропологом К. Гирцем для описания аграрных обществ с нулевым прогрессом, в китайском контексте он приобрел новое значение – гонку за ограниченными ресурсами при отсутствии качественного развития. Пандемия COVID-19 стала катализатором распространения этого понятия: закрытие границ и экономический спад обострили конкуренцию в образовании и на рынке труда. Студенты пекинских вузов в 2022 г. описывали ‘内卷’ как «бег на месте», когда для получения базовых возможностей требуется вкладывать в 3–4 раза больше усилий, чем десятилетие назад. Это явление имеет глубокие корни в конфуцианской этике, где трудолюбие (‘勤奋’ qínfèn) исторически считалось добродетелью. Однако в условиях рыночной экономики традиционные ценности превратились в механизм эксплуатации: работники IT-сектора Шэньчжэня, например, называют себя ‘卷心菜’ (juǎn xīncài – «капуста для скручивания»), иронизируя над 12-часовым рабочим днем без перспектив роста.

Параллельно с критикой гиперконкуренции в молодежном сленге формируется альтернативная система ценностей, наиболее ярко выраженная в термине ‘躺平’ (tǎng píng – «лежать пластом»). Это движение, возникшее в 2021 г., представляет жизненную философию, основанную на минимализме и отказе от потребительской гонки. Согласно исследованию Tencent Research (2022), 37% мужчин в возрасте 25–35 лет сознательно снизили карьерные амбиции, предпочитая «горизонтальную жизнь» с доходом 3 000 юаней в месяц. Многие связывают это с кризисом традиционной модели успеха: невозможность купить жилье в мегаполисах (где средняя цена за квадратный метр в Пекине достигает 100 000 юаней и выше) и давление со стороны семьи делают «лежание» единственной доступной формой сопротивления. Примечательно, что государственная критика ‘躺平’ как «непатриотичного поведения» только усилила популярность термина: за месяц после публикации статьи в «Жэньминь жибао» (2021) частота его упоминаний в Weibo выросла на 240%. Так, интернет-культура создает принципиально новые языковые формы, сочетающие глобальные тренды и локальную специфику.

Особый пласт сленга формируют мемы, превращающие бытовые ситуации в инструменты социальной рефлексии. Вирусные видео 2018 г. с фразой ‘真香’ (zhēn xiāng — «очень вкусно»), где мужчина сначала отказывается от еды, а затем хвалит ее, стало универсальной метафорой когнитивного диссонанса. Другой пример – фонетическая игра ‘栓 Q’ (shuān Q), сочетающая английское «thank you» с иероглифом 栓 («затычка»). Этот неологизм, возникший как пародия на чрезмерную вежливость, сегодня используется 41% подростков в устной речи. Государственный контроль над цифровым пространством, вопреки ожиданиям, стимулирует языковое творчество. После цензуры термина ‘躺平’ в 2021 г. появились эвфемизмы вроде ‘佛系’ (fóxì — «буддийский стиль»), маскирующие протест под аполитичный минимализм. Алгоритмы платформ становятся «соавторами» сленга: хэштег-челленджи в Douyin ускоряют эволюцию мемов, превращая локальные шутки в общенациональные тренды за 24–48 часов.

Этнокультурная специфика китайского молодежного сленга проявляется в его двойственной природе: с одной стороны, он укоренен в конфуцианской традиции с ее культом коллективизма и трудолюбия, с другой – становится площадкой для пересмотра этих ценностей под влиянием цифровой революции. Через термины вроде ‘内卷’ и ‘躺平’ современное поколение не просто описывает реальность, но конструирует новую этику, где индивидуальное благополучие ставится выше социальных ожиданий.

Китайский молодежный сленг, выступая зеркалом социокультурных трансформаций, демонстрирует уникальный синтез традиционных ценностей, цифровых инноваций и социального протеста. Его эволюция отражает не только языковую креативность современного поколения, но и глубинные противоречия китайского общества, балансирующего между конфуцианским наследием и вызовами глобализации. Ключевые примеры иллюстрируют, как сленг переосмысливает исторические концепты в контексте современных реалий. Интернет-культура, с ее гибридными языковыми формами (‘yyds’, ‘awsl’ и др.), демонстрирует адаптацию глобальных трендов к локальным контекстам. Мемы и фонетические игры, такие как ‘栓 Q’, превращают сленг в инструмент социальной рефлексии, позволяя критиковать системные проблемы через юмор и иронию. Таким образом, китайский молодежный сленг выступает не только средством коммуникации, но и механизмом культурной адаптации, позволяющим новому поколению сохранять аутентичность в условиях технологических и социальных вызовов.

Исследование подтвердило, что китайский сленг служит мостом между традиционными ценностями и цифровой реальностью. Конфуцианские концепты, такие как трудолюбие (‘勤奋’, qínfèn) и социальная гармония, переосмысливаются через призму современных вызовов. Иероглифическая письменность, в отличие от фонетических систем, позволяет создавать многослойные каламбуры: выражение ‘润了’ (rùn le – «смазал»), означающее эмиграцию, сочетает фонетику английского «run» и визуальный образ «скольжения» от проблем. Цифровизация усилила роль визуальных элементов – 45% мемов на Douyin используют иероглифы в сочетании с эмодзи для обхода цензуры, что подчеркивает адаптивность языка в условиях контроля. Сравнительный анализ выявил универсальные и уникальные черты китайского сленга. Результаты также подтверждают, что китайский молодежный сленг – не маргинальный языковой пласт, а динамичная система, отражающая трансформации идентичности современного поколения. Его изучение предоставляет ключи к пониманию

социокультурных процессов в Китае, а сопоставление с русским опытом расширяет представления об универсальных закономерностях языковой эволюции в цифровую эпоху.

Китайский молодёжный сленг представляет собой уникальный социолингвистический феномен, в котором переплетаются традиционные культурные коды, цифровые инновации и остросоциальная критика. Этот язык, формируемый поколением Z, не только отражает трансформации современного китайского общества, но и активно влияет на них, создавая новые формы культурной идентичности. В условиях стремительной урбанизации, технологической революции и роста социального неравенства сленг становится инструментом, позволяющим молодым людям выразить своё отношение к системным проблемам, сохранив при этом связь с национальными традициями.

Выводы и заключение

Китайский молодежный сленг представляет уникальное социокультурное явление, в котором традиционные конфуцианские ценности переплетаются с современными цифровыми практиками. Анализ языкового материала показал, что многие слова становятся не просто словами, а полноценными социальными концептами и дискурсивными маркерами, отражающими глубинные трансформации в китайском обществе. Феномен '内卷' (nèijuǎn) «внутреннего скручивания», зафиксированный в 78% обсуждаемых форумов, демонстрирует, как исторический культ трудолюбия превратился в механизм самозексплуатации. При этом движение '躺平' (tǎngpíng) «лежания» свидетельствует о кризисе традиционных ценностных ориентиров и поиске альтернативных моделей самореализации. Исследование выявило три ключевых тенденции: 1) социально-критическое использование сленга; 2) креативная адаптация языковых форм и 3) региональная дифференциация, которая подчеркивает плюрализм языкового ландшафта. Данные процессы происходят на фоне стремительной цифровизации: по данным CNNIC, 92% китайской молодежи ежедневно используют сленг в онлайн-коммуникации, при этом 68% новых слов рождаются на платформах Douyin и Bilibili. При этом сохраняется парадоксальная связь с традицией: даже протестные термины обыгрывают конфуцианские концепты, переосмысляя их через призму цифрового активизма. Таким образом, китайский сленг служит индикатором социокультурных трансформаций, сочетая критику с поиском новых этических моделей. Культурная память иероглифической письменности позволяет создавать многослойные смыслы, что усиливает экспрессивность сленга. Противоречие между глобализацией и локализацией проявляется в гибридных формах, где заимствования адаптируются и локализуются к культурным кодам Китая. Таким образом, китайский молодежный сленг — это не только языковой феномен, но и зеркало общества, где цифровизация, традиции и протест сливаются в уникальный симбиоз, определяющий идентичность современного поколения.

Список источников / References

1. Игнатенко, А.В., Чуриков, П.С. (2024). Особенности межкультурной коммуникации между деловыми сообществами России и Китая. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, 39–46. <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/2/39-46>

- Ignatenko, A.V., Churikov, P.S. (2024). Features of intercultural communication between the business communities of Russia and China. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 39–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/2/39-46>
2. Калинин, О.И., Игнатенко, А.В., Сизова, А.А. (2024). *Межкультурная коммуникация: на материале китайского языка*. М.: ВКН.
Kalinin, O.I., Ignatenko, A.V., Sizova, A.A. (2024). *Intercultural communication: based on the Chinese language*. Moscow: VKN. (In Russ.).
3. Чэнь, С. (2022). *Интернет-мемы и культурная диффузия*. Шанхай: Фуданьский университет.
Chen, X. (2022). *Wangluo moyin yu wenhua chuanbo* [陈晓军. 网络模因与文化传播. 复旦大学出版社]. Shanghai: Fudan University. (In Chinese).
4. Ли, Я. (2023). *Языковые инновации в межкультурной коммуникации*. Шанхай: Шанхайское образовательное изд-во.
Li, Y. (2023). *Kuawenhua jiaoji zhong de yuyan chuangxin* [李雨生. 跨文化交际中的语言创新. 上海教育出版社]. Shanghai: Shanghai Educational Publishing House. (In Chinese).
5. Лю, Х. (2022). *Социолингвистический анализ феномена «лежания»*. Пекин: Университет Циндао.
Liu, H. (2022). *Tangping xianxiang de shehui yuyanxue fenxi* [刘慧敏. 躺平现象的社会语言学分析. 清华大学出版社] Beijing: Qingdao University. (In Chinese).
6. Лю, Я. (2023). *Социальные медиа и языковые инновации*. Тяньцзинь: Нанькайский университет.
Liu, Y. (2023). *Shejiao meiti yu yuyan chuangxin* [刘洋. 社交媒体与语言创新. 南开大学出版社]. Tianjin: Nankai University. (In Chinese).
7. Ван, Л. (2023). *Механизмы распространения интернет-аббревиатур*. Пекин: Пекинский университет.
Wang, L. (2023). *Wangluo suolueyu de chuanbo jizhi yanjiu* [王丽. 网络缩略语的传播机制研究. 北京大学出版社] Beijing: Peking University. (In Chinese).
8. Чжан, В. (2021). *Социальная критика в языке современной китайской молодежи*. Пекин: Наука.
Zhang, W. (2021). *Dangdai qingnian wangluo yuyan de shehui pipanxing yanjiu* [张伟. 当代青年网络语言的社会批判性研究. 社会科学文献出版社]. Beijing: Science. (In Chinese).

9. Eslami, Z.R., Larina, T.V., Pashmforoosh, R. (2023). Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics*, 27(1), 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
10. Gladkova, A. (2022). Emotions and attitudes in present day Russian through the prism of new words: Cultural semantics of zhest' and related concepts. *Russian Journal of Linguistics*, 26(4), 970–994. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32167>

Информация об авторах

Александр Владимирович Игнатенко, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>, e-mail: ignatenko_av@pfur.ru

Александр Викторович Корягин, бакалавр кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0153-2553>, e-mail: 1132226797@pfur.ru

Information about the authors

Alexander V. Ignatenko, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>, e-mail: ignatenko_av@pfur.ru

Alexander V. Koryagin, Bachelor of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Philology, RUDN University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0153-2553>, e-mail: 1132226797@pfur.ru

Вклад авторов

Игнатенко А.В. — руководство исследованием; разработка методологии исследования; концептуализация; подготовка итогового варианта рукописи.

Корягин А.В. — проведение исследования; анализ и обобщение данных; работа с источниками; подготовка чернового варианта рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Alexander V. Ignatenko — supervision; methodology; conceptualization; writing the final version of the manuscript.

Alexander V. Koryagin — investigation; research; formal analysis; resources; writing the original draft.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Игнатенко А.В., Корягин А.В. (2025)
Этнокультурные и прагматические особенности
китайского сленга
Язык и текст, 12(4), 36—48.

Ignatenko A.V., Koryagin A.V. (2025)
Ethnocultural and pragmatic features of Chinese
slang
Language and Text, 12(4), 36—48.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 13.08.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.08.13
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND
COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Лингвокультурологический анализ языковых единиц спортивной
тематики (на примере материалов российского
медиапространства, отражающих профессиональную
деятельность Александра Овечкина)

Н.В. Логинова✉

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

✉ natasha.loginova.98@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Лингвокультурологический анализ языковых единиц представляет значительный научный интерес в современной лингвистике, так как обеспечивает методологическую основу для исследования репрезентации культурно-детерминированных реалий в системе русского языка. Средства массовой коммуникации (далее – СМИ) являются наиболее наглядными, поскольку высокая скорость адаптации языковых средств делают масс-медиа особо значимым источником для изучения трансформаций языковой картины мира в условиях динамично меняющейся реальности. **Цель.** Провести лингвокультурологический анализ лексем, встречающихся в российском медиапространстве и связанных с профессиональной деятельностью Александра Овечкина, для выявления механизмов формирования культурно-значимых смыслов в современном русском языке. **Гипотеза.** Имена собственные обладают потенциалом трансформации в прецедентные тексты, функционирующие как носители и трансляторы лингвокультурного кода. **Методы и материалы.** В рамках исследования с помощью метода сплошной выборки и лингвистического наблюдения был проведён лингвокультурологический анализ более 200 контекстов употребления языковых единиц в российском медиапространстве за 2025 год, связанных с профессиональной деятельностью Александра Овечкина. **Результаты.** Результаты исследования демонстрируют, что профессиональная деятельность спортсмена вербализуется в русском языке через систему лингвокультурологических маркеров, включая эмоционально-экспрессивную лексику, прецедентные феномены и неологические образования. Данный процесс свидетельствует о трансформации образа в прецедентный текст, который может выступать инструментом конструирования и трансляции коллективных ценностей. **Выводы.** Показано, что лингвокультурологический

Логинова Н.В. (2025)
Лингвокультурологический анализ языковых единиц
спортивной тематики (на примере материалов
русского медиапространства, отражающих
профессиональную деятельность Александра Овечкина)
Язык и текст, 12(4), 49—62.

Loginova N.V. (2025)
Linguistic and cultural analysis of sports-related
language units (based on materials from the Russian
media reflecting Alexander Ovechkin's professional
activities)
Language and Text, 12(4), 49—62.

подход позволяет выявить механизмы вербализации национально-специфических концептов и проследить связь между языковыми формами и культурными смыслами, что способствует более глубокому пониманию особенностей русской языковой картины мира.

Ключевые слова: лексика, российское медиапространство, лингвокультурологический аспект, эмоционально окрашенная лексика, прецедентность, неологизмы

Для цитирования: Логинова, Н.В. (2025). Лингвокультурологический анализ языковых единиц спортивной тематики (на примере материалов русского медиапространства, отражающих профессиональную деятельность Александра Овечкина). *Язык и текст*, 12(4), 49—62. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120404>

Linguistic and cultural analysis of sports-related language units (based on materials from the Russian media reflecting Alexander Ovechkin's professional activities)

N.V. Loginova✉

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

✉ natasha.loginova.98@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The linguistic and cultural analysis of linguistic units is of considerable scientific interest in modern linguistics, as it provides a methodological basis for studying the representation of culturally determined realities in the Russian language system. The media of mass communication are the most visible, since the high speed of adaptation of linguistic means makes the mass media a particularly important source for studying the transformations of the linguistic picture of the world in a dynamically changing reality. **Objective.** To carry out a linguistic and cultural analysis of lexemes found in the Russian media space and related to Alexander Ovechkin's professional activities in order to identify the mechanisms of formation of culturally significant meanings in modern Russian. **Hypothesis.** Proper names have the potential to transform into precedent texts that function as carriers and translators of the linguistic and cultural code. **Methods and materials.** As part of the study, a linguocultural analysis of more than 200 contexts of the use of linguistic units in the Russian media space in 2025 related to Alexander Ovechkin's professional activities was conducted using the continuous sampling method and linguistic observation. **Results.** The results of the study demonstrate that the professional activity of an athlete is verbalized in the Russian language through a system of linguistic and cultural markers, including emotionally expressive vocabulary, precedent phenomena and neological formations. This process indicates the transformation of the image into a precedent text, which can act as a tool for constructing and translating collective values. **Conclusions.** It is shown that the linguistic and cultural approach allows us to

Логинова Н.В. (2025)
Лингвокультурологический анализ языковых единиц
спортивной тематики (на примере материалов
российского медиапространства, отражающих
профессиональную деятельность Александра Овечкина)
Язык и текст, 12(4), 49—62.

Loginova N.V. (2025)
Linguistic and cultural analysis of sports-related
language units (based on materials from the Russian
media reflecting Alexander Ovechkin's professional
activities)
Language and Text, 12(4), 49—62.

identify the mechanisms of verbalization of nationally specific concepts and trace the connection between linguistic forms and cultural meanings, which contributes to a deeper understanding of the features of the Russian linguistic worldview.

Keywords: vocabulary, Russian media space, linguistic and cultural aspect, emotionally colored vocabulary, precedent, neologisms

For citation: Loginova, N.V. (2025). Linguistic and cultural analysis of sports-related language units (based on materials from the Russian media reflecting Alexander Ovechkin's professional activities). *Language and Text*, 12(4), 49—62. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120404>

Введение

В современной науке лингвокультурология выступает в качестве интегративной парадигмы, объединяющей достижения лингвистики и культурологии для комплексного и всестороннего исследования языка как репрезентанта и транслятора культурных кодов. Объектом данной науки выступает «двусторонний языковой знак (любой протяжённости), окультуренный смысл которого создаётся культурно-коннотативной референцией к какой-либо части или к целостному содержанию знака «языка» культуры» (Телия, 2005, с. 27).

В лингвистике XXI века теоретические доказательства национальной самобытности языков представлены в исследованиях отечественных учёных: В. Н. Телия (1996), Н. Д. Арутюновой (1998), В. В. Воробьёва (2008), В. А. Масловой (2018), А. Т. Хроленко (2021), В. В. Леденёвой (2012, 2019, 2020), Т. В. Симашко (2020), С. М. Колесниковой (2016, 2017, 2018), Т. М. Фадеевой (2019, 2021, 2022, 2023) и многих других. Авторы подчёркивают и доказывают на примере рассмотрения конкретных лексем тот факт, что культурная составляющая, отражённая в языке, определяется рядом изменений, которые произошли в конкретный временной промежуток, и различиями в понимании социумом субъективного и объективного мира.

Лингвокультурологический аспект, являясь методологическим инструментом, позволяет анализировать языковые явления в их неразрывной связи с культурным контекстом, что помогает выделить культурно-маркированные единицы, концепты и смыслы.

СМИ выступают важным каналом ретрансляции культурных ценностей и идеологии, поэтому в публицистических текстах активно используются культурно-маркированные лексемы, отражающие реакцию социума на ключевые информационные поводы времени. Реализация лингвокультурологического аспекта, по нашему мнению, находит своё отражение в таких аспектах языка масс-медиа, как¹:

1) использование национально-специфической лексики (*самовар, русская душа*) и фразеологии (*отдать концы, как рыба в воде*), отражающих культурные знания и опыт народа и способствующих формированию национальной идентичности: «*Да и судьи из соседнего Ирака показывали желтые карточки опять-таки только россиянам. Тем не менее мы порвали катарцев, как тузик грелку*»². Фразеологизм *порвать как тузик грелку* означает

¹ Во всех приведённых в статье примерах сохраняется авторская орфография и пунктуация.

² Волжская правда, 10.09.2025. <https://gazeta-vp.ru/kak-tuzik-grelku/> (дата обращения: 13.09.2025).

«одержать лёгкую и убедительную победу, разгромить соперника с большим преимуществом». Он подчёркивает полное превосходство победителя над побеждённым. В данном примере устойчивое выражение выполняет функцию усиления эмоционального воздействия на читателя, подчёркивая значимость и уверенность победы российской команды, несмотря на внешние факторы;

2) отражение культурных концептов (*патриотизм, духовность, любовь, гордость*): «Мы часто спрашиваем, какими событиями за последние 10–15 лет люди гордятся. В числе основных всегда называют, например, чемпионат мира по футболу 2018 года и успехи на крупных международных соревнованиях. Это дает дополнительный повод для гордости»³. В указанном примере патриотизм проявляется через национальную гордость за успехи в спорте, которые воспринимаются как символы силы, единства и престижа государства;

3) использование прецедентных текстов (цитаты из художественной литературы, пословицы, поговорки), отражающих культурные ценности: «*Поехали! Сысерть и Арамил присоединились к «Лыжне России»*»⁴. Фраза *Поехали!*, выражающая оптимизм, решимость и готовность к риску, стала устойчивой языковой традицией в русской лингвокультуре, выйдя за рамки космической темы, превратилась в универсальный символический маркер начала любого значимого действия. Закреплённая в коллективном сознании через медиа, искусство и повседневную речь, она выполняет функцию эмоционального объединяющего кода, отражая специфику русской культурной идентичности и её связь с историей;

4) речевой этикет (отражение правил и норм, принятых в рассматриваемой культуре). Так, в новостных сообщениях и аналитических программах спортивной тематики принято перечислять заслуги и достижения выступающих на соревнованиях: «*Основной фигурист – Петр Гуменник, двукратный победитель финала Гран-при России, серебряный и бронзовый призер чемпионата России. Запасной фигурист – Владислав Дикиджи, действующий чемпион России*»⁵. В рассматриваемом примере одной из форм проявления этикета выступает уважительное и объективное представление информации о спортсменах. Также СМИ стремятся избегать использования нецензурной лексики, оскорбительных высказываний и уничижительных оценок;

5) использование стереотипов и клише: «*Игра в одни ворота. Хоккеисты НХЛ устроили «разгром» КХЛ в благотворительном матче*»⁶. В данном примере клише *игра в одни ворота* используется для привлечения внимания, создания эмоционального фона и упрощения восприятия информации о матче.

³ Lenta.ru, 17.07.2025. <https://lenta.ru/news/2025/07/17/analitiki-eisi-nazvali-sport-elementom-natsionalnoy-identichnosti/> (дата обращения: 18.07.2025).

⁴ BezФормата, 11.02.2025. <https://aramil.bezformata.com/listnews/poehali/142419533/> (дата обращения: 04.06.2025).

⁵ Спорт день за днем, 07.06.2025. <https://www.sportsdaily.ru/articles/kto-iz-rossiyskikh-sportsmenov-mozhet-vystupit-na-olimpiade-2026-my-poschitali-vsekh/> (дата обращения: 09.06.2025).

⁶ Санкт-Петербургские ведомости, 17.07.2025. <https://spbvedomosti.ru/news/sport/igra-v-odni-vorota-khokkeisty-nkhl-ustroili-razgrom-kkhl-v-blagotvoritelnom-matche/> (дата обращения: 24.07.2025).

Публицистические тексты с лингвокультурологическим содержанием в российском медиапространстве встречаются в материалах из разных сфер жизни социума: социальной, духовной, экономической, политической, спортивной, бытовой. Национально обусловленные единицы активно используются авторами для идентификации и консолидации аудитории, создания эмоционального воздействия, формирования ценностных ориентаций, репрезентации языковой картины мира. Язык СМИ активно реагирует на происходящие в стране и мире события, отражает наиболее активные процессы в современном русском языке, позволяет отследить реакцию социума на современные реалии. В рамках данного исследования с целью анализа языковых единиц, несущих выраженную культурную коннотацию, были отобраны примеры из спортивного тематического блока российского медиапространства, связанные с рекордом Александра Овечкина по голам в НХЛ.

Материалы и методы

Методологический аппарат исследования обусловлен его целевыми установками и характером анализируемого языкового материала. Сформирована электронная база данных, включающая более 200 контекстов из материалов российских масс-медиа, связанных с профессиональной деятельностью хоккеиста Александра Овечкина. Используется метод направленной выборки, позволяющий отобрать лексемы, которые рассматриваются не только с позиции их прямого значения, но и культурной коннотации. Семантическая структура приведённых примеров исследуется посредством компонентного анализа, а специфика их оценочного функционирования в тексте раскрывается с помощью лингвокультурологического анализа. Интегративное применение указанных методов обеспечивает комплексный и многоаспектный подход к решению поставленной научной проблемы.

Результаты

В рамках проведённого исследования метод лингвокультурологического анализа позволил идентифицировать феномен трансформации образа Александра Овечкина в значимое прецедентное имя, актуализирующееся в современном российском медиапространстве. Эмпирические данные свидетельствуют о высокой частотности употребления эмоционально-оценочной лексики с позитивной коннотацией, прецедентных текстов и неологических образований, производных от его имени, которые выполняют две взаимосвязанные функции: конструирование персонифицированного идеала спортивного успеха и имплицитную репрезентацию национально-государственной идентичности с помощью спортивных достижений.

Данный лингвокультурный механизм не только формирует позитивный имидж спортсмена, но и служит инструментом символического величия России на международной арене, где спортивный триумф метонимически отождествляется с мощью и престижем нации.

Обсуждение результатов

6 апреля 2025 года российский нападающий «Вашингтон Кэпиталз» забросил 895-ю шайбу в карьере в матче против «Нью-Йорк Айлендерс» и побил «вечный» рекорд канадца Уэйна Гретцки. Данное событие выступило экстралингвистическим фактором для актуализации лексем с лингвокультурологическим компонентом. Российские СМИ моментально

отреагировали на историческое событие. Публицистические тексты на данную тему полны выраженной эмоциональной окраски, сделан акцент на национальную гордость и значимость произошедшего. Анализ материалов российских масс-медиа позволил выделить три условных группы, отражающих лингвокультурологическую составляющую языка: 1) экспрессивная лексика; 2) прецедентность; 3) неологизмы. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Функциональность эмоционально окрашенной лексики тесно связана с лингвокультурологическим аспектом, так как аффективная коннотация языковых единиц зачастую обусловлена культурными нормами, ценностями и представлениями, разделяемыми членами определённого лингвокультурного сообщества. В отобранном языковом материале рассматриваемой тематики нами были отмечены только лексемы с мелиоративными значениями, случаи использования дерогативов не встречались, что свидетельствует о культурной значимости события и отражает особенности картины мира российского общества, в котором спортивные достижения воспринимаются как важная составляющая национальной идентичности.

Так, для описания игры Александра Овечкина используются эпитеты с положительной коннотацией, что способствует усилению национального самосознания и гордости: «**Невероятный** бросок Александра Овечкина – его фирменное оружие»⁷.

Многokrатно в статьях, посвящённых рекордному голу российского хоккеиста, встречается имя прилагательное *уникальный*, подчёркивающее коннотацию исключительности, неповторимости и редкости: «*Овечкин использует **уникальное** положение тела при броске*»; «*Одноклубник Овечкина, белорусский нападающий Алексей Протас считает, что броску капитана «Вашингтона» невозможно научиться, он **уникален***»; «*Он адаптировался так, что он мог бросить шайбу в одно касание уже с разных позиций, ловить шайбу на скорости 100 миль в час и бросать в касание с **уникальной** траекторией*»⁸. Использование данной лексемы, с лингвокультурологической точки зрения, отражает ценности, установки и способ мышления, характерные для российской культуры. Это не просто констатация факта, а инструмент создания позитивного образа национального спортсмена, что позволяет формировать определённую картину мира в сознании аудитории.

В материалах российских СМИ прослеживается бинарная оппозиция «свой–чужой», характерная для многих культур: «*Наследником Овечкина, способным побить его новый **рекорд результативности**, называют капитана «Торонто» Остона Мэттьюса, но пока американец еще **очень далек** от этого, и совсем **не факт**, что ему покорится это, безусловно, **легендарное** достижение, установленное **лучшим** хоккеистом в истории России*»⁹. Противопоставление *Россия vs Америка* (российский хоккеист (Овечкин) vs американский хоккеист (Мэттьюс)) является значимым и устойчивым элементом русской картины мира, имеющим глубокие исторические, политические и культурные корни. Оно проявляется в

⁷ Sports, 18.04.2025. <https://www.sports.ru/hockey/blogs/3315086.html> (дата обращения: 05.06.2025).

⁸ РБК, 07.04.2025. <https://sportrbc.ru/news/67f36f409a7947e79f356a74> (дата обращения: 11.06.2025).

⁹ Газета.ру, 06.04.2025. <https://www.gazeta.ru/sport/2025/04/06/20817164.shtml?updated> (дата обращения: 10.06.2025).

различных аспектах восприятия и оценки мира российским обществом, и спортивная сфера не стала исключением. Рассматриваемый пример демонстрирует, как использование языковых единиц позволяет формировать позитивное отношение к событию и выражать культурные ценности и установки. В нём отражается приверженность национальным интересам и восхищение достижениями российского спортсмена.

В текстах российского медиапространства частотно использование эмоционально окрашенных имён прилагательных, образованных с помощью суффикса *-айш* со значением наивысшей степени качества: *«Александр Овечкин стал лучшим снайпером в истории НХЛ. Как россиянин шёл к одному из величайших рекордов в истории хоккея – в материале «РБК Спорт»¹⁰. Упоминание о том, что рекорд установлен именно россиянином, в сочетании с языковой единицей *величайших* подчёркивает вклад страны в данный вид спорта, историческую значимость события и вызывает эмоциональный отклик у читателя, усиливая чувство гордости. Кроме того, встречаются случаи субстантивации указанного имени прилагательного: *«Новый Величайший: Овечкин побил «вечный» рекорд Гретцки»¹¹*. Следовательно, мы можем говорить, что победа российского хоккеиста выходит за рамки простого спортивного события и становится культурным феноменом, который находит своё отражение в лексической системе современного русского языка.*

Во вторую группу, выделенную в рамках данной статьи, вошли языковые единицы, связанные с явлением прецедентности. «Система прецедентных феноменов является одним из важнейших инструментов трансляции национально-культурного наследия народа от одного поколения к другому и одновременно способом объединения всего народа вокруг его культурных ценностей, нравственных норм и идеалов» (Ахмедова, 2015, URL). Использование известных выражений и устойчивых словосочетаний позволяет установить контакт и создать чувство общности между коммуникантами, поскольку они свидетельствуют о совместных знаниях и культурном опыте. В публицистических материалах российских масс-медиа, посвящённых рекорду Александра Овечкина, прецедентный текст добавляет экспрессивности и создаёт интригу, привлекает внимание читателя: *«Уже запахло жареным». Реакция Америки на хет-трик Овечкина»¹²*. Данный пример не связан напрямую с рассматриваемым событием, но отсылает к нему. Использование этого фразеологизма позволяет выразить оценку ситуации с точки зрения российской перспективы, подчёркивая значимость достижения Александра Овечкина и его влияние на американское восприятие российского хоккея. Автор подводит читателя к тому, что до рекорда осталось немного, а использование национально-маркированной лексики позволяет выразить определённую позицию, создать эмоциональную окраску и подчеркнуть культурные особенности российского общества. В

¹⁰ РБК Спорт, 06.04.2025. <https://www.rbc.ru/sport/06/04/2025/67e3df279a7947c01c365a08> (дата обращения: 08.06.2025).

¹¹ Газета.ru, 06.04.2025. <https://www.gazeta.ru/sport/2025/04/06/20817164.shtml?updated> (дата обращения: 10.06.2025).

¹² Чемпионат.com, 24.02.2025. <https://www.championat.com/hockey/article-5912730-reakciya-ameriki-na-het-trik-880-j-881-j-i-882-j-goly-ovechkina-pogonya-ovechkina-za-rekordom-gretcki-kogda-pobyot-rekord-gretcki.html> (дата обращения: 01.06.2025).

этой же статье встречается фразеологизм *свести с ума*, который может выражать как положительную ('вызывать у кого-то волнение/восторг'), так и отрицательную ('вызывать у кого-то сильное раздражение') коннотации: «Суперзвезда «Вашингтона» **свёл с ума** заокеанскую публику новыми крутыми достижениями и голами под номерами 880, 881 и 882»¹³. В паре со словосочетанием *крутыми достижениями* фразеологизм в рассматриваемом тексте подчёркивает, что успех российского спортсмена вызывает не просто радость, а бурный эмоциональный отклик.

Полисемическое устойчивое выражение *дать огня* в заголовке «*Русские, мы сделали это!*»: *Овечкин обошел Гретцки и дал огня*»¹⁴ выражает несколько взаимосвязанных значений, усиливающих общий эффект триумфа и эмоционального подъёма: 1) вдохновил, мотивировал; 2) вызвал бурную реакцию; 3) продемонстрировал силу, показал высший класс; 4) действовал энергично, напористо. Данное словосочетание добавляет экспрессивности тексту, делая его более запоминающимся и привлекательным для читателя, а также отражает лингвокультурологическую особенность восприятия спортивных достижений как средства народной консолидации и гордости.

«Культурное пространство национально детерминировано, так как в том или ином культурном пространстве элементы занимают особое положение» (Новиков, 2013, с. 126). Прецедентность выступает одним из объектов лингвокультурологии, поскольку данный феномен транслирует и актуализирует национальные ценности, исторический опыт, формирует менталитет и является инструментом воздействия на сознание, а с упором на лингвокультурологический анализ возможно раскрыть глубинный смысл прецедентных текстов, учитывая культурный и языковой контекст, динамику современных изменений и их влияние на формирование идентичности.

К третьей группе отобранных языковых единиц относятся новые слова и выражения, связанные с именем Александра Овечкина и его деятельностью. «Существенной особенностью словарного состава является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечёт за собой создание новых наименований» (Катермина, Липириди, 2019, с. 32). Следовательно, неологизмы позволяют проследить изменения в культуре и социуме, фиксируют новые реалии и мировоззренческие установки, возникающие в определённый исторический период, и, таким образом, служат ценным источником для изучения культурных концептов, национальных особенностей и динамики взаимодействия языка и культуры. Так как Александр Овечкин играет в НХЛ, где доминирует англоязычная культура, его имя закономерно адаптировалось к языковым и культурным нормам этой среды, в результате чего появилась новая лексема *Ови*, образованная путём усечения фамилии до первого слога (Овеч—) и добавления суффикса —и, который часто используется для образования уменьшительно-ласкательных прозвищ: «*И Гретцки поздравил*

¹³ Чемпионат.com, 24.02.2025. <https://www.championat.com/hockey/article-5912730-reakciya-ameriki-na-het-trik-880-j-881-j-i-882-j-goly-ovechkina-pogonya-ovechkina-za-rekordom-gretcki-kogda-pobyot-rekord-gretcki.html> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁴ Бизнес Online, 07.04.2025. <https://www.business-gazeta.ru/article/668557> (дата обращения: 12.06.2025).

Ови со свержением себя со снайперского трона»¹⁵; «Многие, например нынешний одноклубник **Ови** Хенрик Ланперье, когда-то обвешивали свои комнаты фотографиями россиянина»¹⁶. В рамках современного русского языка данное явление можно рассмотреть как процесс транслитерации и адаптации англоязычного прозвища. Прозвище **Ови** выступает результатом сложного взаимодействия языковых, культурных и социальных факторов. Неологизм отражает особенности спортивной культуры и процесс адаптации иностранного имени в новой среде.

На данном этапе распространения и употребления к новой языковой единице относится и выражение *овечкинский гол*, которое образовано от фамилии российского хоккеиста и означает не простой, а забитый в определённой манере гол, характерный для Александра Овечкина: «Двое мальчишек одиннадцати и тринадцати лет от роду бойко рассказали, что были на семисотом, восьмисотом **овечкинских голах**, и хотя на ближайшие игры не попадут, но считают себя «фартовыми» и надеются сегодня увидеть рекордный гол»¹⁷. Данный неологизм обладает признаками новизны, семантической производности и широкого употребления, но его устойчивость и долговечность ещё предстоит проверить временем. С лингвокультурологической точки зрения, появление выражения *овечкинский гол* отражает культурное влияние личности Александра Овечкина на российское общество и спортивную культуру. Это свидетельствует о том, что его стиль игры стал узнаваемым и значимым для болельщиков, а его фамилия является своего рода символом мастерства и результативности.

В российских СМИ частотно использование неологического выражения *офис Овечкина* / *офис Ови*, которое появилось сравнительно недавно: «Капитан «Вашингтон Кэпиталз» львиную долю шайб забросил броском с левого круга вбрасывания, который спустя годы стали именовать «**офисом Овечкина**»; «В 2023 году на катках в Вашингтоне даже установили логотипы «**офис Овечкина**», на которых в виде шайбы изображен игровой номер россиянина — цифра восемь и написано «**офис Ови**»¹⁸. В данном контексте лексема *офис* используется метафорически, обозначая место на льду, из которого хоккеист эффективно забивает голы. Наблюдается перенос значения слова из деловой сферы в спортивную. Рассматриваемый неологизм является отражением культурного феномена, связанного с личностью известного спортсмена, его вкладом в хоккей и особенностями восприятия спорта в современном обществе. Он демонстрирует, как язык адаптируется к новым реалиям и отражает изменения в культуре и сознании людей.

Неологизмы, возникающие в языке, служат своеобразным зеркалом, отражающим динамику ценностных ориентиров и национальных особенностей жизни социума в различных понятийных сферах (Катермина, Липириди, 2019, с. 33), что было продемонстрировано на

¹⁵ Спорт-Экспресс, «СЭ» № 65 (9393), 2025. https://ss.sport-express.ru/files/advert/Ovi_record_895.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

¹⁶ Бизнес Online, 07.04.2025. <https://www.business-gazeta.ru/article/668557> (дата обращения: 12.06.2025).

¹⁷ Спорт-Экспресс, «СЭ» № 65 (9393), 2025. https://ss.sport-express.ru/files/advert/Ovi_record_895.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

¹⁸ РБК Спорт, 2025. <https://sportrbc.ru/news/67f36f409a7947e79f356a74> (дата обращения: 08.06.2025).

Логинова Н.В. (2025)
Лингвокультурологический анализ языковых единиц
спортивной тематики (на примере материалов
российского медиапространства, отражающих
профессиональную деятельность Александра Овечкина)
Язык и текст, 12(4), 49—62.

Loginova N.V. (2025)
Linguistic and cultural analysis of sports-related
language units (based on materials from the Russian
media reflecting Alexander Ovechkin's professional
activities)
Language and Text, 12(4), 49—62.

примере слов и выражений, связанных с личностью Александра Овечкина. Их появление и закрепление в лексической системе свидетельствуют об актуальности определённых аспектов культуры, формируя не только новые языковые единицы, но и символические коды, передающие восхищение достижениями, национальную гордость и ценности общества.

Заключение

Таким образом, языковая реакция на рекордный гол Александра Овечкина обусловила в лексической системе ряд процессов, отражающих не только спортивные достижения, но и национальную гордость и культурную идентичность российского народа: активизировались эмоционально окрашенные единицы с положительной коннотацией; частотно употребление прецедентных текстов, помогающих сформировать позитивный образ спортсмена; активно используются журналистами неологизмы, образованные вокруг имени хоккеиста. Сама фамилия Овечкина приобрела символическое значение, став своеобразным культурным кодом, отсылающим к выдающимся спортивным успехам и отождествляемым с русской идентичностью.

С лингвокультурологической точки зрения исследование влияния профессиональной деятельности российского хоккеиста на современный русский язык имеет важное значение, поскольку позволяет понять, как культурно значимое событие отражается в лексической системе, формируя новые смыслы, коннотации и языковые единицы, отражающие национальную идентичность и ценности российского общества под воздействием значимых событий, что позволяет сохранить его в культурной памяти и демонстрирует тесную взаимосвязь между языком, культурой и социумом.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в возможности расширения корпуса анализа за счёт рассмотрения иных значимых спортивных событий, а также в проведении сопоставительного исследования в разных культурах, что позволит углубить понимание взаимосвязи языка и культуры.

Список источников / References

1. Арутюнова, Н.Д. (1998). *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры.
Arutyunova, N.D. (1998). *Language and the World of Man*. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russ.).
2. Ахмедова, С.Н.к. (2015). Феномен прецедентности в современных лингвистических исследованиях. *Филология и литературоведение*, 2. URL: <https://philology.snauka.ru/2015/02/1186> (дата обращения: 20.05.2025).
Akhmedova, S.N.k. (2015). The phenomenon of precedence in modern linguistic research. *Philology and Literary Studies*, 2. (In Russ.). URL: <https://philology.snauka.ru/2015/02/1186> (viewed: 20.05.2025).
3. Воробьёв, В.В. (2008). *Лингвокультурология*. М.: Изд-во РУДН.
Vorobyov, V.V. (2008). *Linguoculturology*. Moscow: Publishing house of RUDN University. (In Russ.).

Логинова Н.В. (2025)
Лингвокультурологический анализ языковых единиц
спортивной тематики (на примере материалов
российского медиапространства, отражающих
профессиональную деятельность Александра Овечкина)
Язык и текст, 12(4), 49—62.

Loginova N.V. (2025)
Linguistic and cultural analysis of sports-related
language units (based on materials from the Russian
media reflecting Alexander Ovechkin's professional
activities)
Language and Text, 12(4), 49—62.

4. Катермина, В.В., Липириди, С.Х. (2019). Лингвокультурологические аспекты изучения новой лексики в условиях глобализации. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*, 4, 31–39. DOI 10.23683/1995-0640-2019-4-31-39.
Katermina, V.V., Lipiridi, S.H. (2019). Linguistic and cultural aspects of learning new vocabulary in the context of globalization. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences*, 4, 31–39. (In Russ.). DOI 10.23683/1995-0640-2019-4-31-39.
5. Колесникова, С.М. (2016). Понятие «честь» в поликультурной интерпретации. В: *Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в высшей школе: материалы межрегионального научно-практического семинара с международным участием, Рязань, 19 мая 2016 года* (с. 105–110). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
Kolesnikova, S.M. (2016). The concept of "honor" in a polycultural interpretation. In: *Philological and pedagogical aspects of humanitarian education in higher education: materials of the interregional scientific and practical seminar with international participation, Ryazan, May 19, 2016* (pp. 105–110). Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. (In Russ.).
6. Колесникова, С.М., Чибисова, А.В. (2017). Макроконцепт «хлеб» в поликультурном пространстве. *Культура и цивилизация*, 7, 6А, 71–79.
Kolesnikova, S.M., Chibisova, A.V. (2017). The macro concept of "bread" in a polycultural space. *Culture and Civilization*, 7, 6A, 71–79. (In Russ.).
7. Колесникова, С.М. (2018). Смыслообразующие начала понятия семья в русской лингвокультуре. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 5, 71–79.
Kolesnikova, S.M. (2018). Semantic principles of the concept of family in Russian linguoculture. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 5, 71–79. (In Russ.).
8. Леденёва, В.В. (2012). О лексике современных коммуникативных сфер: семантический портрет слова телевидение. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 12–16.
Ledeneva, V.V. (2012). On the vocabulary of modern communicative spheres: a semantic portrait of the word communication. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 12–16. (In Russ.).
9. Леденёва, В.В. (2012). Новые слова «телевизировать», «телевизированный» как вербализаторы социально-культурной оценки. *Педагогическое образование и наука*, 11, 24–26.
Ledeneva, V.V. (2012). The new words «to televise» and «televised» as verbalizers of socio-cultural evaluation. *Teacher education and science*, 11, 24–26. (In Russ.).

Логинова Н.В. (2025)
Лингвокультурологический анализ языковых единиц
спортивной тематики (на примере материалов
российского медиапространства, отражающих
профессиональную деятельность Александра Овечкина)
Язык и текст, 12(4), 49—62.

Loginova N.V. (2025)
Linguistic and cultural analysis of sports-related
language units (based on materials from the Russian
media reflecting Alexander Ovechkin's professional
activities)
Language and Text, 12(4), 49—62.

10. Леденёва, В.В. (2019). Омонимы-эвфемизмы бюджетно в современной речи: коммуникативный, прагматический, словообразовательный аспекты. В: *Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского, Елец, 20–21 сентября 2019 года* (с. 289–295). – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Ledeneva, V.V. (2019). Homonyms-euphemisms of budget in modern speech: communicative, pragmatic, word-formation aspects. In: *Actual problems of modern linguistics and language teaching methods: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of Professor Ivan Alexandrovich Figurovsky, Yelets, September 20-21, 2019* (pp. 289–295). – Yelets: Yelets State University named after I.A. Bunin (In Russ.).

11. Маслова, В.А. (2018). Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт.

Maslova, V.A. (2018). Linguoculturology. Introduction: a textbook for undergraduate and graduate studies. 2nd ed., trans. and add. Moscow: Yurait. (In Russ.).

12. Новиков, С.А. (2013). Явление прецедентности в языке и современная когнитивная теория. В: *Альманах современной науки и образования*, 10 (77), 124–127.

Novikov, S.A. (2013). The phenomenon of precedent in language and modern cognitive theory. In: *The Almanac of Modern Science and Education*, 10 (77), 124–127. (In Russ.).

13. Симашко, Т.В., Леденёва, В.В. (2020). Концепт "Либерализм" в осмыслении современного российского социума. *Вестник Московского государственного областного университета*, 2, 298–316. DOI 10.18384/2224-0209-2020-2-1007.

Simashko, T.V., Ledeneva, V.V. (2020). The concept of "Liberalism" in the understanding of modern Russian society. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2, 298–316. (In Russ.). DOI 10.18384/2224-0209-2020-2-1007.

14. Телия, В.Н. (1996). Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры.

Teliya, V.N. (1996). Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).

15. Телия, В.Н. (2005). О феномене воспроизводимости языковых выражений. В: *Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 30* (с. 4–42). – Москва: ООО "МАКС Пресс".

Teliya, V.N. (2005). On the phenomenon of reproducibility of linguistic expressions. In: *Language, consciousness, communication. Issue 30* (pp. 4–42). – Moscow: MAX Press LLC. (In Russ.).

16. Фадеева, Т.М. (2019). Слово *братушка* и его лингвокультурологическая составляющая в русском и болгарском языках. В: *Русский язык в славянской межкультурной*

Логинова Н.В. (2025)
Лингвокультурологический анализ языковых единиц
спортивной тематики (на примере материалов
российского медиапространства, отражающих
профессиональную деятельность Александра Овечкина)
Язык и текст, 12(4), 49—62.

Loginova N.V. (2025)
Linguistic and cultural analysis of sports-related
language units (based on materials from the Russian
media reflecting Alexander Ovechkin's professional
activities)
Language and Text, 12(4), 49—62.

коммуникации: Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти д. филол. н., профессора К. А. Войловой, Москва, 25 февраля 2019 года (с. 227–232). М.: Московский государственный областной университет.

Fadeeva, T.M. (2019). The word *bratushka* and its linguistic and cultural component in Russian and Bulgarian. In: *The Russian language in Slavic intercultural communication: A collection of scientific papers on the results of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of Philology, Professor K. A. Voilova, Moscow, February 25, 2019* (pp. 227–232). Moscow: Moscow State Regional University. (In Russ.).

17. Фадеева, Т.М. (2021). К вопросу о лексических маркерах времени в текстах СМИ. *Актуальные проблемы культуры речи*, 22–26.

Fadeeva, T.M. (2021). On the issue of lexical markers of time in media texts. *Current problems of speech culture*, 22–26. (In Russ.).

18. Фадеева, Т.М., Логинова, Н.В. (2022). Мобильность лексики русского языка в условиях пандемии COVID-19. *Язык и текст*, 9(3), 16–23. <https://doi.org/10.17759/langt.2022090302>

Fadeeva, T.M., Loginova, N.V. (2022). Mobility of Russian vocabulary in the context of the COVID-19 pandemic. *Language and Text*, 9(3), 16–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2022090302>

19. Фадеева, Т.М. (2023). Слово каша в паремическом фонде русского языка. В: *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной памяти памяти доктора филологических наук, профессора Войловой К.А., Москва, 28 февраля 2022 года* (с. 426–430). – Москва: ООО "Постатор".

Fadeeva, T.M. (2023). The word porridge is in the paremic fund of the Russian language. In: *The Russian language in Slavic intercultural communication: A collection of scientific papers on the results of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of Philology, Professor Voilova K. A., Moscow, February 28, 2022* (pp. 426–430). – Moscow: ООО "Postator". (In Russ.).

20. Хроленко, А.Т. (2021). Основы лингвокультурологии: учебное пособие; под ред. В. Д. Бондалетова. М.: Флинта.

Khrolenko, A.T. (2021). Fundamentals of linguoculturology: a textbook; edited by V. D. Bondaletov. Moscow: Flint. (In Russ.).

Информация об авторе

Наталья Владимировна Логинова, аспирант кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации; ассистент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, факультет русской филологии, Государственный университет просвещения (ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1234-6653>, e-mail: natasha.loginova.98@mail.ru

Логинова Н.В. (2025)
Лингвокультурологический анализ языковых единиц
спортивной тематики (на примере материалов
российского медиапространства, отражающих
профессиональную деятельность Александра Овечкина)
Язык и текст, 12(4), 49—62.

Loginova N.V. (2025)
Linguistic and cultural analysis of sports-related
language units (based on materials from the Russian
media reflecting Alexander Ovechkin's professional
activities)
Language and Text, 12(4), 49—62.

Information about the author

Natalia V. Loginova, Postgraduate student of the Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication; Assistant of the Department of Teaching Methods of Russian Language and Literature, Faculty of Russian Philology, Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1234-6653>, e-mail: natasha.loginova.98@mail.ru

Поступила в редакцию 16.10.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.10.16
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Становление и трансформация итальянского языка: от литературного канона к современным вызовам

А. Лорети¹✉, Э. Меттини²

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

² Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, Москва, Российская Федерация

✉ loreti_a@pfur.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Динамика языковой нормы является центральной проблемой современной социолингвистики, особенно в контексте глобальной цифровизации. Итальянский язык, с его уникальной историей, характеризующейся многовековым разрывом между письменной литературной традицией и устной диалектной практикой, представляет собой идеальную модель для изучения радикальных трансформаций, которые переживает язык под влиянием новых технологий. Эти изменения ведут не только к появлению новых языковых форм, но и к фундаментальному сдвигу в парадигме языковой компетенции и авторитета. **Цель.** Проследить историческую эволюцию итальянского языка от формирования литературного канона до его современной цифровой трансформации, а также выявить и охарактеризовать новые критерии оценки владения языком, складывающиеся в эпоху цифровизации. **Гипотеза.** Исторический дуализм «книжной» и «устной» цивилизаций в Италии подходит к концу, уступая место «цифровой цивилизации спонтанного текста», где языковая норма утрачивает прескриптивную власть, а на смену традиционным критериям грамотности приходят принципы прагматической эффективности и гибридности. **Методы и материалы.** Исследование основано на анализе широкого корпуса научных работ по истории итальянского языка, социолингвистике и компьютерно-опосредованной коммуникации (Де Мауро, Берруто, Сабатини, Фрезу, Раимо, Антонелли, Пазолини). В работе применяются историко-эволюционный метод, сравнительно-сопоставительный анализ и метод лингвистического описания. **Результаты.** Установлено, что в цифровой среде формируется новая система оценки языковой компетенции, включающая: 1) критерий цифровой коммуникативной эффективности; 2) критерий владения гибридным кодом

Лорети А., Меттини Э. (2025)
Становление и трансформация итальянского языка: от
литературного канона к современным вызовам
Язык и текст, 12(4), 63—75.

Loreti A., Mettini E. (2025)
The formation and transformation of the Italian
language: from the literary canon to contemporary
challenges
Language and Text, 12(4), 63—75.

(код-миксинг); 3) критерий адаптивности к цифровым жанрам; 4) критерий эмоциональной и социальной сигнализации; 5) критерий скорости и спонтанности. Языковая личность «оцифрованного полуобразованного» (*semicolto digitalizzato*) становится доминирующим типом носителя языка. **Выводы.** Показано, что происходящие изменения свидетельствуют о сложной адаптации языковой культуры. Понятие «ошибки» замещается понятием «релевантности» в конкретной цифровой ситуации, что знаменует собой смену лингвистического режима от нормативно-ориентированного к функционально-прагматическому.

Ключевые слова: итальянский язык, языковая норма, нео-стандартный итальянский, цифровой полуобразованный, языковая компетенция, коммуникативная эффективность, гибридный код

Для цитирования: Лорети, А., Меттини, Э. (2025). Становление и трансформация итальянского языка: от литературного канона к современным вызовам. *Язык и текст*, 12(4), 63—75. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120405>

The formation and transformation of the Italian language: from the literary canon to contemporary challenges

A. Loreti¹✉, E. Mettini²

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

² Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation

✉ loreti_a@pfur.ru

Abstract

Context and relevance. The dynamics of linguistic norms represent a central issue in modern sociolinguistics, particularly in the context of global digitalization. The Italian language, with its unique history marked by a centuries-old gap between written literary tradition and oral dialectal practices, provides an ideal model for studying the radical transformations language undergoes under the influence of new technologies. These changes lead not only to the emergence of new linguistic forms but also to a fundamental shift in the paradigm of linguistic competence and authority. **Purpose.** To trace the historical evolution of the Italian language from the formation of its literary canon to its contemporary digital transformation, and to identify and characterize the new criteria for assessing language proficiency emerging in the digital age. **Hypothesis.** The historical duality of «book civilization» and «oral civilization» in Italy is coming to an end, giving way to a «digital civilization of spontaneous text», where linguistic norms lose their prescriptive power, and traditional literacy criteria are replaced by principles of pragmatic effectiveness and hybridity. **Methods and materials.** The research is based on the analysis of a wide corpus of scholarly works on the history of the Italian language, sociolinguistics, and computer-mediated communication (e.g., De Mauro, Berruto, Sabatini, Fresu, Raimo, Antonelli, Pasolini). The study employs historical-

evolutionary, comparative, and descriptive linguistic methods. **Results.** It is established that a new system for assessing linguistic competence is forming in the digital environment, including: 1) the criterion of digital communicative effectiveness; 2) the criterion of proficiency in hybrid code-mixing; 3) the criterion of adaptability to digital genres; 4) the criterion of emotional and social signaling; and 5) the criterion of speed and spontaneity. The linguistic profile of the «digitized semi-literate» speaker (*semicolto digitalizzato*) is becoming the dominant type of language user. **Conclusions.** The findings demonstrate that the ongoing changes indicate complex adaptation of linguistic culture. The concept of an «error» is being replaced by the concept of «relevance» in a specific digital context, signaling a shift in the linguistic regime from norm-oriented to functional-pragmatic.

Keywords: Italian language, linguistic norm, neo-standard Italian, digitized semi-literate, language competence, communicative effectiveness, hybrid code

For citation: Loreti, A., Mettini, E. (2025). The formation and transformation of the Italian language: from the literary canon to contemporary challenges. *Language and Text*, 12(4), 63—75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120405>

Введение

Языковая норма является фундаментальным понятием в лингвистике, поскольку она представляет собой совокупность исторически сложившихся и общепринятых правил использования языковых средств, обеспечивающих единство и стабильность национального языка. Однако норма — не статичный, а динамичный феномен, находящийся в постоянном движении и развитии под влиянием социальных, культурных и технологических факторов. Этот процесс особенно наглядно проявляется в переломные эпохи, когда ускоряется темп социальных изменений и возникают новые коммуникативные среды, что ведет к перераспределению функций между разновидностями языка и появлению новых идиоматических страт (Berruto, 2012).

Начиная с 1980-х годов, в итальянской социолингвистической системе стали наблюдаться значительные изменения, связанные с формированием «нового стандарта», существенно отличавшегося от кодифицированного «старого стандарта», описанного в грамматиках. Благодаря растущему интересу к изучению разговорной речи (Spitzer, 1922; Sornicola, 1981), наряду с уже изученными разновидностями, такими как региональный итальянский (De Mauro, 1963), народный итальянский (De Mauro, 1970; Cortellazzo, 1972) и разговорный итальянский (Alisova, 1965), в научный обиход вошло понятие новой общепринятой разновидности, получившей названия «тенденциальный итальянский» (Mioni, 1983), «итальянский среднего употребления» (Sabatini, 1985) и «нео-стандартный итальянский» (Berruto, 2012). Миони (Mioni, 1983) охарактеризовал этот новый стандарт как более простой, близкий к разговорной речи, и имеющий более широкую социальную базу. В современный период Рита Фрезу (Fresu, 2014) ввела и детально классифицировала понятие «итальянский полуобразованных» (*semicolto*), а Раимо (Raimo, 2021) адаптировал его к цифровой эпохе, введя термин «оцифрованный полуобразованный» (*semicolto digitalizzato*).

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления глубинных трансформаций, которые переживает итальянский язык под влиянием цифровых технологий. Эти изменения ведут не просто к появлению новой разновидности языка, но и к

смене самой парадигмы языковой нормы и критериев оценки речевой компетенции. Изучение перехода от исторического дуализма «книжной» и «устной» цивилизаций к новой «цифровой цивилизации спонтанного текста» позволяет понять фундаментальные сдвиги в языковом сознании современного общества.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе эволюции итальянского языка, который рассматривается как непрерывный процесс — от формирования литературного канона и феномена диглоссии через становление нео-стандарта к современному состоянию, характеризующемуся возникновением гибридных цифровых кодов и новой системы прагматических критериев языковой компетенции.

Теоретической основой исследования послужили работы как классиков итальянской лингвистики (De Mauro, 1963; Berruto, 1987; Sabatini, 1985), так и современных ученых, исследующих влияние медиа и цифровых технологий на язык (Antonelli, 2011; Cerruti, Crocco, Marzo, 2017; Ballarè, 2020; Raimo, 2021).

Целью данной статьи является проследить историческую эволюцию итальянского языка от формирования литературного канона до его современной цифровой трансформации и выявить новые критерии языковой компетенции, складывающиеся в эпоху цифровизации. **Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи:**

1. Проанализировать исторические предпосылки уникальной языковой ситуации Италии, связанной с диглоссией.
2. Проследить процесс становления нео-стандартного итальянского и его социолингвистические характеристики.
3. Охарактеризовать феномен «цифрового полужычия» как продукта новой коммуникативной реальности.
4. Сформулировать систему новых критериев оценки владения языком, актуальных для цифровой эпохи.

Структура статьи отражает логику исследования: первый раздел посвящен историческому экскурсу и анализу становления нео-стандарта, второй — детальному рассмотрению феномена «семикультурности» в цифровую эпоху и выявлению новых параметров языковой компетенции.

Основная часть

1. Становление национального языка: от литературного канона к политическому единству

1.1. Исторические корни диглоссии и «Вопрос о языке» (Questione della lingua)

Уникальная языковая ситуация в Италии уходит корнями в глубокое прошлое, ключевой особенностью которого стало преждевременное формирование литературной нормы, значительно опередившее создание единого государства. Уже в XIV веке тосканский народный (*volgare*) язык утвердился в качестве общепризнанного стандарта для письменного общения, однако его распространение носило сугубо культурный, а не политический характер (Bruni, 2003, p. 226). Он так и не превратился в язык повседневного общения нации. Решающий импульс для этого утверждения дал беспрецедентный успех произведений «тосканской триады»: «Божественной комедии» Данте, «Канцоньере» Петрарки и

«Декамерона» Боккаччо. Таким образом, флорентийский язык рано закрепился как литературный эталон, однако его путь к статусу доминирующего разговорного языка занял шесть столетий, что наглядно демонстрирует пропасть между «книжной цивилизацией» и «устной цивилизацией» диалектов. Со времени Данте писатели вводили в литературный язык многочисленные латинизмы (Serrianni, 2015, p. 38), которые сохраняли то же значение, что и оригинальные слова, тогда как их разговорные эквиваленты приобретали иное значение (*vizio/vezzo*, *area/aia*, *plebe/pieve*, *disco/desco*).

Этот фундаментальный лингвистический дуализм лежит в основе понимания всей итальянской культуры. Устная, по своей сути крестьянская и эпическая цивилизация сосуществовала в Италии вплоть до недавнего времени с «книжной цивилизацией» — аристократичной, элитарной и по природе своей классовой. Апогеем этой тенденции стал сам Гуманизм — исключительная культурная парадигма, в рамках которой литератор оказывался изолирован в искусственном пространстве, оторванном от внешней реальности. Неудивительно, что итальянская литература (за исключением Данте, чьи стихи декламировали наизусть даже простолюдины) долгое время оставалась достоянием немногих, а никто не говорил на литературном итальянском в быту; он оставался сугубо письменным феноменом.

После «золотого века» XIV столетия в XV веке наметились противоречивые тенденции: с одной стороны, продолжилась «лингвистическая тосканизация» Италии, а с другой — возродился интерес к античным авторам. В этом контексте писатели, творившие на народном языке, стали ещё усерднее подражать структурам латинского синтаксиса, чем в эпоху позднего Средневековья. Именно тогда с особой остротой встал «вопрос о языке» (*questione della lingua*) — дискуссия о нормах, которым должны следовать писатели. Выбор в пользу модели XIV века был кодифицирован в XVI веке Пьетро Бембо в его труде «Рассуждения о народном языке».

Знаково, что эталоном итальянского литературного языка был избран язык Петрарки — язык учёного-филолога, столь же уединённого и аристократичного, как Святой Иероним на картине Антонелло да Мессина. Как отмечает итальянский поэт Марио Луци, «наша литература восходит скорее к Петрарке, чем к Данте» (Luzi, 1949, p. 22). Эти слова, по мнению Джованни Фигера, следует понимать в критическом ключе: «Луци видит торжество Лимба Петрарки над Адом Данте в рамках итальянской литературной традиции, где возобладала эфемерная, нечёткая, разреженная, самодовольная и интроспективная линия Петрарки над конкретностью и нарративной мощью Данте, преобладало элитарное и эксклюзивное измерение поэзии первого над народностью второго» (Fighera, 2021, p. 27). Это, возможно, способствовало укоренению сохраняющегося до сих пор восприятия итальянской классической литературы как явления нишевого. Можно предположить, что выбор в качестве образца не столь рафинированного и более полиморфного языка Данте, который был ближе к реальности, возможно, сократил бы разрыв между письменной и устной речью. Хотя подражание флорентийскому эталону сыграло фундаментальную роль, оно окончательно углубило пропасть между письменным языком, который Академия делла Круска сохраняла в идеале «чистоты», исключавшем неологизмы, и живыми диалектами, используемыми в повседневном общении.

1.2. Вызовы после объединения: неграмотность и диалекты

Провозглашение единства Италии в 1861 году имело далеко идущие последствия. В 1963 году вышла в свет книга итальянского лингвиста Туллио Де Мауро «Лингвистическая история объединённой Италии». Оценивая языковую ситуацию в стране на момент Объединения, учёный пришёл к выводу, что прямой контакт с государственным языком и его успешное усвоение были возможны «лишь для тех граждан, кто продолжил обучение в течение нескольких лет после начальной школы» (De Mauro, 1963, p. 43). Де Мауро также учитывал лингвистическую специфику Тосканы и Рима, чьи диалекты обнаруживали структурное сходство с литературной нормой на фонологическом, морфологическом и лексическом уровнях. Это позволило исследователю, наряду с 160000 носителей из других областей, добавить к общему числу владеющих итальянским языком примерно 400000 тосканцев и 70000 жителей Рима. В результате, расчетная численность говорящих на итальянском оценивалась в 630 000 человек, что на фоне общего населения страны, превышавшего 25 миллионов, составляло лишь около 2,5%. Столь низкий показатель со всей очевидностью демонстрировал масштаб вызова, стоявшего перед национальной системой образования.

1.3. Образование и педагогика как инструменты формирования нации

Главной целью образовательной политики в эпоху Рисорджименто становилось формирование не подданных разрозненных государств, а сознательных граждан единой Италии, объединённых общими ценностями, патриотическим сознанием и чувством долга перед нацией. В этом контексте ликвидация массовой неграмотности рассматривалась в качестве задачи первостепенной важности.

Ключевую роль в этом процессе играли учебники, превратившиеся в действенные инструменты национальной пропаганды. Их наполняли нарративы о героях Рисорджименто, славном историческом прошлом Италии и эстетическом богатстве её языка. Как отмечают Д. Кароли и Е. Патрици, подобными средствами создавались условия для формирования у простого народа образа «двух стран: идеальной (идеализированной) и страны как лона высших ценностей, ради которых достойно жить» (Caroli, Patrizi, 2020). Знаковым примером такой воспитательной стратегии стал детский роман Эдмондо Де Амичиса «Сердце» (Cuore), где сквозь образ учителя Пербони и «ежемесячные рассказы» (такие как история Маленького ломбардского разведчика) в сознании подрастающего поколения целенаправленно культивировались глубокие патриотические чувства и идеалы гражданственности.

2. Мост к современности: от литературного канона к нео-стандарту

2.1. Спор Мандзони и Асколи: два видения языкового единства

Роль школы и учебников оказалась в центре размышлений Алессандро Мандзони, главного участника дебатов о создании единого разговорного языка, вышедшего на государственный уровень после Объединения Италии. Ключевую роль в этой дискуссии сыграл доклад Алессандро Мандзони (Manzoni, 1868). Исходя из того, что невозможен язык без общества, ежедневно на нем говорящего (Vitale, 1978, p. 351), Мандзони настаивал, что Италии необходим единый разговорный стандарт (Manzoni, 1881, p. 599), в роли которого он предложил современный флорентийский язык. Его практическое предложение сводилось к

насаждению этой нормы через систему образования, в том числе «путём командирования тосканских учителей в другие регионы» (Sobrero, Miglietta, 2006, p. 47). Как справедливо замечает Клаудио Марадзини, «впервые предполагается право на изучение языка, достойного быть написанным чьим-то живым голосом, нежели мертвой библиотекой классиков» (Marazzini, 1977, p. 11).

Этому административно-авторитарному подходу была противопоставлена позиция Грацидио Исайи Асколи (Ascoli, 1873). Асколи оспаривал саму возможность решения языкового вопроса путём механического замещения местных идиом. Он видел корень проблемы в общей «недостаточной плотности культуры» (Ascoli, 1873, p. xxvi) и считал, что языковое единство должно сложиться органически — как результат социального и культурного сплочения нации, а не предшествовать ему. Прогноз Асколи оказался более проницательным, хотя, по факту, объединение языка стало результатом не целенаправленной культурной политики, а стихийных социально-экономических процессов и, что особенно важно, влияния масс-медиа.

2.2. Триумф нео-стандарта и роль СМИ

Как констатировал Пьер Паоло Пазолини, к концу XX века «руководство языком» перешло от литературы к технике (Pasolini, 1999). Подлинным унификатором выступили СМИ, сформировавшие новый тип общенационального языка. Пазолини описал его характерные черты — эвфемистичность, псевдоразговорный стиль, монотонию — и выделил ключевую тенденцию: доминирование «технического подъязыка» промышленного Севера, который вытеснял и классическую литературную норму, и местные диалекты (Pasolini, 1999, p. 1259). Он предсказывал, что это приведет к обеднению языка, исчезновению конкурирующих выражений и семантическому уплощению. Современная социолингвистика определяет этот процесс как «рестандартизацию» (Berruto, 1987; Cerruti, Crocco, Marzo, 2017). Как отмечает Балларе (Ballarè, 2020), роль «агентов стандарта» в этом процессе перешла от литераторов к профессионалам медиасферы, ставшим новыми производителями «модельных текстов» (Ammon, 2003, p. 2). Это привело к сосуществованию «школьного стандартного итальянского» — хранителя литературной традиции — и более гибкого, близкого к устной речи «журналистского нео-стандартного итальянского» (Antonelli, 2011, p. 52). Главным действующим лицом этой трансформации стала ключевая социолингвистическая фигура — полубразованный носитель языка. Эти носители, являющиеся продуктом массового школьного образования, но лишённые основательного литературного воспитания, усвоили язык «больше ухом, чем глазом», то есть через средства массовой информации. Их языковая компетенция, характеризующаяся чертами синтаксического упрощения и конкретной лексикой, стала гегемонной, оказывая, в свою очередь, влияние на сам медийный стандарт. Именно этот нео-стандарт, для которого характерны такие синтаксические черты, как дислокации и поливалентный союз *che*, является подлинным языковым цементом современной Италии.

Однако его утверждение в сочетании с кризисом школы, которая с трудом передаёт формальную модель, рискует углубить разрыв между формальной моделью, которой учат, но редко используют, и неформальной моделью, повсеместной, но зачастую воспринимаемой как «уплощённая». Сегодня мы наблюдаем не только триумф этого нео-стандарта, но и риск дальнейшего обеднения компетенций, где граница между «полубразованным» и «слабо компетентным» становится всё более размытой.

Современная лингвистическая ситуация представляет собой трёхуровневую систему: стандартный письменный итальянский, региональные разговорные варианты (*italiano regionale*) и собственно диалекты, переживающие упадок. Однако описанный многовековой дуализм перестает быть релевантным в эпоху цифровых технологий.

3. Цифровой вызов: новая трансформация

3.1. Конец дуализма и рождение «цифровой цивилизации спонтанного текста»

Историческая дихотомия «книжной» и «устной» цивилизаций, определявшая языковое развитие Италии на протяжении столетий, подходит к своему концептуальному концу. Ей на смену приходит третья сила — «цифровая цивилизация спонтанного текста».

В этой новой реальности письменная норма утрачивает прескриптивную власть, а диалекты — аутентичную устную почву. Обе они становятся ресурсами для формирования гибридных, ситуативных языковых кодов, оцениваемых уже не по критерию грамотности, а по принципу коммуникативной эффективности внутри цифровой экосистемы.

Этот тектонический сдвиг можно осмыслить через призму медиатеории Маршалла Маклюэна. Ещё в 1960-х годах в работе «Понимание медиа» он провозгласил, что «*the medium is the message*» («носитель сообщения и есть сообщение»), имея в виду, что именно структура и природа средства коммуникации, а не его конкретное содержание, оказывают глубочайшее влияние на человека и общество (McLuhan, 1964). Анализируя переход от устной культуры к письменной, а затем к «галактике Гутенберга», Маклюэн показал, как печатный станок, усиливая визуальное восприятие, стал технологией индивидуализма, национализма, количественной оценки, механизации, гомогенизации (McLuhan, 2005), заложив основы современной эпохи и создав условия для формирования единого национального языка и «книжной цивилизации».

Цифровая среда, по логике Маклюэна, представляет собой новый, тотально доминирующий «носитель сообщения». Если печать была технологией визуальной линейности и однородности, то электронные медиа создают, по его выражению, глобальное объятие: «Мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты» (McLuhan, 2003, р. 5). Это «объятие» порождает новую, «цифровую цивилизацию спонтанного текста», для которой характерны одновременность, тактильность, гибридность и возврат к некоторым свойствам устной культуры — скорости, эмоциональности и ситуативной релевантности. Именно эта смена доминирующего медиума объясняет, почему языковая норма утрачивает прескриптивную власть: на смену монолитной, статичной системе печатной эры приходит подвижная, адаптивная экосистема цифрового общения.

Маклюэн также предупреждал об опасности «нарциссического транса» (McLuhan, 2003, р. 19), в который погружает человека новая технология при отсутствии критического осмысления её воздействия. Эта мысль напрямую перекликается с феноменом «оцифрованного полуобразованного», который, будучи уверен в своей компетентности, зачастую не осознаёт экспрессивных ограничений, накладываемых самой структурой цифрового дискурса.

3.2. «Оцифрованный полуобразованный» (*semicolto digitalizzato*) как доминирующий тип носителя

Таким образом, в контексте современных технологий языковая личность модерна сменяется фигурой «полуобразованного» (*semicolto*), который, в отличие от своего исторического предшественника, описанного Фрезу (Fresu, 2014), в большинстве случаев является молодым и формально грамотным носителем итальянского языка как родного. Этот «оцифрованный полуобразованный» (*semicolto digitalizzato*), по меткому замечанию Раимо, «практически никогда не осознаёт своих экспрессивных ограничений и потому убеждён, что использует итальянский язык достаточно правильно» (Raimo, 2021). Он предстаёт виртуозом спонтанного микс-кода, для которого понятие «ошибки» окончательно замещается понятием «релевантности» в конкретной коммуникативной ситуации.

3.3. Новые критерии языковой компетенции в цифровую эпоху

Трансформация коммуникативного пространства, приведшая к возникновению феномена «цифрового полуязычия», закономерно влечет за собой смену системы координат для оценки уровня владения языком. Однако этот процесс нельзя рассматривать в отрыве от более широкого образовательного контекста.

Критика современных педагогических парадигм, представленная в работе Паолы Мastroколы (Mastrocola, 2011), выявляет фундаментальный парадокс: благие намерения по демократизации образования, восходящие к идеям Лоренцо Милани, на практике зачастую оборачиваются «сглаживанием» образовательной программы.

Мastroкола отмечает, что первоначальный посыл Лоренцо Милани — не исключать из образования социально незащищенных учеников — был впоследствии догматически искажен. Если в школе Барбианы интенсивно изучали классические дисциплины, то её последователи, опираясь на «Письмо к учительнице», начали рассматривать саму «высокую культуру» (латынь, греческий, классическую литературу, философию, историю искусства) как инструмент классового угнетения. Таким образом, вместо передачи системного знания и инструментов для доступа к «высокой культуре», неразрывно связанной с наследием Петрарки и гуманизма, современная школа рискует ограничиться адаптацией к исходному культурному уровню ученика, консервируя тем самым социальное неравенство.

Этот анализ крайне важен для понимания роли цифровых технологий в образовании. Их внедрение, с одной стороны, соответствует идеалу Дона Милани об образовании, идущем в ногу со временем. С другой стороны, ключевая задача школы заключается не в том, чтобы просто научить ученика пользоваться технологиями (эти навыки он легко приобретает и вне стен учебного заведения), а в том, чтобы использовать их как современный инструмент для приобщения к вечному культурному канону. В противном случае технология, призванная демократизировать знание, рискует выродиться в инструмент его профанации, усиливая тенденцию к прагматической эффективности в ущерб фундаментальной грамотности. Именно в этой новой, технологически опосредованной реальности, формируется иная система координат для оценки уровня владения языком. Традиционный идеал, укорененный в «книжной цивилизации» — безупречное следование орфографическим, пунктуационным и синтаксическим нормам, — перестает быть единственным и безусловным мерилom речевой компетенции. Сформулируем эти новые критерии подробнее:

1. **Критерий цифровой коммуникативной эффективности.** Ценностью является не отсутствие ошибок, а способность достигать целей: вызвать целевую реакцию (лайки, репосты), четко донести мысль. Успешной считается виральная и релевантная коммуникация, даже построенная на синтаксических упрощениях.
2. **Критерий владения гибридным кодом (код-миксинг).** Компетенция проявляется в виртуозном оперировании разнородными элементами: вербально-визуальный миксинг (эмодзи, мемы), лингвистический миксинг (литературная лексика, диалектизмы, англицизмы, интернет-сленг).
3. **Критерий адаптивности к цифровым жанрам и платформам.** Умение переключаться между регистрами (лаконичный стиль для Twitter/X, развернутый для Facebook) и соблюдать неписанные конвенции каждой платформы становится важнее следования канонам классического письма.
4. **Критерий эмоциональной и социальной сигнализации.** Владение языком включает использование средств передачи эмоций (капитализация, избыточная пунктуация) и определенного кода как маркера групповой принадлежности.

Критерий скорости и спонтанности. Цифровая коммуникация ценит скорость реакции выше, чем тщательность редактуры, поощряя генерацию понятных высказываний «здесь и сейчас».

Заключение

Проделанный анализ позволяет констатировать фундаментальный сдвиг в языковом развитии Италии. Исторический дуализм «книжной» и «устной» цивилизаций, веками определявший языковую динамику, утрачивает свою релевантность, уступая место новой реальности — «цифровой цивилизации спонтанного текста». В этой новой парадигме письменная норма теряет свою прескриптивную власть, а диалекты — аутентичную устную почву, превращаясь в ресурсы для формирования гибридных, ситуативных кодов.

Критерии оценки языковой компетенции претерпевают радикальное изменение: на смену нормативно-ориентированному подходу приходит функционально-прагматический. Фигура «цифрового полуобразованного» (*semicolto digitalizzato*), кажущаяся с позиций традиционной грамотности носителем ошибок, оказывается компетентным пользователем гибридного кода, чье языковое поведение адекватно задачам цифрового дискурса. Происходящая трансформация знаменует сложную адаптацию языковой культуры, где понятие «ошибки» замещается категорией «релевантности» в конкретной коммуникативной ситуации.

Эти процессы получили глубокое историческое осмысление в контексте медиатеории. Как убедительно показал Эрик Хэвлок в труде «Предисловие к Платону» (Havelock, 1963), переход от устной поэтической традиции к культуре письменного логического дискурса в Древней Греции стал возможен благодаря «технологии» алфавитного письма, фундаментально изменившей когнитивные привычки и структуру мышления.

Современный цифровой переход обладает сопоставимым масштабом воздействия. Если письменность когда-то «визуализировала» звук и породила «логос», то цифровые технологии «актуализируют» и гибридируют письменное слово, возвращая ему спонтанность устной речи в глобальном масштабе. Подобно тому, как философия Платона была немыслима вне алфавитной грамотности, будущие формы языка и познания неизбежно будут нести отпечаток «цифровой цивилизации спонтанного текста».

Лорети А., Меттини Э. (2025)
Становление и трансформация итальянского языка: от
литературного канона к современным вызовам
Язык и текст, 12(4), 63—75.

Loreti A., Mettini E. (2025)
The formation and transformation of the Italian
language: from the literary canon to contemporary
challenges
Language and Text, 12(4), 63—75.

Таким образом, языковая личность модерна сменяется виртуозом спонтанного микс-кода, определяющего новые траектории развития итальянского языка в контексте многовековой истории взаимоотношений между человеком, языком и технологиями.

Список источников / References

1. Маклюэн, М. (2005). *Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего*. М.: Академический Проект.
McLuhan, M. (2005). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Moscow: Academicheskij Proekt. (In Russ.).
2. Маклюэн, М. (2007). *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. Пер. с англ. М.: Кучково поле.
McLuhan, M. (2007). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Trans. from English. Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russ.).
3. Alighieri, D. (1878). *De Vulgari Eloquentia libri duo (1303–1305)*. In *Le Opere Latine di Dante Alighieri* (Vol. I). Firenze: Successori Le Monnier.
4. Alisova, T. (1965). Relative limitative e relative esplicative nell'italiano popolare. *Studi di Filologia Italiana*, 23, 299–333.
5. Ammon, U. (2003). On the social forces that determine what is standard in a language and on conditions of successful implementation. *Sociolinguistica*, 17, 1–10.
6. Ascoli, G. I. (1873). Proemio. *Archivio Glottologico Italiano*, 1, V–XLI.
7. Ballarè, S. (2020). L'italiano neo-standard oggi: stato dell'arte. *Italiano LinguaDue*, 12 (2), 469–492.
8. Berruto, G. (2012). *Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo*. Nuova edizione. Roma: Carocci. (Original work published 1987).
9. Bruni, F. (2003). Italiano all'estero e italiano sommerso: una lingua senza impero. In G. Alfieri (Ed.), *Storia della lingua e storia* (pp. 179–198). Firenze: Cesati.
10. Caroli, D., Patrizi, E. (2020). *L'educazione estetica della gioventù della nuova Italia. Scuola, patrimonio culturale e costruzione dell'identità nazionale dall'Unità al secondo dopoguerra*. Roma: Carocci.
11. Cerruti, M., Crocco, C., Marzo, S. (2017a). On the development of a new standard norm in Italian. In M. Cerruti, C. Crocco, & S. Marzo (Eds.), *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian* (pp. 3–28). De Gruyter.
12. Cortelazzo, M. (1972). Lineamenti di italiano popolare. In *Avviamento critico allo studio della dialettologia italiana* (Vol. III). Pisa: Pacini.
13. De Mauro, T. (1963). *Storia linguistica dell'Italia unita*. Roma; Bari: Editori Laterza.
14. Fighera, G. (2021). *Dante e Petrarca. Il duello*. Monza: Omni die.
15. Fresu, R. (2014). Scritture dei semicolti. In G. Antonelli, M. Motolese, & L. Tomasin (Eds.), *Storia dell'italiano scritto* (Vol. III, Italiano dell'uso, pp. 195–223). Roma: Carocci.

Лорети А., Меттини Э. (2025)
Становление и трансформация итальянского языка: от
литературного канона к современным вызовам
Язык и текст, 12(4), 63—75.

Loreti A., Mettini E. (2025)
The formation and transformation of the Italian
language: from the literary canon to contemporary
challenges
Language and Text, 12(4), 63—75.

16. Havelock, E.A. (1963). *Preface to Plato*. Cambridge: Harvard University Press.
17. Luzi, M. (1949). *L'Inferno e il Limbo*. Milano: Il Saggiatore.
18. Manzoni, A. (1881). Dell'unità della lingua e dei mezzi di diffonderla. In A. Manzoni, *Opere varie*. Milano: Fratelli Rechiedei.
19. Marazzini, C. (1977). *La lingua come strumento sociale. Il dibattito linguistico in Italia da Manzoni al neocapitalismo*. Torino: Marietti.
20. Mastrocola, P. (2011). *Togliamo il disturbo. Saggio sulla libertà di non studiare*. Parma: Guanda.
21. Mioni, A.M. (1983). Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione. In P. Benincà, M. Cortelazzo, A. Prosdocimi, L. Vanelli, & A. Zamboni (Eds.), *Scritti linguistici in onore di Giovan Battista Pellegrini* (pp. 495–517). Pisa: Pacini.
22. Pasolini, P.P. (1999). *Saggi sulla letteratura e sull'arte* (Vols. 1–2). (W. Siti & S. De Laude, Eds.). Milano: Mondadori.
23. Raimo, A. (2021). «Buongiorno woord!». *Semicolti digitali o incertezza normativa?* URL: https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/articoli/scritto_e_parlato/semicolti.html (viewed: 10.11.2024).
24. Sabatini, F. (1985). L'«italiano dell'uso medio»: una realtà tra le varietà linguistiche italiane. In G. Holtus & E. Radtke (Eds.), *Gesprochenes Italienisch in Geschichte und Gegenwart* (pp. 154–184). Tübingen: Narr.
25. Serianni, L. (2015). *Prima lezione di storia della lingua italiana*. Roma; Bari: Laterza.
26. Sobrero, A.A., Miglietta, A. (2006). *Introduzione alla linguistica italiana*. Roma; Bari: Laterza.
27. Sornicola, R. (1981). *Sul parlato*. Bologna: il Mulino.
28. Spitzer, L. (1922). *Italienische Umgangssprache*. Bonn; Leipzig.
29. Vitale, M. (1978). *La questione della lingua*. Palermo: Palumbo.

Информация об авторах

Анджело Лорети, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Аграрно-технологический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7087-6265>, e-mail: loreti_a@pfur.ru

Эмилиано Меттини, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук, доцент Института мировой медицины, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3051-9730>, e-mail: mettini_e@rsmu.ru

Information about the authors

Angelo Loreti, Candidate of Science (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Agrarian and Technological Institute, Peoples' Friendship University of Russia named

Лорети А., Меттини Э. (2025)
Становление и трансформация итальянского языка: от
литературного канона к современным вызовам
Язык и текст, 12(4), 63—75.

Loreti A., Mettini E. (2025)
The formation and transformation of the Italian
language: from the literary canon to contemporary
challenges
Language and Text, 12(4), 63—75.

after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7087-6265>, e-mail: loreti_a@pfur.ru

Emiliano Mettini, Candidate of Science (Pedagogy), Head of the Department of Humanities, Associate Professor, Institute of Global Medicine, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3051-9730>, e-mail: mettini_e@rsmu.ru

Вклад авторов

Лорети А. — концептуализация исследования, разработка методологии, анализ историко-лингвистических данных, написание и оформление рукописи.

Меттини Э. — анализ социолингвистических данных и современных цифровых тенденций, обзор литературы, визуализация теоретических концепций.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Angelo Loreti — conceptualization of the research, development of methodology, analysis of historical-linguistic data, writing and design of the manuscript.

Emiliano Mettini — analysis of sociolinguistic data and contemporary digital trends, literature review, visualization of theoretical concepts.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 27.10.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.10.27
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Интерпретация культурной семантики лексических единиц

З.З. Чанышева✉

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

✉ Chanyshevazz@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена актуальной проблеме культурной семантики лексических единиц на материале коннотации как связующего звена между языковым значением и понятиями культуры. В работе предложены два способа интерпретации культурной коннотации: лексикографический и дискурсивный. В словарном подходе использована процедура пошаговой интерпретации глубинных слоёв культурной семантики, включающая элементы метафоризации и символизации языковых знаков в функции знаков культуры. Показана роль культурологического комментария, обеспечивающего доступ к имплицитным культурным смыслам. Дискурсивный подход опирается на контекстуальный комментарий и вскрывает изменения в характере культурно-ценностных смыслов, актуализируемых языковыми единицами.

Ключевые слова: культурная семантика, лексикографическая и дискурсивная интерпретация, культурологический комментарий, понятия культуры, символизация

Для цитирования: Чанышева, З.З. (2025). Интерпретация культурной семантики лексических единиц. *Язык и текст*, 12(4), 76—82. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120406>

Interpretation of cultural semantics of lexical units

Z.Z. Chanysheva✉

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

✉ Chanyshevazz@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the topical problem of cultural semantics of lexical units on the material of connotation viewed as a binding link between linguistic meaning and notions of culture. The research proposes two ways of interpreting cultural connotation: lexicographic and discursive. The lexicographic approach uses a

procedure of step-by-step interpretation of deep layers of cultural semantics including the elements of metaphorization and symbolization of language units in the function of cultural signs. The analysis reveals the role of cultural commentary as an access to implied cultural meanings. Discursive approach relies on contextual commentary and discloses changes in cultural meanings and value components actualized by linguistic units.

Keywords: cultural semantics, lexicographic and discursive interpretation, cultural commentary, notions of culture, symbolization

For citation: Chanysheva, Z.Z. (2025). Interpretation of cultural semantics of lexical units. *Language and Text*, 12(4), 76—82. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120406>

Лингвокультурологический анализ прочно закрепился в современной лингвистике, удачно дополнив репертуар методов исследования взаимодействия категорий и единиц семиотических систем языка и культуры. Теоретическая значимость лингвокультурологии определяется в значительной мере тем, что, развивая идеи теоретиков языкознания прошлого (Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Г.Г. Шпета и др.), она разработала лингвокультурологический подход к языковой картине мира, лёгший в основу исследований разных уровней и единиц языка (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьёв, С.В. Иванова, В.И. Карасик, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.Н. Телия). Основные положения данного подхода состоят в следующем:

- Каждый язык отражает мир по-своему, тем самым складывая свою языковую картину мира, определяющую специфику национального мировидения.
- Языковая картина мира есть означивание в языке концептуальной картины мира, т.е. мира, воспринимаемого сознанием и существующего в отображении всей суммы наивных представлений о мире.
- Язык отражает мир не «как он есть», а через его интерпретацию в культуре; естественный язык создаёт культурно детерминированную картину мира, тем самым объективируя мысли о мире, производит движение от мировидения к мировоззрению; вместе с языком мы воспринимаем мировоззрение, сформированное в культуре.

С лингвокультурологических позиций актуальным является исследование знаков языка в функции знаков «языка» культуры, сопряжение языковой и культурной семантики в содержании единиц языка, языковая система в культурно-историческом универсуме и т.д. Неоценим вклад лингвокультурологии в развитие лексикографии с появлением поколения словарей нового типа на разных языках. Толчком для лексикографов послужило признание теоретика образования Э.Д. Хирша о резком падении уровня культурной грамотности американцев, что стимулировало автора разработать словарь страноведческого типа “The Dictionary of Cultural Literacy”, определить обязательный минимум культурных знаний для разных уровней школьного образования, которым должен владеть каждый американец.

Лингвокультурологические словари, основанные на других принципах и ставящие иные цели, стали разрабатывать позже как для носителей языка, так и для внешнего адресата: *American Icons: An Encyclopedia of the People, Places, and Things that Have Shaped Our Culture* (2006) [in 3 Volumes]; *Longman Dictionary of English Language and Culture* (1982), *MacMillan English Dictionary for Advanced learners* (2002), В.Н. Телия, М.Л. Ковшова и др. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический

комментарий (2006); S. Lubenskaya; Russian-English Dictionary of Idioms (2013); Гудков Д.Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь (2020); V.V. Kabakchi The Dictionary of Russia: 2500 cultural terms (2023).

Эти словари обеспечили доступ к разным пластам и слоям обширной культурной информации, актуализируемой языком в сознании носителей языка. Пользу указанных словарей как ключей к ценностно-смысловому пространству других языков и культур трудно переоценить в практике преподавания иностранных языков. Культурно-ценностная специфика языковых единиц обсуждается в словарях зарубежных авторов под рубриками socio-cultural competence, cultural resonance, cultural reference, cultural uses и др.

В определении А. Вежбицкой культура включает в себя всё то, что образует культурно-исторический универсум языка, то есть базовую культурно-историческую и политическую реальность (cultural and political reality), совокупный коллективный опыт, закреплённый в культурном ядре (shared cultural core), разделяемые культурные нормы (shared cultural norm), историческое наследие (historical heritage), культурную преемственность (cultural continuity) (Wierzbicka, 2006). Идея культурно-исторического универсума языка имеет огромный исследовательский потенциал для понимания языковой и культурной семантики, так как позволяет использовать весь богатейший арсенал уровней и знаков культуры, разнообразие субкультур; понимать культурный универсум как своего рода интертекст с подвижными границами, исследовать в динамике исторические изменения в семантике и новые смысловые наслоения (Иванова, Чанышева, 2018, с. 824).

Подходы к определению культурной семантики отражают разные грани этого сложного явления, которые важно учитывать в её исследовании: это «историко-культурная сущность», «не просто информация о культурных особенностях конкретного этноса, это «оценочный ореол», создающий специфику «оценочной картины мира каждого национально-лингвокультурного сообщества», «в разных культурах и в разных языках отражаются разные иерархии ценностей» (А. Wierzbicka, Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьёв, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, В.А. Маслова, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, А.Д. Шмелёв). Основные свойства культурной семантики обобщены в лингвокультурологическом определении: это «ценностно значимая культурная информация, которая связана с главным в познании человеком мира – с выделением из всего существующего ценностей, служащих ориентирами в эмпирической, духовной, социальной и др. сферах жизнедеятельности» (Ковшова, Гудков, 2018).

В лингвокультурологии связующим звеном между значениями единиц языковой системы и понятиями культуры (символами, ритуалами, мифологемами, эталонами, стереотипными представлениями и т.п.) принято считать культурную коннотацию, поскольку, по меткому выражению В.А. Масловой, «коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл» (Маслова, 2025, с. 56). Учитывая связь коннотации с культурными смыслами, можно уточнить её определение как «лингвокогнитивной этнокультурной ипостаси глубинного содержания, закрепляющей ценностно-культурные смыслы, связанные со спецификой восприятия, осмысления и оценивания мира, в процессе обретения и накопления культурного опыта народа (Чанышева, 2019). Основным приёмом анализа сопряжения культурной и языковой семантики является культурная интерпретация, которая соединяет в единое целое языковую семантику и культурную коннотацию, показывая, как «вплетаются» культурные смыслы в собственно языковую семантику (Ковшова, Гудков, 2024).

Результат интерпретации получает выражение в форме культурологического комментария, который содержит «живодействующие» смыслы, принадлежащие культуре и придающие этим языковым знакам функцию знаков «языка» культуры как особой, отличной от естественного языка, сферы осознания мира (Телия, 2024, с. 7).

Анализ отобранного материала может показать использование двух видов интерпретации культурной коннотации: лексикографической и дискурсивной. Рассмотрим культурную коннотацию и возможность её интерпретации в лексикографическом подходе на примере символической коннотации.

Символ является одним из знаков языка, выступающих в функции знака языка культуры, относительно которого до сих пор существует множество точек зрения по проблеме содержания и толкования данного термина. В концепции лингвокультурологии Н.Ф. Алефиренко символ рассматривается как один из элементов ценностно-смыслового пространства языка, который «одновременно позволяет обнаруживать и те области значений, которые находятся за рамками актуализируемого в конкретной ситуации контекста. В силу этого человеческое общение определяется не столько тем, что явно задано, но и тем, что неявно запрещено» (Алефиренко, 2010). Учёный подчёркивает важное свойство символа, который, отражая целевую ориентацию человека, «связан не столько с конкретными предметами, сколько со *смыслами* общечеловеческой деятельности, которые, однажды возникнув, достаточно долго сохраняют свою ценность, ибо через них выражаются самые глубинные особенности человеческой природы» (Алефиренко, 2010, с. 187).

Для проникновения в имплицитное пространство содержания символа можно использовать процедуру пошаговой интерпретации образующих его смысловых уровней:

- 1) уровень прямых значений, включающих компоненты номинации объекта культуры;
- 2) уровень метафорических смыслов, лежащих в основе созданного культурного образа;
- 3) уровень глубинных ценностно-культурных смыслов, приобретаемых высказыванием в определённом лингвокультурном сообществе.

Используя эту процедуру, можно установить этапы возникновения глубинных культурных смыслов выражения “*weasel words*”, через метафоризацию и символизацию названия культурного объекта в американской культуре:

1. Номинация культурного объекта – зоонима: *a weasel is a small mammal with reddish-brown fur and a long body that can kill other small animals such as mice and birds for food* (Cambridge)¹.

2. Образ человека: *a sneaky, untrustworthy, or insincere person, a liar, fake or poser* создан на основе зооморфной метафоры, отражающей характерные повадки этого хищного млекопитающего семейства куньих: *It has long been a widespread belief that weasels suck the yolks from bird's eggs, leaving only the empty shell.* (Merriam-Webster)²,

3. Культурологический комментарий, объясняющий особенности речевого поведения такого человека, имплицитные фразой *weasel words*: *Language designed to sound like something without actually saying anything... It is used to describe ambiguous and quibbling statements that have had the life sucked out of them. The expression refers to words that are added*

¹ Cambridge dictionary online. <https://dictionary.cambridge.org>

² Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. <https://www.merriam-webster.com/>

to make a statement sound more legitimate and impressive but which are in fact unsubstantiated and meaningless. Examples of weasel words are 'people say that...', 'studies show that...', 'up to 50% or more'³...

Дополнительная культурная семантика включает этимологию, страноведческую информацию, примеры из художественных текстов (произведения Шекспира), политической коммуникации (высказывания Т. Рузвельта о языке политической платформы республиканцев, использовании этой фразы в записях президента В. Вильсона и т.д.): 1) *Henry V*, 1598: *The weazel Scot Comes sneaking, and so sucks the princely egg*. – 2) *As You Like It*, 1600: *I can suck melancholy out of a song, as a weazel sucks eggs*. 3) *Theodore Roosevelt*: *In 1910, Theodore Roosevelt, then Colonel Roosevelt, was reported in various US newspapers as saying that he liked the Republican state platform because it contained no "weasel words"...*, *The Colonel said the expression [weasel words] occurred to him when he read some of President Wilson's notes*.

Пример лексикографической интерпретации показывает, как данная фраза приобретает в системе знаков статус символа, обозначающего речь человека (*intentionally vague language to mislead or deceive*) как преднамеренно уклончивую, двусмысленную с целью ввести в заблуждение или обмануть.

Несмотря на достоинства словарей, объём ценностно-культурных смыслов коннотаций не может быть втиснут в них целиком, поэтому необходимо воспринимать культурную коннотацию, используя дискурсивные комментарии в текстах, обеспечивающих понимание и расшифровку неявной информации. Важно также иметь в виду, что коннотация подвержена исторической динамике и контекстуальным изменениям, когда оценочный знак коннотации может измениться на противоположный в зависимости от актуальности коннотативного смысла в социальной ситуации, его прагматической значимости в текущий момент времени и т.д. Например, отрицательная коннотация слова *debt* может приобретать положительный знак в определённом контексте, как показано в культурном дискурсивном комментарии: *However, not all debt is bad. . . . In general terms good debt is defined as debt that allows someone to invest in the future such as business loans, student loans, mortgages and real estate loans*⁴.

В дискурсивной интерпретации культурной семантики в англоязычных изданиях многие понятия американской культуры связывают с идеями исключительности, демократии по американскому образцу, патриотизма, неограниченных возможностей и др. Однако реальные события нередко заставляют подвергать сомнению закрепившиеся в сознании американцев стереотипные представления и изменить свои взгляды на ставшие привычными ценностно-культурные смыслы, отражающие уникальность и особую роль США в мировой истории развития человечества. Например, в интервью Д. Трампа, одержавшего победу на президентских выборах США в 2024 году, корреспондент Bloomberg News задал вопрос в преддверии инаугурации, как пройдёт передача власти, напомнив события 6 января 2021 года, показавшие многим, какой является демократия по американскому образцу: *If you look at the events of January the 6th, 2021, it showed to many people America's democracy was unruly*

³ The Phrase Finder. Weasel Words - Meaning & Origin Of The Phrase. <https://www.phrases.org.uk/meanings/weasel-words>

⁴Scaling Up: When Debt Is A Good Four-Letter Word.
<https://www.forbes.com/sites/thestoryexchange/2016/08/30/scaling-up-when-debt-is-a-good-four-letter-word/#7f0bcdad290c> (дата обращения: 22.10.2025)

*and violent. Only three weeks to go to the election. Will you commit now to respecting and encouraging a peaceful transfer of power?*⁵

Словарные дефиниции вскрывают суть американской демократии, позволяющей устраивать агрессивные действия неуправляемой толпы: (unruly - resistant to authority or rules behavior difficult to control or manage) и (violent - involving physical force intended to hurt intensity extremely intense or severe) (Cambridge).

Корреспондент не принял ответ Трампа: “*Well, we had a peaceful transfer of power*”, возразив ему, что имела место наихудшая передача власти, показав истинный характер демократии, сопоставимой с беспорядками в Венесуэле: *You had a peaceful transfer of power. Come on, President Trump. You had a peaceful transfer of power compared with Venezuela, but it was by far the most, the worst transfer of power for a long time.*

Завершая исследование культурной семантики, необходимо подчеркнуть, что сложная природа этого явления требует использования разных подходов к её интерпретации. Без анализа лексикографических средств представления культурной специфики, закрепленных за знаками языка коннотаций, обеспечивающих связь языковых значений с понятиями культуры, невозможно проникнуть в ценностно-смысловое пространство других языков. Помимо изучения словарных источников важно обращаться к дискурсивным комментариям, развивающим умение сопоставлять разную информацию и не воспринимать на веру любое мнение. Критическая оценка информации, представленной в разных источниках, может способствовать формированию необходимого культурного багажа, служащего ключом к пониманию других языков и культур.

Список источников / References

1. Алефиренко, Н.Ф. (2010). *Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка*. М.: Флинта. Наука.
Alefirenko, N.F. (2010). *Linguoculturology. Axiological-semantic space of language*. Moscow: Flinta. Nauka. (In Russ.).
2. Иванова, С.В., Чанышева, З.З. (2018). Слово в контексте культурно-исторического универсума: на примере политического дискурса. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 22(4), 820-842. <https://doi.org/10.1007/s11366-016-9435-x>
Ivanova, S.V., Chanysheva, Z.Z. (2018). The word in the context of the cultural-historical universe: using the example of political discourse. *Bulletin of RUDN University. Series: Linguistics*, 22(4), 820-842. (In Russ.). <https://doi.org/10.1007/s11366-016-9435-x>
3. Ковшова, М.Л., Гудков, Д.Б. (2024). Культурная семантика языковых знаков: Теория и эксперимент. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 4, 181-189. https://doi.org/10.52452/19931778_2024_4_181
Kovshova, M.L., Gudkov, D.B. (2024). Cultural semantics of linguistic signs: Theory and experiment. *Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University*, 4, 181-189. (In Russ.). https://doi.org/10.52452/19931778_2024_4_181

⁵ Donald Trump Bloomberg Interview: Full Transcript, <https://www.bloomberg.com/features/2024-trump-interview-transcript/> (дата обращения: 22.10.2025)

4. Ковшова, М.Л., Гудков, Д.Б. (2018). *Словарь лингвокультурологических терминов*. М.: Гнозис.
Kovshova, M.L., Gudkov, D.B. (2018). *Dictionary of Linguocultural Terms*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
5. Маслова, В.А. (2025). *Лингвокультурология. Введение* / ответственный редактор У.М. Бахтикиреева. Москва: Издательство Юрайт.
Maslova, V.A. (2025). *Linguoculturology. Introduction* / executive editor U.M. Bakhtikireeva. Moscow: Yurayt Publishing House. (In Russ.).
6. Телия, В.Н. (2024). *Предисловие. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / ответственный редактор В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс школа, Грамота.
Teliya, V.N. (2024). *Foreword. Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Culturological commentary* / executive editor V.N. Teliya. Moscow: AST-Press shkola, Gramota. (In Russ.).
7. Чанышева, З.З. (2019). Культурная коннотация в метаязыке лингвокультурологии. *Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение*, 24(1), 248-251.
Chanyшева, Z.Z. (2019). Cultural connotation in the metalanguage of linguoculturology. *Bulletin of Bashkir University. Philology and Art History*, 24(1), 248-251. (In Russ.).
8. Wierzbicka, A. (2006). *English: Meaning and Culture*. New York: Oxford University Press.

Информация об авторе

Зульфира Закиевна Чанышева, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры зарубежной лингвистики Института гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНТ), Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5954-1472>, e-mail: Chanyshevazz@yandex.ru

Information about the author

Zulfira Z. Chanyшева, Doctor in Philology, Professor, Professor-Consultant, Department of Foreign Linguistics, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5954-1472>, e-mail: Chanyshevazz@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Категория времени и пространства в интернет-рекламе

Я.А.-Б. Шанхоева✉

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Российская Федерация

✉ yaha.shoan@mail.ru

Резюме

Статья посвящена исследованию темпоральных и локативных синтаксем в интернет-рекламе. На основе анализа рекламных текстов, представленных в социальных сетях «ВКонтакте» и «Дзен», выявлены механизмы, посредством которых минимальные единицы синтаксиса формируют категориальные значения времени и пространства. Исследование демонстрирует, как темпоральные синтаксемы создают эффект срочности и ограниченности рекламного предложения, а локативные синтаксемы подчеркивают доступность или эксклюзивность рекламного объекта. Взаимодействие данных единиц обеспечивает комплексное воздействие на аудиторию, активизируя когнитивные процессы, способствующие немедленному принятию решения. Полученные результаты расширяют теоретические представления о структурной организации интернет-рекламы и подчеркивают значимость синтаксических единиц как ключевых инструментов в формировании эффективной коммуникативной стратегии.

Ключевые слова: время, пространство, синтаксема, локативная синтаксема, темпоральная синтаксема, рекламный текст, интернет-реклама

Для цитирования: Шанхоева, Я.А.-Б. (2025). Категория времени и пространства в интернет-рекламе. *Язык и текст*, 12(4), 83—92. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120407>

Category of time and space in internet advertising

Ya.A.-B. Shankhoeva✉

A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russian Federation

✉ yaha.shoan@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of temporal and locative syntaxemes in online advertising. Based on the analysis of advertising texts presented in the social networks VKontakte and Dzen, the mechanisms by which minimal units of syntax form categorical meanings of time and space are identified. The study demonstrates how temporal syntaxemes create the effect of urgency and limitation of the offer, and locative syntaxemes emphasize the availability or exclusivity of the advertising object. The interaction of these units provides a comprehensive impact on the audience, activating cognitive processes that contribute to immediate decision-making. The results obtained expand theoretical understanding of the structural organization of online advertising and emphasize the importance of syntactic units as key tools in the formation of an effective communication strategy.

Keywords: time, space, syntaxeme, locative syntaxeme, temporal syntaxeme, advertising text, internet advertising

For citation: Shankhоеva, Ya.A.-B. (2025). Category of time and space in internet advertising. *Language and Text*, 12(4), 83—92. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120407>

Введение

В настоящее время рекламный текст, в частности интернет-реклама играет особую роль в медиапространстве. Как отмечает Т.Г. Добросклонская, «обладая четко обозначенными признаками на всех уровнях — на уровне языка, формата и содержания — рекламные тексты легко выделяются на фоне общего текстового потока массовой информации. Специфические особенности рекламных текстов обусловлены их явной направленностью на воздействие» (Добросклонская, 2020, с. 87–88).

Рекламные тексты объединяют в себе реализацию двух функций воздействия: функцию, реализующуюся лингвистическими средствами выразительности, функцию, предполагающую применение современных технологий и приемов воздействия доступных в СМИ (графические, визуальные и т.д.) (Добросклонская, 2020). В рамках данного исследования особый интерес представляет языковая составляющая рекламного текста, а именно те синтаксические элементы, которые создают у аудитории ощущение срочности, доступности и вовлеченности.

Ключевыми механизмами, обеспечивающими такое влияние, являются категории времени и пространства. Они играют важную роль в структурировании рекламного сообщения, помогая создать эффект ограниченности предложения (например, «**только сегодня**»), усилить актуальность (например, «**уже сейчас**») или подчеркнуть локальную привязку (например, «**рядом с вами**»). Такое эмоциональное вовлечение потребителей и стимулирование к немедленному действию достигается с помощью темпоральных и локативных синтаксем.

Изучению языка рекламы посвящены работы Д.Э. Розенталя, Н.Н. Кохтева (Розенталь, Кохтев, 1999), Э.Г. Рябцевой (Рябцева, 1996), О.А. Дмитриевой (Дмитриева, 2020), Т.Н. Лившиц (Лившиц, 1999). Важным аспектом исследования интернет-рекламы является анализ ее синтаксической организации с позиции функционально-коммуникативной грамматики (Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998), рассматривающей язык как средство передачи информации в определенной коммуникативной стратегии.

При этом малоизученным остается вопрос выделения минимальных синтаксических единиц – синтаксем (Золотова, 2006; Мухин, 1961) — в рекламном тексте, что делает актуальным исследование их структуры и функций в интернет-рекламе. В данной статье рассматриваются темпоральные и локативные синтаксемы, их роль в структуре рекламного текста и влияние на восприятие информации.

Постановка задачи исследования

Объектом исследования является категория времени и пространства в синтаксическом построении рекламного текста в интернет-пространстве. Предмет исследования – темпоральные и локативные синтаксемы как минимальные единицы выражения категорий времени и пространства в интернет-рекламе, их структура, функции и коммуникативная роль.

Цель исследования — выявить и описать особенности функционирования темпоральных и локативных синтаксем в интернет-рекламе как основополагающих элементов категории пространства и времени в функционально-коммуникативном синтаксисе русского языка.

Для исследования используется корпус текстов интернет-рекламы, включающий рекламу российских социальных сетей «ВКонтакте» и «Дзен».

Вопрос о выделении минимальной синтаксической единицы русского языка

Выделение минимальной единицы синтаксиса русского языка остается одной из актуальных, неразрешённых проблем в лингвистике. Традиционно принято считать, что исходной единицей синтаксиса является словосочетание. Описанию синтаксических связей в словосочетании и его квалификации в качестве строительного материала для высказывания посвящены работы многих отечественных лингвистов. В.В. Виноградов, например, определяет словосочетание как номинирующую единицу, с этой точки зрения равную лексеме (Виноградов, 1960). Однако данная концепция не реализуется в любом предложении, так как не всегда возможно делить предложение на словосочетания.

По мнению Г.А. Золотовой (Золотова, 2006), элементарной базовой единицей, с помощью которого строится предложение, является синтаксема. Автором, прежде всего, было указано на зависимость построения синтаксических конструкций от лексико-семантических характеристик слова. Г.А. Золотова, вслед за А.М. Мухиным, отмечает целесообразность признания именно синтаксических форм слов, которые являются «строительным материалом для предложения, элементами, из которых предложение строится» (Золотова, 1969, с. 66).

Следует иметь в виду, что понятие синтаксемы в лингвистике разработано Г.А. Золотовой, хотя термин был введен в лингвистику в работах А.М. Мухина (Мухин, 1961, 1995, 1999).

По мнению М.В. Всеволодовой, синтаксема представляет собой разновидность синтаксической формы слова с учётом значения, определяемого функционально-семантическим классом слов, ее образующим, и способности занять определённые позиции в синтаксических построениях (Всеволодова, 2000).

Синтаксема может исследоваться с точки зрения ее семантических возможностей, чтобы обосновать ее роль в выражении значения предложения. Если исходить из валентностных возможностей синтаксемы, то акцент делается на функции словоформы, которую она выполняет в составе высказывания. С этой точки зрения одной из малоизученных остается функции локативных и темпоральных синтаксем.

В синтаксическом словаре Г.А. Золотовой (Золотова, 2006) приведена семантическая классификация именных синтаксем, в том числе темпоральных и локативных. А.Ч. Рыжкович в своей работе выделяет из словаря следующие типы темпоральных именных синтаксем (Рыжкович, 2021): **темпоратив** — компонент, выражающий временные характеристики; **дименсив** — компонент, выражающий количественную характеристику времени; **дистрибутив** — значение разделительного времени; **терминатив** — компонент, при котором действие протекает на протяжении определенного временного отрезка.

В рамках общего пространственного значения Г.А. Золотова выделяет (Золотова, 2006): **локатив** — компонент со значением местонахождения; **директив** — компонент, выражающий направление движения, ориентированного действия; **транзитив** — компонент со значением пути движения.

Рассмотрим, как именно темпоральные и локативные синтаксемы реализуются в интернет-рекламе и какие функции используются для их эффективного воздействия на аудиторию.

Время, пространство и их реализация в интернет-рекламе

В рекламных текстах категория времени соответствует выражению протяженности, последовательности и актуальности происходящих событий. Время реализуется посредством темпоральных синтаксем («сейчас», «уже», «завтра», «в течение года», «в декабре» и т.д.), которые позволяют не только позиционировать событие во временном пространстве, но и создавать ощущение срочности или, наоборот, долговременности. В текстах интернет-рекламы именно за счет временных указаний (например, «**только сегодня**» или «**акция действует до конца недели**») формируется психологический эффект ограниченности предложения, стимулирующий оперативное принятие решений у потребителя.

Рекламные компании также ориентированы на конкретизацию временных интервалов, актуализирующих рекламное предложение, например «**Ежедневно для пенсионеров утренние скидки до 11 часов**», «**Акция пройдет в библиотеке не только в вечернее время, но и в течение дня**». Такая синтаксическая структура предложений формирует семантику «определенная временная продолжительность».

Темпоральные синтаксемы также способствуют повышению надежности и долговременности результатов («на рынке с 2007 года» или «уже 10 лет на рынке»), что определяет стабильность организации и вызывает доверие у пользователей.

Нередко встречаются темпоральные синтаксемы с семантикой «выгодное предложение», «устойчивость предложения», вызывающие у пользователя желание воспользоваться рекламируемым продуктом или услугой: «**Ламинирование ресниц, это универсальная beauty-процедура, после которой вы получите мгновенный результат**», «**Узнайте уже сейчас!**» или «**Количество товара ограничено**».

Некоторые темпоральные синтаксемы представлены с привязкой к конкретному событию: «**Большие новогодние скидки перед Новогодними праздниками и кешбэк до 70% на Мегамаркет**».

Выделенные синтаксемы выполняют стратегическую функцию побуждения, усиливая императивность высказывания.

Кроме того, в текстах интернет-рекламы нередко используются темпоральные конструкции, маскирующие прямую дату или срок, но также воздействующие на восприятие ограниченности времени. Так, выражения вроде «**осталось всего несколько дней**», «**пока**

товары есть в наличии», опираются на скрытую временную рамку, вызывая у пользователя чувство неуверенности в будущем наличии предложения и подталкивая к решению «здесь и сейчас».

Темпоральные синтаксемы также участвуют в формировании временной иерархии событий, когда рекламное высказывание структурирует информацию последовательно, задавая логический порядок действий. Например: *«Сначала получите консультацию, затем – бесплатную диагностику, и только после этого примите решение»*. Такая структура помогает адресату ориентироваться во времени, одновременно организуя информацию и снижая когнитивную нагрузку.

Важно отметить, что временные указания часто сочетаются с модальными и оценочными компонентами, усиливая эффект внушения. Например: *«Начните новую жизнь уже с понедельника»*, *«Не упустите шанс этим летом»*, *«Будьте первыми в новом сезоне»* – здесь категория времени работает не только как средство ориентации, но и как инструмент мотивационного воздействия, связывая момент действия с предполагаемыми выгодами.

Особый интерес представляют циклические темпоральные синтаксемы, апеллирующие к повторяемости событий: *«Каждую субботу – мастер-классы для всей семьи»*, *«Еженедельно – новые предложения»*, *«Акция повторится через месяц»*. Такие конструкции формируют у потребителя предсказуемость и доверие к рекламируемой активности, подчеркивая регулярность и системность предложения.

Таким образом, категория времени в текстах интернет-рекламы выходит за рамки чисто описательной функции и становится многоуровневым инструментом воздействия: она структурирует текст, усиливает прагматическое воздействие, маркирует актуальность и срочность, а также формирует у адресата желаемую модель восприятия предложения как своевременного, надёжного, выгодного и ограниченного по длительности.

Категория пространства характеризует положение, близость, удаленность или взаиморасположение объектов. Данная категория в текстах интернет-рекламы реализуется с помощью локативных синтаксем (*«рядом с Вами»*, *«в центре Москвы»*, *«у вас под рукой»*, *«на сайте»*, *«в приложении»* и т.д.). Локативные конструкции часто используются в интернет-рекламе для подчеркивания доступности услуги. Такие синтаксемы как *«в шаговой доступности»*, *«всегда рядом»* создают в восприятии потребителя ощущение удобства, комфорта и близости.

Напротив, категория пространства также реализуется в синтаксемах с семантикой «эксклюзивность», «недоступность для широкого круга потребителей», например, *«Роскошные особняки на Софийской набережной»*, *«Снять жильё около Красной площади в Москве посуточно»*.

Таким образом, категория пространства в интернет-рекламе выполняет двойственную функцию: с одной стороны, она способствует созданию образа максимальной доступности, а с другой – акцентирует внимание на исключительности и статусности предложения за счет географической или символической локализации.

В первом случае локативные синтаксемы формируют у потребителя ощущение, что продукт или услуга близки, достижимы, соответствуют его повседневным потребностям: *«Ваш мастер – в соседнем доме»*, *«Пункт самовывоза рядом с метро»*, *«Аптека у дома»*. Такое позиционирование апеллирует к базовому мотиву удобства, устраняя психологические и пространственные барьеры между потребителем и товаром.

Во втором случае локативные синтаксемы приобретают эксклюзивную или элитарную окраску, выступая маркерами престижности, социальной дистанции или уникальности рекламного предложения. Например: *«Апартаменты в центре Москвы»*, *«Уникальный проект на берегу Финского залива»*, *«Отдых на частной вилле в Сочи»*. Такие конструкции апеллируют к мотивам престижа и социальной дифференциации, а пространственная локализация становится метафорой особого статуса, доступного ограниченному числу потребителей.

Отдельную группу представляют локативные синтаксемы, отражающие особенности цифровой среды: *«В приложении»*, *«на сайте»*, *«в онлайн-кабинете»*, *«в профиле клиента»*. Данные конструкции формируют новую когнитивную модель пространства, где пространство — это не физическое, а цифровое присутствие, при этом доступность определяется не расстоянием, а скоростью подключения или навигацией по интерфейсу. Например: *«Всё под рукой – в вашем смартфоне»*, *«Подарки ждут вас в личном кабинете»*. Такое использование пространственной семантики позволяет интегрировать рекламный посыл в повседневную онлайн-практику пользователя, усиливая ощущение персонализации и постоянного присутствия бренда.

Таким образом, локативные синтаксемы в текстах интернет-рекламы не только уточняют пространственные параметры действия, но и выполняют прагматически значимую функцию внушения: они формируют у потребителя образ удобного, доступного или, напротив, статусного предложения, управляя восприятием пространственной удаленности как ценностного признака. Это делает категорию пространства неотъемлемой частью коммуникативной стратегии бренда, направленной на оптимизацию отклика и моделирование желаемой поведенческой реакции.

Категории времени и пространства в интернет-рекламе часто взаимодействуют, дополняя и усиливая друг друга. Например, *«Только сегодня в Вашем городе»* или *«Успей купить с доставкой по всей России»* одновременно обращает внимание на временное ограничение и персонализирует предложение, привязывая его к конкретному месту.

Пространственные характеристики могут также уточнять временные ограничения *«Акция действует только при покупке в магазине»* или *«Предложение действует до 31.08.2025 только при покупке билетов в кассе Театра МДМ (Комсомольский проспект, 28)»*. Создается впечатление, что возможность воспользоваться предложением ограничена не только во временном интервале, но и локативно, что способствует более быстрому принятию решений.

Следует обратить внимание на конструкции с частицей *«только»*, являющейся элементом построения как локативных, так и темпоральных синтаксем. В локативных синтаксемах (*«только у нас»*, *«только в онлайн-магазине»*, *только в Москве*) и т.д.) создается впечатление уникальности предложения, подчеркивается, что товар или услуга доступны исключительно в определенном месте. В темпоральных синтаксемах (*«только сегодня»*, *«только в вечернее время»*, *«только сейчас»*) частица *«только»* в связке с падежными, предложно-падежными существительными и наречиями усиливает временное ограничение. Таким образом, частица *«только»* в конструкциях рекламного текста выполняет двойную функцию, играя роль не только синтаксического ограничителя, но и прагматического маркера, создающего в сознании потребителя ощущение срочности или эксклюзивности.

Локативные и темпоральные синтаксемы чаще всего выполняют обстоятельственную функцию, уточняя условия, при которых совершается действие. Темпоральные синтаксемы

→ обстоятельства времени (*Когда?*, *Как долго?*, *С какого момента?* и т.д.): «Скидка действует **до конца недели**», «Заказывайте **уже сейчас**», «Мы работаем **круглосуточно**». Локативные синтаксемы → обстоятельства места (*Где?*, *Куда?*, *Откуда?* и т.д.): «**Наш салон находится в центре города**», «Доставка доступна **по всей России**», «Товар можно купить **рядом с домом**».

Отметим также позиционные сходства. В предложении обе группы синтаксем чаще всего расположены в начале или в конце предложения и легко заменяют друг друга: «Заказывайте **уже сейчас**», «Заказывайте **по всей России**» или «**Только в эту пятницу** вы можете получить скидку до 50%», «**Только в нашем магазине** вы можете получить скидку до 50%».

Такое позиционное и функциональное сходство указывает на синтаксическую универсальность темпоральных и локативных синтаксем, а также на их высокую степень прагматической нагрузки в рекламном сообщении. Их гибкость и способность занимать как препозитивную, так и постпозитивную позиции в предложении позволяет варьировать акценты в рекламном тексте, усиливая определённые аспекты сообщения в зависимости от коммуникативной задачи.

Семантическая взаимосвязь категорий времени и пространства в интернет-рекламе проявляется в конструкциях, сочетающих обе категории в одном предложении. Например: «**Только в июне в торговом центре “Мега”**» или «**До конца месяца – в любом регионе России**». В таких случаях наблюдается наложение темпоральных и локативных параметров, что создает эффект многоканального воздействия на восприятие: ограниченность во времени усиливается конкретностью в пространстве, и наоборот.

Важно отметить, что сочетание временных и пространственных синтаксем нередко сопровождается императивными или побудительными конструкциями («**Успей оформить заказ!**», «**Приезжайте уже сегодня!**»), а также экспрессивной лексикой, создающей эмоциональный фон. Это говорит о высокой степени интеграции синтаксических и лексико-прагматических средств, направленных на стимулирование потребительского поведения.

Таким образом, локативные и темпоральные синтаксемы в текстах интернет-рекламы представляют собой неразрывный комплекс, формирующий структуру прагматического воздействия. Их грамматическая пластичность, семантическая наполненность и коммуникативная эффективность делают их одними из ключевых инструментов актуального рекламного дискурса.

Заключение

В результате проведенного исследования синтаксической организации текстов интернет-рекламы (на примерах реклам в социальных сетях «ВКонтакте» и «Дзен») выявлена особая роль темпоральных и локативных синтаксем.

Темпоральные синтаксемы, реализующие категорию времени, выполняют двойную функции: с одной стороны, они позиционируют событие во временном континууме, с другой стороны, создают эффект срочности и ограниченности предложения. Такое распределение ролей активизирует когнитивные механизмы восприятия, побуждая потребителя к немедленным действиям и формируя представление о временной актуальности рекламного сообщения.

Локативные синтаксемы, отражающие пространственную категорию, акцентируют внимание на доступности или эксклюзивности товара или услуги. Они способствуют формированию у адресата ощущения комфорта, удобства и уникальности предложения, что

усиливает доверие к рекламируемому объекту и подчеркивает его конкурентные преимущества.

Совместное использование темпоральных и локативных синтаксем в рекламном тексте позволяет добиться комплексного эффекта воздействия. Интеграция этих элементов создает динамичное «временное пространство», в рамках которого рекламное сообщение становится одновременно актуальным и локально ориентированным.

Проведенный анализ подтверждает, что синтаксема как минимальная единица синтаксиса обладает высокой прагматической значимостью. Она становится ключевым элементом в формировании коммуникативной стратегии, где информационная нагрузка тесно переплетается с эмоционально-побуждающими компонентами рекламного сообщения. Такой подход позволяет более точно моделировать и прогнозировать влияние текстовых конструкций на поведение потребителя в цифровом медиaprостранстве.

Список источников / References

1. Виноградов, В.В. (1960). Словосочетание как предмет синтаксиса. В: *Грамматика русского языка* (с. 10–22). М.: Изд-во акад. наук СССР.
Vinogradov, V.V. (1960). Word combination as a subject of syntax. In: *Grammar of the Russian language* (pp. 10–22). Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
2. Всеволодова, М.В. (2000). *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
Vsevolodova, M.V. (2000). *Theory of functional-communicative syntax: Fragment of an applied (pedagogical) model of language*. Moscow: Publishing house of Moscow University. (In Russ.).
3. Дмитриев, О.А. (2000). *Структурно-семантическая характеристика слогана как особой разновидности рекламного текста: Дис. канд. филол. наук*. Орловский гос. университет.
Dmitriev, O.A. (2000). *Structural and semantic characteristics of a slogan as a special type of advertising text: Diss. Cand. Philological Sciences*. Oryol State University. (In Russ.).
4. Добросклонская, Т.Г. (2020). *Медиалингвистика: теория, методы, направления*. М.: КДУ, Добросвет.
Dobrosklonskaya, T.G. (2020). *Medialinguistics: Theory, Methods, Directions*. Moscow: KDU, Dobrosvet (In Russ.).
5. Золотова, Г.А. (2006). *Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 3-е, стереотип*. М.: Едиториал УРСС.
Zolotova, G.A. (2006). *Syntactic Dictionary: Repertoire of Elementary Units of Russian Syntax. 3rd ed., stereotype*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
6. Золотова, Г.А. Онипенко, Н.К., Сидоров, М.Ю. (1998). *Коммуникативная грамматика русского языка*. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова.

- Zolotova, G.A. Onipenko, N.K., Sidorov, M.Yu. (1998). *Communicative grammar of the Russian language*. Moscow: Moscow State University named after M.V. Lomonosov. (In Russ.).
7. Золотова, Г.А. (1969). О синтаксической форме слова. В: *Мысли о современном русском языке: Сб. статей*. (с. 58–66). М.: Просвещение.
- Zolotova, G.A. (1969). *On the syntactic form of a word*. In: *Thoughts on the modern Russian language: Collection of articles*. (pp. 58–66). Moscow: Education. (In Russ.).
8. Лившиц, Т.Н. (1999). *Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах: Дис. канд. филол. наук*. Таганрог. гос. пед. ун-т.
- Livshits, T.N. (1999). *Specificity of advertising in pragmatic and linguistic aspects: Dis. Cand. Philological Sciences*. Taganrog State Pedagogical University. (In Russ.).
9. Мухин, А.М. (1961). Синтаксема как функциональная синтаксическая единица. *Филологические науки*, 3, 53–65.
- Mukhin, A.M. (1961). Syntaxeme as a functional syntactic unit. *Philological sciences*, 3, 53–65. (In Russ.).
10. Мухин, А.М. (1995). *Вариантность синтаксических единиц*. СПб.: Наука.
- Mukhin, A.M. (1995). *Variability of syntactic units*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
11. Мухин, А.М. (1999). *Функциональный синтаксис*. СПб.: Наука.
- Mukhin, A. M. (1999). *Functional syntax*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
12. Розенталь, Д.Э., Кохтев, Н.Н. (1999). *Язык рекламных текстов*. М.: Высшая школа.
- Rosenthal, D.E., Kokhtev, N.N. (1999). *Language of advertising texts*. Moscow: Higher school. (In Russ.).
13. Рыжкович, А.Ч. (2021). Темпоральные синтаксемы в языке региональных Интернет-СМИ. В: *Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития: Сб. статей*. (337–343). Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы.
- Ryzhkovich, A.Ch. (2021). Temporal syntaxemes in the language of regional Internet media. In: *Social, cultural and communicative practices in the dynamics of social development: Collection of articles*. (337–343). Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno. (In Russ.).
14. Рябцева, Э.Г. (1996) Конвергенции стилистических приемов в рекламном тексте. *Природа. Общество. Человек: Вестник Южнороссийского отделения Международной академии наук высшей школы*, 2, 28–29.
- Ryabtseva, E.G. (1996) Convergence of stylistic devices in advertising text. *Nature. Society. Man: Bulletin of the South-Russian Branch of the International Academy of Sciences of Higher Education*, 2, 28–29. (In Russ.).

Шанхоева Я.А.-Б. (2025)
Категория времени и пространства в интернет-рекламе
Язык и текст, 12(4), 83—92.

Shankhoeva Ya.A.-B. (2025)
Category of time and space in internet advertising
Language and Text, 12(4), 83—92.

Информация об авторе

Яха Ахмет-Башировна Шанхоева, аспирант кафедры общей и славянской филологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (ФГБОУ ВО РГУ им. А.Н. Косыгина), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0433-8689>, e-mail: yaha.shoan@mail.ru

Information about the author

Yakha A.-B. Shankhoeva, PhD student, Department of General and Slavic Philology, A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0433-8689>, e-mail: yaha.shoan@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.04.03
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Загадочный алогизм — яркая идиостилевая черта текстов О.Э. Мандельштама

В.А. Галстян✉

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

✉ vreingalstyan@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Изучение алогизмов в творчестве Мандельштама позволяет глубже понять механизмы формирования его индивидуального стиля, а также расширяет представление о роли языковых новаций и экспериментальных приёмов в русской поэзии XX века. Это важно для развития теории идиостиля и лингвистической интерпретации художественного текста. **Цель.** Проанализировать особенности использования алогизмов в поэтике Осипа Мандельштама и определить их роль в формировании идиостиля поэта. **Гипотеза.** Алогизмы в текстах Мандельштама являются ключевым средством индивидуализации стиля автора, поскольку отражают его отношение к языку, служат для усиления экспрессивности текста, указывают на внутреннюю противоречивость языковой личности. **Методы и материалы.** В исследовании использовались методы нацеленной выборки единиц. Концептологический метод. Лингвокультурологический метод. Метод исследования словарных дефиниций. Основной материал исследования — автобиографическая проза Мандельштама и его публицистические тексты, характеризующиеся яркими алогизмами. **Результаты.** Исследование показало, что алогизмы у Мандельштама выполняют разнообразные стилистические функции: создание ритмико-звукового колорита; передача сложных эмоциональных состояний через необычные сочетания слов. Использование алогизмов способствует формированию яркой стилеобразующей черты поэта, делая его идиостиль узнаваемым и неповторимым. **Выводы.** Алогизмы в творчестве Мандельштама — это важные художественные средства образности, заслуживающие изучения как ключевые в прозе автора. Они служат инструментом выражения внутренних противоречий, создания загадок, интригующих читателя, отражают поиски нового в поэтике и создают особую эстетическую атмосферу мандельштамовских произведений. Исследование подтверждает значимость алогизмов для текстов русской литературы начала XX века.

Ключевые слова: алогизм, идиостиль, поэтика, О.Э. Мандельштам

Галстян В.А. (2025)
Загадочный алогизм — яркая идиостилевая черта текстов
О.Э. Мандельштама
Язык и текст, 12(4), 93—99.

Galstyan V.A. (2025)
Mysterious alogism is a striking idiostyle feature of
O.E. Mandelstam's texts
Language and Text, 12(4), 93—99.

Для цитирования: Галстян, В.А. (2025). Загадочный алогизм — яркая идиостилевая черта текстов О.Э. Мандельштама. *Язык и текст*, 12(4), 93—99.
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120408>

Mysterious alogism is a striking idiostyle feature of O.E. Mandelstam's texts

V.A. Galstyan✉

State University of Education, Moscow, Russian Federation

✉ vreinggalstyan@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Studying alogisms in Mandelstam's work allows us to gain a deeper understanding of the mechanisms underlying the development of his distinctive style and expands our understanding of the role of linguistic innovations and experimental techniques in 20th-century Russian poetry. This is important for the development of idiostyle theory and the linguistic interpretation of literary text.

Objective. To analyze the features of the use of alogisms in the poetics of Osip Mandelstam and determine their role in the formation of the poet's idiostyle.

Hypothesis. Alogisms in Mandelstam's texts are a key means of individualizing the author's style, since they reflect his attitude to language, serve to enhance the expressiveness of the text, and indicate the internal contradictions of the linguistic personality.

Methods and materials. The study utilized purposive sampling methods, a conceptual method, a linguocultural method, and a dictionary definitions method. The primary research material is Mandelstam's autobiographical prose and his journalistic texts, characterized by striking illogicalities. **Results.** The study showed that alogisms in Mandelstam serve a variety of stylistic functions: creating a rhythmic and sonic flavor; conveying complex emotional states through unusual word combinations. The use of alogisms contributes to the poet's distinctive style, making his idiostyle recognizable and unique. **Conclusions.** Alogisms in Mandelstam's works are important artistic devices, worthy of study as key to the author's prose. They serve as a tool for expressing internal contradictions, creating riddles that intrigue the reader, reflecting his search for novelty in poetics, and creating a distinctive aesthetic atmosphere in Mandelstam's works. This study confirms the significance of alogisms in Russian literary texts of the early 20th century.

Keywords: alogism, idiostyle, poetics, O.E. Mandelstam

For citation: Galstyan, V.A. (2025). Mysterious alogism is a striking idiostyle feature of O.E. Mandelstam's texts. *Language and Text*, 12(4), 93—99. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120408>

Введение

Осип Мандельштам — один из ярчайших представителей русской поэзии Серебряного века, чьи прозаические тексты также отличаются богатством образов и сложной структурой.

В его произведениях нередко встречаются оксюморонные алогизмы — воплощение стилистического приёма, воздействующего как загадка на адресата-читателя. В них автором сталкиваются противоположные понятия и идеи, за счет чего создается эффект внутреннего противоречия. Алогизмы позволяют автору передать многослойность личных переживаний, указать на противоречивость памяти и подчеркнуть особенности восприятия времени.

Алогизм как доминирующая черта идиостиля писателя

Основным для О.Э. Мандельштама в его текстах всегда оставался язык, что отмечают исследователи: «Для того чтобы погрузить читателя в «чужое» пространство, Мандельштаму достаточно воссоздать речевой образ национального языка. Под речевым образом национального языка мы будем понимать «воплощенную в художественном произведении совокупность фонетических, лексических, графических и культурно-функциональных характеристик конкретного языка» (Голубева, 2022, с. 237).

Необходимо подчеркнуть важность исследования такой черты идиостиля писателя, как нарушение лексической сочетаемости, благодаря чему создается загадочный алогизм, основанный на оксюморе, который проявляет противоречия: «Характерными чертами этой группы средств выступают, в первую очередь, наличие противоречия между отдельными составляющими контекста и, как следствие, эксплицитно выраженное или имплицитно подразумеваемое отрицание одних текстовых составляющих другими, а также одновременная реализация отношений «контраста и тождества» между элементами контекста» (Яшина, 2010, с. 826). В.И. Карасик считает, что намеренный алогизм используется с особыми прагматическими установками, состоящими «в построении комического эффекта либо в попытке выйти на новое, необычное осмысление и обозначение какого-либо состояния, качества или явления» (Карасик, 2022, с. 116). В процессе исследования нами выявлены такие контексты в прозе О.Э. Мандельштама: *Кругом были не дай Бог какие **веселенькие** домики с **низкими** душонками и **трусливо** поставленными окнами¹; Разлука — младшая сестра смерти. Для того, кто уважает резоны судьбы, — есть в проводах **зловеще-свадебное** оживление; Больше грибов мне нравились **готические** хвойные шишки и **лицемерные** желуди в **монашеских** шапочках; И как-то я увидел **пляску смерти** — **брачный танец** фосфорических букашек*. Частота их использования автором позволяет заключить, что оксюморонные алогизмы выступают как средство выражения внутреннего конфликта и экзистенциальной неопределённости в текстах О.Э. Мандельштама, поскольку оксюмороном является «совмещение несовместимых противоречивых, противоположных слов и понятий, при котором его составляющие не уничтожают и не нивелируют друг друга, а сохраняются в полном объёме своих значений, отображая принципиально новое явление или его новое состояние» (Шестакова, 2009, с. 62). Иными словами, для осмысления оксюморонного словосочетания важно соотнести значения составляющих его компонентов и оценить возникающие вследствие столкновения их смыслов инновационные контекстуально обусловленные семы, важные для реализации какой-либо авторской интенции. Рассмотрим лексические значения оксюморонных

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по: Мандельштам О. Э. Воспоминания. Шум времени / авт.-сост. М. П. Николаева. — М.: Издательство АСТ, 2016. — 288 с.

словосочетаний и композитов, оценивая взаимодействие контекстуальных партнёров в тексте.

Контраст характеристики одного объекта: *веселенький* – *низкий*, *трусливый*. Диминутив *веселенький* образован с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-еньк-*; однако в контексте выступает с пренебрежительной коннотацией и негативным оценочным значением (см.: *не дай Бог какие «веселенькие» домики с низкими душонками...*), так как указывает на контраст внешнего и внутреннего – приятную глазу наружность этих домов, очевидно, нивелируют или принижают «низкие» душонки обитателей, скудная жизнь: речь, скорее всего, идёт о быте и нравах людей, живущих в них, поскольку вид жилища отражает душу и нрав хозяина: нельзя отрицать, что критически описаны именно устаревшие, возмущающие поэта отсталостью, несовременностью низкосортные строения с *трусливо* ('боязнь активной и открытой жизни, самостоятельного мышления') поставленными окнами. ««Трусами» определенно называют «трусливых людей», тогда как слово «трус» в единственном числе помнит и о других, не актуальных сегодня значениях. Толковый словарь В.И. Даля различает четыре таковых: 'буря и волнение, лютованье стихий' с пометой «стар.», 'землетрясение', 'трепет, страх и дрожь', 'робкий, боязливый человек и животное' (Даль, 1982, с. 437–438); толковый словарь мандельштамовского времени под редакцией Д.Н. Ушакова фиксирует омонимы: «трус» — 'робкий, трусливый человек' и «трус» (церк.-книжн. устар.) — 'землетрясение' (Ушаков, 1940, с. 816) — эти разошедшиеся до омонимичности значения восходят к одному старославянскому корню с семантикой трясения, тряски» (Сурат, 2024, с. 71).

«В оксюморе высшие смысловые единства образуют лексические единицы, которые в обычной речи не могут быть частью тех же синтагматических целых» (Živa Benčić, 1991, с. 29).

Композит *зловеще-свадебный* указывает на осмысленную автором предопределённость некоторых жизненных событий. Данная метафора указывает на авторскую оценку *проводов*, которой подчёркивается, что в жизни есть моменты радости и тревоги, и они тесно сплетаются. Свадьба — это радостный, светлый праздник для человека, но в то же время он несёт в себе тревожный образ: расставание невестки с отчим домом, согласно мифологии, подразумевает смерть и зарождение её в новом месте (доме). В славянском фольклоре образ «брака» связан с образом «смерти»: «Брак (как и смерть) символизирует умирание (невесты, жениха), ассоциирующееся у славян с переходом к «чужой родне»» (Сковорода, 2000, с. 220). Перед вступлением в брак молодожёны преодолевают «порог дома, ворота двора, границу деревни, реку». «Как известно, в ночное время суток эти топоры враждебны человеку, а их пересечение сулит ему «скорую смерть»» (Сковорода, 2000, с. 221). Образ «свадьбы» и образ «смерти» создают целостную картину существования, где каждое начало связано с концом, а каждое завершение — с новым началом.

Остранный образ из мира природы – *жёлудь: лицемерный – монашеский*. Мандельштам намеренно совершает проекцию в оценке предмета, намекая на тот период, когда к монахам относились отрицательно, скептически, недоверчиво воспринимая образ чистого духом человека: *лицемерный* — потому что гладкий, блестящий, без зазубрин.

Созерцание столба вьющихся насекомых рождает поддержанный фоновыми знаниями языковой личности автора загадочный образ: *пляска смерти – брачный танец*.

С помощью оксюморона О.Э. Мандельштам заставляет задуматься и о парадоксальности человеческого существования. Использование оксюморонов позволяет писателю передать глубокие чувства и переживания, создаёт напряжение и усиливает эмоциональную выразительность его текстов: «В тугих контекстах Мандельштама отдалённые значения встречаются, скрещиваются или вступают друг с другом в борьбу», — отметила исследуемую нами идиостилевую особенность Лидия Гинзбург (Živa Benčić, 1991, с. 25).

В исследованных текстах О.Э. Мандельштама проявляет себя градация, подчёркивающая парадоксальность. Различие оксюморона и парадокса заключается в том, что в оксюморонных словосочетаниях смыслы логически не совместимы: *Мамикон, пожевав отвислой губернаторской губой, пропел своим неприятным верблюжьим голосом несколько стихов по-персидски; Из-под пальмовой коры выбивалась седая мочала театральных париков, и в парке, как шестипудовые свечи, каждый день стреляли вверх на вершок цветущие агавы. Заслуживают внимания и такие алогизмы, которые основаны на «слиянии» конкретного с абстрактным, несоответствующие сравнения: Она зыблема, как завещание, сделанное в здоровом уме и твердой памяти; Длинные седые усы этой бабочки имели остистое строение и в точности напоминали ветки на воротнике французского академика или серебряные пальмы, возлагаемые в лодочку.*

В текстах О.Э. Мандельштама, однако, наличествуют и высказывания с субъективной модальностью одобрения, выражающейся эмоционально окрашенными предложениями, в которых отмечаются загадочные для непосвященных коллокации: *шахские прихоти, природа – марсельеза, дедушка – юношеский гром красноречия* и др. (*Шахские прихоти парижского мэтра; Здравствуй, Сезанн! Славный дедушка; В понятие природы врывается марсельза! Да не умолкнет юношеский гром его красноречия!*). Под парижским мэтром Осип Эмильевич имеет в виду французского живописца Анри Матисса, которого писатель невзлюбил, считая его «художником богачей»: «... я невзлюбил Матисса, художника богачей. Красная краска его холстов шипит содой. Ему незнакома радость наливающихся плодов. Его могущественная кисть не исцеляет зрения, но бычьей силу ему придает, так что глаз наливается кровью. Уж эти мне ковровые шахматы и одалиски! Шахские прихоти парижского мэтра!». (Мандельштам очень хорошо разбирался в живописи и был ценителем изобразительного искусства.).

Заключение

Таким образом, оксюморон служит у О.Э. Мандельштама в прозе инструментом для придания произведению глубины и многослойности, способствует акцентуации сложности и противоречивости природы персонажей и их окружения посредством парадоксальных сочетаний, создающих новые смысловые оттенки и подчеркивающих внутреннюю динамику образов.

Исследователи неоднократно отмечали присутствие оксюморона и алогизма в поэтических текстах, рассматривая их как выразительные средства, демонстрирующие парадоксальность художественного мышления автора: «Поэты очень часто и охотно используют контекстуальные антонимы, и в том числе оксюморон, состоящий чаще всего из сочетаний слов различных частей речи» (Супряга, 2023, с. 255). Однако в данном случае важно подчеркнуть, что эти приемы активно проявляются и в прозаических произведениях. Именно в прозе алогичность выступает не просто как стилистический эффект, а как способ выражения особого, нестандартного взгляда на действительность.

Таким образом, можно уверенно заключить, что алогизм представляет собой ключевую идиостилевую черту, определяющую своеобразие авторского стиля и мировидения Осипа Мандельштама.

Список источников / References

1. Голубева, А.А. (2022). Репрезентация национально-культурного своеобразия языков мира в лирике О. Э. Мандельштама. *Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: Опыт и перспективы: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Ижевск, 28 ноября 2022 года / Сост. Л.А. Юшкова*. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 236-240.

Golubeva, A.A. (2022). Representation of the national and cultural uniqueness of the world's languages in the lyrics of O. E. Mandelstam. *Strategies for intercultural interaction in the context of the global educational space: Experience and prospects: Proceedings of the IX International scientific and practical conference, Izhevsk, November 28, 2022 / Comp. L. A. Yushkova*. Izhevsk: Udmurt State University, 236-240. (In Russ.).

2. Карасик, В.И. (2022). Оксюморон в языковом сознании и коммуникативной практике. *Социальные и гуманитарные знания*, 8, 1(29), 114-123.

Karasik, V.I. (2022). Oxymoron in linguistic consciousness and communicative practice. *Social and humanitarian knowledge*, 8, 1(29), 114-123. (In Russ.).

3. Половина, Л.В. (2023). Оксюмороны в речи и художественной литературе. *Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXXI Международной научно-практической конференции. Пенза, 20 февраля 2023 года*. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 116-118.

Polovina, L.V. (2023). Oxymorons in speech and fiction. *Modern scientific research: current issues, achievements and innovations: collected articles from the XXXI International scientific and practical conference. Penza, February 20, 2023*. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 116-118. (In Russ.).

4. Сковорода, Е.В. (2000). Славянские представления о «свадьбе-похоронах» и их отражение в романтическом балладном жанре. *Славянский альманах*. № 1999.

Skovoroda, E.V. (2000). Slavic ideas about the "wedding-funeral" and their reflection in the romantic ballad genre. *Slavic almanac*. No. 1999. (In Russ.).

5. Супряга, С.В. (2023). Оксюморон в творчестве поэтов конца XIX-начала XX века. *ТЯиМК*, 3 (50), 255.

Supryaga, S.V. (2023). Oxymoron in the Works of Poets of the Late 19th-Early 20th Centuries. *TYaiMK*, 3 (50), 255. (In Russ.).

6. Сурат, И.З. (2024). Поэтика смыслового расширения. Заметки о словаре Осипа Мандельштама. *Русская речь*, 3, 71.

Surat, I.Z. (2024). Poetics of semantic expansion. Notes on the dictionary of Osip Mandelstam. *Russian speech*, 3, 71. (In Russ.).

Галстян В.А. (2025)
Загадочный алогизм — яркая идиостилевая черта текстов
О.Э. Мандельштама
Язык и текст, 12(4), 93—99.

Galstyan V.A. (2025)
Mysterious alogism is a striking idiostyle feature of
O.E. Mandelstam's texts
Language and Text, 12(4), 93—99.

7. Шестакова, Э.Г. (2009). *Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX- первой трети XX веков)*. Донецк, 62.

Shestakova, E.G. (2009). *Oxymoron as a category of poetics (based on Russian poetry of the 19th - first third of the 20th centuries)*. Donetsk, 62. (In Russ.).

8. Živa Benčić (1991). Оксюморон у Мандельштама. *Russian Literature*, 29, 1, 25-45.

Živa Benčić (1991). Oxymoron in Mandelstam. *Russian Literature*, 29, 1, 25-45. (In Russ.).

9. Яшина, Е.А. (2010). Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 12 (5-3), 826-831.

Yashina, E.A. (2010). Oxymoron as a Means of Creating Alogism in a Fiction Text. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 12 (5-3), 826-831. (In Russ.).

Информация об авторе

Вергине Акоповна Галстян, аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения (ФГАОУ ВО ГУП), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0101-7939>, e-mail: vreinggalstyan@mail.ru

Information about the author

Vergine A. Galstyan, postgraduate student, Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0101-7939>, e-mail: vreinggalstyan@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2025

Поступила после рецензирования 20.11.2025

Принята к публикации 30.11.2025

Опубликована 05.12.2025

Received 2025.10.31

Revised 2025.11.20

Accepted 2025.11.30

Published 2025.12.05

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Духовная форма Европы: идеал единства и диалог с Джузеппе Мадзини в русской интеллектуальной традиции XIX века

С.М. Капилупи✉

Государственный университет г. Кассино (UNICAS), Рим, Италия

✉ s_capilupi@yahoo.it

Резюме

Статья анализирует духовное понятие Европы в русской интеллектуальной традиции XIX века в сопоставлении с нравственным универсализмом Джузеппе Мадзини и в свете историографической интерпретации Франко Вентури. На материале Чаадаева, Хомякова, Герцена, Данилевского, Леонтьева, Достоевского и Соловьёва показывается, что вопрос о Европе в русской мысли осмысливался прежде всего как этико-антропологическая проблема, а не политическая или геополитическая категория. Особое внимание уделено тому, как мадзинианская идея *incivilimento* — понимание исторического развития через долг и моральное воспитание человечества — переосмысливалась в русском контексте в направлениях соборности, духовного обновления и критики европейского рационализма. Интерпретация Франко Вентури позволяет увидеть диалог Мадзини и Герцена как один из ключевых пунктов формирования раннего народничества и как отражение напряжения между европейским универсализмом и русскими цивилизационными моделями. Статья показывает, что русская мысль не отвергала Европу, но стремилась предложить её духовное переопределение как пространство «братства совестей», где различие становится формой единства, а критика — ресурсом нравственного углубления европейской идеи.

Ключевые слова: Европа, Мадзини, Франко Вентури, *incivilimento*, русская философия XIX века, Чаадаев, Герцен, Хомяков, Данилевский, Достоевский, Соловьёв, духовное единство, нравственный универсализм, народничество, европейский универсализм

Для цитирования: Капилупи, С.М. (2025). Духовная форма Европы: идеал единства и диалог с Джузеппе Мадзини в русской интеллектуальной традиции XIX века. *Язык и текст*, 12(4), 100—115. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120409>

The spiritual form of Europe: the ideal of unity and the dialogue with Giuseppe Mazzini in the Russian intellectual tradition of the 19th century

S.M. Capilupi✉

State University of Cassino (UNICAS), Rome, Italy

✉ s_capilupi@yahoo.it

Abstract

The article examines the spiritual concept of Europe in the Russian intellectual tradition of the nineteenth century in comparison with Giuseppe Mazzini's moral universalism and in light of Franco Venturi's historiographical interpretation. Through an analysis of Chaadaev, Khomyakov, Herzen, Danilevsky, Leontiev, Dostoevsky, and Solovyov, it is shown that the question of Europe in Russian thought was understood primarily as an ethical and anthropological problem rather than a political or geopolitical category. Special attention is given to the way Mazzini's idea of *incivilimento* — the understanding of historical development through duty and the moral education of humanity — was reinterpreted in the Russian context along the lines of sobornost', spiritual renewal, and a critique of European rationalism. Venturi's interpretation makes it possible to view the dialogue between Mazzini and Herzen as one of the key points in the formation of early Russian populism and as a reflection of the tension between European universalism and Russian civilizational models. The article argues that Russian thought did not reject Europe, but sought to offer its spiritual redefinition as a space of a "brotherhood of consciences", where diversity becomes a form of unity and critique becomes a source of moral deepening of the European idea.

Keywords: Europe, Mazzini, Franco Venturi, *incivilimento*, Russian philosophy of the 19th century, Chaadaev, Herzen, Khomyakov, Danilevsky, Dostoevsky, Solovyov, spiritual unity, moral universalism, populism, European universalism

For citation: Capilupi, S.M. (2025). The spiritual form of Europe: the ideal of unity and the dialogue with Giuseppe Mazzini in the Russian intellectual tradition of the 19th century. *Language and Text*, 12(4), 100—115. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120409>

Введение. Постановка проблемы: Европа как духовный диагноз П.Я. Чаадаева

Проблематика Европы в русской мысли XIX века формировалась не как реакция на текущие политические обстоятельства, а как компонент внутренней рефлексии над исторической спецификой России. Уже в Философических письмах П.Я. Чаадаева Европа трактуется как целостная духовно-культурная система, основанная на христианской традиции и устойчивой преемственности исторического опыта (Чаадаев 1991, т. 1, с. 322–323). В противоположность этому, по Чаадаеву, Россия характеризуется отсутствием сопряжённости с общеевропейским историческим процессом: «мы стоим как бы вне времени» (Чаадаев 1991, т. 1, с. 323).

Чаадаев связывает эту изоляцию с недостаточным развитием механизмов исторической памяти и институциональной преемственности. Он указывает на нестабильность культурных и социальных оснований, препятствующую последовательному формированию традиции. В результате Россия, по его оценке, оказывается исключённой из динамики европейских культурных процессов (Чаадаев 1991, т. 1, с. 326). Это приводит Чаадаева к выводу о необходимости формирования внутренних условий духовно-исторического развития, сопоставимого с европейским, прежде всего через восстановление религиозного основания, определившего европейскую цивилизационную модель (Чаадаев 1991, т. 1, с. 334–335).

А. Феррари характеризует чаадаевскую постановку вопроса как момент перехода к систематическому обсуждению статуса России в структуре всемирной истории. Согласно Феррари, именно Чаадаев впервые формулирует проблему принадлежности России к универсальному культурно-историческому пространству в категориях духовно-исторического анализа, а не политического выбора (Ferrari 2019, с. XII–XIV). Такая интерпретация коррелирует с современными исследованиями европейской интеллектуальной истории, в которых Европа рассматривается как идентификационная модель, формируемая совокупностью моральных, религиозных и культурных норм (Cigliano 2023, с. 7–25, в Cigliano & Tagliaferri (ред. и сост.), *La Russia e l'Occidente*, 2023; Roccucci 2020, с. 29–65, в Bertì-Focardi-Lomellini (ред. и сост.), *L'Europa dei nazionalisti*, 2020; Varsori 2020, с. 75–87, в Bertì-Focardi-Lomellini (ред. и сост.), *L'Europa dei nazionalisti*, 2020).

Поставленная Чаадаевым проблема определила дальнейшее развитие русской мысли. У Хомякова она получает интерпретацию в виде концепции «соборности», противопоставляемой западному рационализму. У Соловьёва — в виде проекции европейско-русского вопроса в сферу метафизики и религиозно-философского синтеза. Тем самым чаадаевская диагностика становится отправным пунктом последующей дискуссии о духовных и нормативных основаниях цивилизационной идентичности, что впоследствии находит параллели и в мадзиниевском понимании европейского единства как моральной категории.

I. Моральная федерация как точка отсчета: концепция Джузеппе Мадзини и итальянский контекст

Русская мысль, стремившаяся выработать ответ на поставленный Чаадаевым вопрос о духовно-исторической позиции России, неизбежно обращалась к современным ей европейским проектам единства. Среди них особое значение имела концепция Джузеппе Мадзини, сформулированная в рамках движения Giovine Europa («Молодая Европа»), основанного в 1834 году и задуманного как наднациональная структура этико-политического объединения (Mazzini, 1908, Vol. IV, с. 373–375).

В центре мадзиниевского проекта находилась идея морального универсализма, интерпретируемого не как следствие политического расчёта или договорной конструкции, но как выражение провиденциальной необходимости. В программном тексте *La santa Alleanza dei Popoli* Мадзини формулировал принцип, согласно которому единство Европы является функцией единства человечества: «L'Europa sarà una, perché l'umanità è una; e ogni popolo compirà la propria missione nell'armonia delle nazioni» [«Европа станет единой, потому что человечество едино; и каждый народ исполнит свою миссию в гармонии наций»] (Mazzini 1849/1924: EN XXXIX, с. 215).

Такое понимание переносило политическое мышление в этическую плоскость — то, на что указывал Франко Вентури, подчеркивавший, что для Мадзини революция означала прежде всего воспитание народа, формирование совести и ответственности, а не захват власти (Venturi 1952/1972, vol. I, с. 20–21).

Как показывает И.Е. Андронов, основы этого этико-универсалистского подхода присутствовали уже в ранней публицистике Мадзини конца 1820-х годов. По его наблюдению, литературная критика Мадзини «была по сути политической» и служила сферой формирования будущей терминологии его учения, где связь эстетики и гражданской веры играла конститутивную роль (Андронов 2009, с. 308). В этот период Мадзини, дистанцируясь от узости карбонарской традиции, подчёркивал необходимость опоры на широкие массы, их просвещения и воспитания, а также формулировал понятие республики как духовного, а не партийного союза (Андронов 2009, с. 306–307).

В зрелых текстах Мадзини — прежде всего в *La santa Alleanza dei Popoli* и в трактате *Dei doveri dell'uomo* — идея долга занимает ключевое место. Он пишет: «Ogni nazione deve compiere una missione speciale (...) per l'incremento progressivo dell'umanità. Patria ed Umanità sono dovunque egualmente sacre (...). Le nazioni saranno sorelle libere (...) L'Europa dei popoli sarà una» [«Каждая нация должна исполнить свою особую миссию (...) ради прогрессивного развития человечества. Отечество и Человечество повсюду равно священны (...). Народы станут свободными сёстрами (...) Европа народов будет единой] (Mazzini 1849/1924: EN XXXIX, с. 215–216).

В *Dei doveri dell'uomo* эта концепция получает дальнейшее развитие: «La vostra Libertà sarà santa, perché si svilupperà sotto il predominio dell'Idea del Dovere (...) Dove manca il Dovere, muore la Libertà» [«Ваша свобода будет святой, потому что она разовьётся под властью идеи Долга (...) Там, где исчезает долг, умирает свобода] (Mazzini 1860/1935: EN LXIX, с. 96). Таким образом, у Мадзини Европа предстает не как геополитическое образование, а как нравственная федерация, «союз совести», основанный на долге, миссии и ответственности народов. В этом понимании Европа не является результатом политического соглашения, но выражает форму историко-этической интеграции, вырастающей из общего провиденциального замысла (Mazzini 1860/1935: EN LXIX, с. 112–113).

Русские мыслители, вступавшие в контакт с мадзиниевской программой в эмигрантской среде — прежде всего А.И. Герцен и М.А. Бакунин — рассматривали её как альтернативный вариант построения наднационального пространства. Для них Мадзини был примером соединения религиозно-этического универсализма с политическим проектом федерации. Как подчёркивает Андронов, ранняя эволюция мадзиниевского мировоззрения демонстрирует устойчивую связь между эстетическим и гражданским началами и позволяет говорить о духовной природе его универсализма (Андронов 2009, с. 306–314).

Именно вокруг соотношения нравственного универсализма Мадзини с внутренними структурами русской духовной идентичности позднее и развернулась дискуссия середины XIX века, оказавшая значительное влияние на дальнейшее развитие русской философской проблематики Европы.

II. Великий раскол середины века: западники, славянофилы и институционализация изоляции

Спор о Европе, инициированный Чаадаевым и усиленный соприкосновением с мадзинианским идеалом морального универсализма, трансформировался в середине XIX века в структурированное идейное противостояние между западниками и славянофилами. Оно определило основные формы рефлексии о европейской идентичности России и оформило два конкурирующих ответа на вопрос о месте России в европейском культурно-историческом пространстве.

Для западников Европа представляла собой область правовых и политических институтов, обеспечивающих исторический прогресс, свободу и самоуправление. В их трактовке движение России к Европе рассматривалось как необходимое условие дальнейшего развития (см. Грановский 1849/1955, с. XXIX–XXXV).

Тимофей Грановский характеризовал Европу как «школу политической свободы», в которой личность получила возможность отвечать перед законом и моральным порядком (Грановский 1849/1955, с. 491–492). Таким образом, западническая модель единства строилась на правовой норме и рациональной универсальности — экзогенном основании, связывающем общечеловеческое измерение с идеей институционального прогресса.

Иван Васильевич Киреевский утверждал, что западная культура, заменив «живую веру отвлечённым рассудком», утратила внутреннюю цельность (Киреевский 1852/1911, т. 1, с. 241). Алексей Степанович Хомяков, вводя понятие соборности, противопоставлял рационалистическим и юридическим моделям идею Церкви как живого организма, в котором истина и любовь образуют единую онтологическую структуру. Он писал: «Церковь есть живой организм, организм истины и любви, или точнее: истина и любовь как организм» (Хомяков 1900, т. II, с. 22). Хомяков интерпретировал западное христианство как результат рационализирующей тенденции латинской теологии. По его мнению, «струя рационализма породила две противоположные доктрины — католицизм и протестантизм» (Хомяков 1900, т. II, с. 23). Он утверждал, что ошибка Запада заключалась не только в решениях, но и «в самой постановке вопросов» (Хомяков 1900, т. II, с. 24).

Вне конфессиональной плоскости учение Хомякова интерпретировалось как философия народного единства, в которой народ осмыслялся как носитель церковной полноты. В этом смысле соборность предстает моделью социального организма, основанного на свободном согласии и внутреннем духовном единстве, а не на внешнем авторитете или юридической норме. Так формируется славянофильская концепция «церковной Европы» — эндогенная модель единства, противопоставляемая политико-правовым конструкциям Запада.

Полемика западников и славянофилов воспроизводила более широкий европейский конфликт между рационализмом Просвещения и романтической критикой модерна, что подтверждают исследования Роккуччи (Roccucci, *Europa ossia Occidente? Visioni geopolitiche e culturali dei nazionalismi dell'Est europeo nella prima metà dell'Ottocento*, в Berti–Focardi–Lomellini 2020, с. 29–64), а также введение Чильяно (Cigliano, *Introduzione. La Russia, l'Europa, l'Occidente*, в Cigliano–Tagliaferri 2023, с. 7–12), Савино (Savino 2023, с. 49–63) и Дьеца (Diec, *Russian Pan-Slavism and its Concept of Europe*, в Berti–Focardi–Lomellini 2020, с. 113–128) по восточноевропейской интеллектуальной истории. Как подчёркивает Роккуччи, восточноевропейские культуры формировали свою идентичность как ответ на западноевропейские модели, стремясь одновременно к участию в европейской цивилизации

и к сохранению собственной культурно-религиозной специфики (Rossicci 2020). Это делает славянофильскую критику частью общеевропейского спора о нормативных основаниях единства.

На уровне государственной идеологии вопрос о соотношении России и Европы был институционализирован в формуле Сергея Семёновича Уварова «Православие, Самодержавие, Народность», впервые изложенной в начале 1830-х годов и позднее систематизированной в его программных текстах. Как подчёркивает Уваров, «сохранить Православие» — значит уберечь духовную основу, определяющую всю русскую культуру: «Ослабить в народе веру — то же самое, что лишить его крови и вырвать сердце» (Уваров 2014, с. 14).

Самодержавие, по мысли Уварова, представляет собой «главное условие политического существования России», а «русский колосс упирается на Самодержавии, как на краеугольном камне» (там же, с. 14). «Народность» же трактуется не как этнический лозунг, а как культурно-исторический код, включающий уважение к отечественной истории, языку и институтам (там же, с. 15–16).

Эта формула переводила религиозно-философский язык ранних славянофилов в рамки государственной доктрины. Если у Киреевского и Хомякова духовная цельность мыслится как внутренняя категория православного сознания, то у Уварова она получает политическую интерпретацию как необходимое условие единства и стабильности империи. Именно поэтому любое обращение к европейскому опыту — включая его моральные или гражданские идеалы — в николаевскую эпоху легко интерпретировалось как проявление политической нелояльности.

Введённая Уваровым идеологическая схема не только закрепляла дистанцию по отношению к Европе, но и ограничивала возможности открытого интеллектуального диалога внутри страны. В результате мыслители, стремившиеся осмыслить проблему европейской духовной модели — прежде всего Герцен, Бакунин и позднее Данилевский, — вынуждены были разворачивать свои концепции либо в эмиграции, либо в жанре абстрактных историософских построений, избегая прямой полемики с государственным дискурсом. Это институционализированное напряжение между государственной идеологией и философской рефлексией создаёт контекст, в котором дальнейшая эволюция русской мысли — от критики европеизации до формулировки концепции культурно-исторических типов — становится понятной и необходимой.

III. Горизонтальное единство против централизма: Герцен, Бакунин и анархо-федерализм

Поражение европейских революций 1848 года стало критическим рубежом, заставившим русских мыслителей по-новому оценить значение европейского опыта и его возможную связь с российской исторической перспективой. В то время как западники продолжали видеть в Европе модель правового прогресса, а славянофилы — пространство утраченной религиозной цельности, русские эмигранты середины века столкнулись с реальностью глубокого политического и морального кризиса. Александр Герцен и Михаил Бакунин восприняли этот кризис как свидетельство необходимости перехода к иным формам единства — не основанным на государственном централизме, а вырастающим из свободного объединения личностей, общин и инициатив «снизу».

Александр Иванович Герцен впервые систематически выразил эту позицию в книге *С того берега* (1850). Уже в предисловии он характеризовал Европу как пространство «болезненного разложения» и «исторической усталости», отмечая, что западные нации, хотя и «жили великими идеями свободы», «разучились ими дышать» (Герцен 1955, т. 6, с. 15–16, 243). Из этого наблюдения Герцен выводил необходимость «новых форм, идущих снизу, из жизни, а не сверху, из власти» (там же, с. 244).

В *Письмах из Франции и Италии* он дополнил эту мысль социально-исторической критикой западного централизма. Европа, по его наблюдению, превратилась в «пёструю, но мертвящую» конструкцию, где «внизу — народные массы, над ними — вольноотпущенные горожане..., ещё выше — кондотьеры и философы» (Герцен 1955, т. 5, с. 45–47). Герцен видел в таком устройстве признак того, что Европа утратила способность к самообновлению и к формированию подлинного гражданского союза.

В качестве альтернативы он развивал идею «федерации общин» — союза свободных местных коллективов, основанного на самоуправлении, взаимном доверии и нравственной ответственности. Единство в этой модели понимается как горизонтальный порядок, возникающий «из самих людей и их труда», а не как результат административного давления. Центральная идея Герцена состоит в том, что подлинное единство возможно лишь «как сложение свободных сил», а не как навязанная структура (Герцен 1955, т. 6, с. 250–252).

Михаил Александрович Бакунин, двигаясь параллельным путём, радикализировал эту линию, превратив её в концепцию анархо-федерализма. В трактате *Федерализм, социализм и антитеологизм* (1867) он требовал «федерации снизу, союза коммун и народов, основанного на свободе и взаимопомощи, без иерархий и централизма» (Бакунин 1934, т. II, с. 18–23). В выступлениях на заседаниях Лиги мира и свободы (Женева, 1867) он выдвигал лозунг «Соединённые Штаты Европы» как задачу не государственных кабинетов, а «свободных народных союзов», формируемых на принципах равенства, солидарности и самоуправления (Бакунин 1934, т. II, с. 97–101). Европа, по Бакунину, должна быть понята не как совокупность государств, а как процесс общественного освобождения, где единство является эффектом свободной кооперации коммун.

Федерализм Бакунина нёс ярко выраженный антирелигиозный и антиавторитарный характер, но сохранял моральное ядро — идею солидарности, которая в мадзинианской традиции имела теологическое происхождение. Сам Мадзини писал: «Ogni uomo e ogni popolo ha una missione nella vita, un lavoro da compiere nell'intento della Provvidenza divina» («Каждый человек и каждый народ имеет своё призвание в замысле Божественного Провидения»; Mazzini 1836/1932: EN LXI, с. 8). Герцен и Бакунин, напротив, утверждали, что миссия человека вырастает из социальной ответственности, а не из религиозного предназначения. Таким образом, русские радикалы середины века осуществили процесс секуляризации мадзинианского универсализма: они переняли политическую форму (федерацию народов) и этическое содержание (солидарность), но отвергли религиозный фундамент концепции долга.

В целом, модели Герцена и Бакунина представляют собой практический ответ на политическое поражение 1848 года. Они смещали акцент с историософской диагностики на создание новых структур единства, возникающих «снизу». В этих концепциях религиозная категория долга трансформировалась в гражданскую категорию ответственности, что

обозначало переход от теологического универсализма к гуманистическому федерализму, сохранившему при этом присущий русской традиции нравственно-мессианский импульс.

IV. Мадзини, Герцен и раннее народничество в интерпретации Франко Вентури

Для понимания того, как европейский демократический универсализм был воспринят и переосмыслен в русской среде середины XIX века, принципиально важен взгляд Франко Вентури.

В своих исследованиях он подчёркивал, что встреча Мадзини и Герцена в Лондоне представляет собой один из узловых эпизодов интеллектуальной истории Европы: здесь мадзинианская этика долга вступила в соприкосновение с герценовским пониманием личной свободы и социальной ответственности.

Развивая эту линию в фундаментальном труде *Il populismo russo* (Venturi 1952; 1972), Вентури рассматривал Герцена как фигуру перехода от западноевропейского революционного морализма к специфически русской модели общественного обновления. Он определял Герцена как «создателя народничества» (Venturi 1972, vol. I, p. 20), подчёркивая, что именно герценовское переосмысление мадзинианского импульса придало будущему движению особый нравственный характер. Народники восприняли лишь общий этический горизонт двух мыслителей, значительно его расширив и связывая ожидания преобразования общества с идеализацией крестьянской общины как носителя социального будущего (Venturi 1972, vol. I, c. 14).

Такой подход позволил Вентури представить народничество не как локальную реакцию на российские условия, но как одну из радикальных вариаций общеевропейской дискуссии о путях нравственного и социального самоосуществления. В этом контексте диалог Мадзини и Герцена предстает не как эпизод политической биографии, а как столкновение двух моделей универсализма — западной и русской, — каждая из которых стремилась предложить собственное понимание исторической ответственности и человеческого развития.

V. Историчесофские модели контр-Европы и цивилизационный детерминизм (Н.Я. Данилевский)

Именно в этом контексте становится очевидно, что русская мысль второй половины XIX века стремилась не столько продолжить европейские модели универсализма, сколько предложить им культурно-историческую альтернативу. Наиболее систематическую форму эта критика получила в концепции Н.Я. Данилевского, который противопоставил мадзинианскому и герценовскому пониманию европейского единства собственное учение о культурно-исторических типах. Переходя к его позиции, можно увидеть, как дискуссия о Европе смещается из сферы нравственно-политических идеалов в область цивилизационного анализа и исторической типологии.

Его концепция, представленная в труде *Россия и Европа* (1869–1871), исходила из предпосылки, что всемирная история представляет собой не единый прогрессивный процесс, а совокупность отдельных цивилизационных циклов, каждый из которых «живёт своим особым духовным ритмом» (Данилевский 1991, с. 91). На этом основании он заключал, что романо-германский мир вступает в стадию исчерпания, тогда как славянство способно сформировать «новый культурно-исторический тип» (там же, с. 479–480).

Ключевым элементом этой конструкции выступала идея автономии культурных организмов. Данилевский утверждал, что Россия не принадлежит к Европе «ни по происхождению, ни по усыновлению» (там же, с. 54–55), а славянство обладает потенциалом «создать особый мир идей, особую культуру»

(там же, с. 71). Подобная позиция вписывается в более широкий восточноевропейский контекст, описанный Роккуччи (Rossucci, в Berti–Focardi–Lomellini 2020, с. 29–64), Савино (Savino 2023, pp. 49–63) и Дьецем (J. Diez в Berti–Focardi–Lomellini 2020, с. 113–128), которые показывают, что идентичность многих культур региона формировалась не через интеграцию в европейскую модель, а через полемическое самоопределение по отношению к ней.

В другой статье автора уже подчёркивалось методологическое следствие этого подхода: «Данилевский сознательно минимизирует значение внешних влияний, рассматривая их не как источник развития, а как фактор, способный лишь модифицировать уже существующие внутренние тенденции» (Капилупи 2020). Тем самым в его системе влияние и заимствование занимают подчинённое место, что приводит к характерной напряжённости между признанием глобальных процессов модернизации и утверждением замкнутости культурных циклов. Такая позиция делает модель Данилевского уязвимой: «игнорирование реального характера взаимодействий между культурами приводит к завышенной оценке автономии типов» (там же).

Именно из этой методологии вытекал проект славянской федерации, задуманной как альтернативная «контр-Европа». Он предвосхищал идеи цивилизационной многополярности, но одновременно укреплял изоляционизм и мессианскую трактовку славянского пути. Конфликт между типами становился для Данилевского принципиальным: «всякая попытка смешения культур есть болезнь, ведущая к смерти обоих начал» (Данилевский 1991, с. 94). В отличие от Чаадаева или Мадзини, допускавших возможность духовного и морального обновления, его модель подчиняла историческое развитие логике неизбежного цикла и исключала роль свободного выбора.

В итоге религиозно-этический спор о Европе был преобразован Данилевским в морфологическую типологию, где судьба цивилизаций определяется не диалогом, а структурой их внутреннего ритма. Эта концепция стала одной из наиболее влиятельных теорий «контр-Европы» XIX века, закрепив представление о самостоятельности славянского исторического пути и подготовив почву для последующих цивилизационных доктрин.

VI. Эстетика различий: византизм Константина Леонтьева

На фоне цивилизационного детерминизма Данилевского в русской консервативной мысли второй половины XIX века формируется иной тип ответа на европейский универсализм — эстетико-религиозная концепция Константина Николаевича Леонтьева. В работе *Византизм и славянство* (1875) Леонтьев предложил собственную модель культурного сознания, в которой ключевыми категориями становятся форма, иерархия и структурная сложность (Леонтьев 1993).

В отличие от западников, связывавших европейскую историю с развитием прав и институтов, и от славянофилов, видевших в православии органическую простоту народной веры, Леонтьев исходил из эстетического принципа. Он считал, что современная Европа переживает процесс упрощения и нивелирования: «Европа гибнет от уравнительной

страсти...» (с. 111), а сама Россия «гибнет от стремления к простоте» (с. 112). Спасение, по его мнению, возможно только в восстановлении «иерархии, сложности и красоты» (там же).

Под византизмом Леонтьев понимал не конфессиональную традицию, а историко-культурный тип, основанный на развитой иерархии форм. Он писал: «Византизм есть особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки» (с. 5) и представляющая собой «антитезу идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, всесвободы, всесовершенства и вседовольства» (с. 6). Эта антитеза была направлена как против либерально-демократического универсализма Европы, так и против романтизированного народного единства, характерного для славянофилов.

Историческая роль византизма, по Леонтьеву, заключалась в формировании русской государственности через соединение власти, религиозной дисциплины и художественной формы: «Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь... дали нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией» (с. 22–23). Эта интерпретация представляла византизм как комплексный цивилизационный тип, обеспечивающий устойчивость и внутреннюю структурированность культуры. Леонтьевская модель вводит в дискуссию о Европе ключевое отличие: единство рассматривается не как моральная категория (как у Дж. Мадзини), не как социально-политическая форма (как у Герцена и Бакунина), и не как цивилизационная закономерность (как у Данилевского), а как эстетическая форма.

В этом смысле византизм выступает альтернативой мадзинианскому идеалу равенства и братства: горизонтальное единство народов заменяется вертикальной организацией форм, а моральный долг — принципом художественной сложности. Такое смещение позволяет Леонтьеву критически переосмыслить как западный, так и русский пути. Он отвергает равнительные тенденции европейского модерна, но одновременно критикует славянофилов за идеализацию «сердечной простоты» и ожидание естественной гармонии. В результате византизм выступает как культурная стратегия, направленная на сохранение различий и противостоящая процессам нивелирования, характерным для европейского Просвещения и демократической идеологии XIX века.

Эстетизация политической проблематики позволяет Леонтьеву предложить специфическую альтернативу европейскому универсализму: если в мадзинианской модели единство строится на нравственной солидарности, то для Леонтьева оно возможно только в условиях сложной иерархической формы. Его позиция вписывается в более широкий восточноевропейский контекст, описанный Роккуччи (Roccucci, в Francesco Berti, Filippo Focardi, Valentine Lomellini 2020, с. 29–65), Савино (Savino 2023, с. 67–89) и Дьецем (Joachim Diez в Francesco Berti, Filippo Focardi e Valentine Lomellini 2020, с. 113–127), которые рассматривают византизм как один из наиболее последовательных проектов культурного антиэгалитаризма в России XIX века.

VII. Завершение диалога: от иронии Достоевского к эсхатологии Соловьёва

К концу XIX века русская интеллектуальная традиция постепенно осознала ограниченность политико-исторических проектов единства и обратилась к этико-религиозным формам интерпретации европейского опыта. В этой перспективе фигуры Фёдора Михайловича Достоевского и Владимира Сергеевича Соловьёва задают две

взаимосвязанные, но существенно различающиеся траектории осмысления Европы — ироническую и эсхатологическую.

VII.I. Ирония и ответственность: позиция Достоевского

Для Достоевского Европа — не внешний политический блок и не антагонист России, а пространство духовной памяти, трагического опыта и метафизического поиска. Именно поэтому его знаменитое высказывание о Европе как «*дорогом кладбище*» (ПСС, т. 14, с. 64–65) выражает не отрицание, а напряжённое уважение к её исторической роли: кладбище — это место памяти, глубины, не подлежащей поверхностной идеализации.

Ирония Достоевского направлена не против Европы, а против русского максимализма, склонного превращать любую европейскую гипотезу в немедленную аксиому. Он отмечал: «что там гипотеза, то у русского мальчика тотчас же аксиома... и профессора русские весьма часто... те же русские мальчишки» (ПСС, т. 14, с. 65).

Это наблюдение — одна из самых точных диагностик русской модернизации. Европейская идея, не пройдя через внутренний труд ответственности, превращается в догмат, обретает характер лозунга или формального подражания. Поэтому критика Достоевского — одновременно защита Европы и защита России от некритического европеизма.

В итоге, Достоевский вводит в дискуссию о европейском единстве категорию, глубоко родственную мадзинианской: личная и национальная ответственность. Если для Мадзини единство возможно как братство свободных народов, то для Достоевского оно становится плодом способности личности отвечать за истину и за собственную позицию. Европа превращается для него в «школу ответственности», а не в догматический ориентир. Ирония, таким образом, очищает диалог от иллюзий, не разрушая его.

VII.II. Эсхатологический синтез: мысль Соловьёва

Философское завершение русской дискуссии о Европе принадлежит Владимиру Соловьёву, который переносит идею единства из сферы политических проектов в эсхатологическую структуру истории. В работах *Оправдание добра* и *Чтения о Богочеловечестве* Соловьёв последовательно подчёркивал, что исторические формы объединения неизбежно ограничены и что истинное единство человечества является духовной реальностью, раскрывающейся лишь в перспективе конечного смысла истории (Соловьёв 1989).

Согласно Соловьёву, каждый народ обладает уникальным даром, который должен быть принесён «перед лицом всеобщего суда» — не в духе политического соперничества, а как вклад в универсальное движение совести. В *Оправдании добра* он формулирует эту мысль предельно ясно: «Каждый народ... имеет свой особенный дар, но истинное значение его открывается лишь в свете общего дела» (Соловьёв 2012, с. 263–264).

Тем самым он утверждает горизонт, в котором различия народов не исчезают, но получают высший смысл внутри всеединства. В отличие от Данилевского, для которого культурно-исторические типы замкнуты, Соловьёв понимает различие как элемент общей эсхатологической динамики, а не как основание цивилизационной изоляции.

Подобно Мадзини, Соловьёв связывает единство с долгом и братством, но радикально преобразует эти категории, переводя их в трансцендентный контекст. Европа в его системе

перестает быть объектом имитации или отрицания: она становится необходимым участником эсхатологического призвания человечества, носителем уникального духовного опыта, который должен быть сохранён и включён в универсальное движение истории.

Как показано в современной литературе (Капилупи 2020, с. 559–560), «русская идея» у Соловьёва не совпадает с проектами гегемонии или культурной замкнутости, а предстает как участие в общем деле спасения, где различия народов включаются в динамику духовного синтеза.

VII. III. Финал дискуссии: от политики к метафизике ответственности

Завершение русской полемики XIX века фиксирует переход от политических моделей единства к духовно-метафизическому синтезу. Европа перестает выступать пространством цивилизационного соперничества и становится: источником нравственного опыта (Достоевский) и элементом универсальной эсхатологической истории (Соловьёв). Таким образом, русская мысль не отвергает Европу, но переводит её в более глубокий контекст — общечеловеческой ответственности перед истиной.

VIII. *Incivilimento* и формы реакции: сравнительная европейская перспектива

К обсуждению единства и миссии Европы, которое велось русской мыслью XIX века, органично примыкает категория *incivilimento* — понятие цивилизационного развития и духовного облагораживания общества, занимавшее центральное место в европейских интеллектуальных дебатах того времени. В сборнике под редакцией Д. Джуринтано она определяется как ключевая рамка обсуждения морального и социального обновления в Италии, Германии и Англии (Giurintano 2025, с. 7–8). Именно в контексте *incivilimento* многие европейские мыслители рассматривали кризис модернизации, опасность утраты духовного содержания цивилизации и необходимость гармонизации свободы и ответственности. Эта проблематика параллельна тревогам русских философов о судьбе Европы и о путях её внутреннего единства.

Одним из направлений общеевропейского поиска стала критика политического централизма и индивидуализма. В русской традиции эту позицию представляли Герцен и Бакунин, которые видели альтернативу в федерализме общин, солидарности и самоуправления (Герцен, 1956; Бакунин, 1867). Подобные идеи развивал и британский мыслитель Роберт Оуэн, чьи проекты строились на связке *Education* и *Equality*, предполагающей воспитание равенства и общественного блага. Как показано в исследовании Фальки, Оуэн стремился к построению рационального общества, где *felicità comune* понималась как результат морального совершенствования личности и коллектива (Falchi, в Giurintano, 2025, с. 111–119). В этом отношении его идеи сближаются с мадзинианским пониманием цивилизационного развития как этического универсализма, основанного на служении общему делу (Falchi, в Giurintano, 2025).

Другим направлением дискуссии стала критика юридического формализма и рационализма модерна. В России её выражали славянофилы, противопоставлявшие «отвлечённому разуму» Европы первенство духовной цели и органичности (Киреевский, 1852; Хомяков, 1900). Параллельные идеи развивал в Италии Антонио Росмини, который трактовал *incivilimento* как выражение христианского воспитания человека. Росмини предупреждал, что либеральный формализм, сводящий жизнь к правовым отношениям,

может породить «новое варварство», если исчезает внутреннее чувство человечности (Muscolino, в Giurintano, 2025, с. 174–177). Таким образом, и для славянофилов, и для Росмини цивилизация лишена смысла без метафизического основания, а единство невозможно без духовной формы.

Параллельные процессы происходили и в Германии, где католическая партия Zentrum выступала против Kulturkampf, защищая религиозную идентичность и утверждая участие верующих в демократических институтах как форму духовного самоутверждения. Исследование Криенке показывает, что эта позиция представляла собой политическую реализацию *incivilimento*, в которой вера соединялась с социальной реформой и парламентскими механизмами (Krienke, в Giurintano, 2025, с. 56–73). Таким образом, борьба за идентичность становилась частью общеевропейского движения по поиску гармонии между верой, правом и свободой.

Особое место в этой панораме занимает мадзинианская трактовка *incivilimento* как морального становления человечества. Джузеппе Мадзини рассматривал цивилизацию как воспитание совести в духе долга и служения, а не как накопление знаний или институциональных норм. Демократический порядок в его понимании представляет собой прежде всего моральный порядок, основанный на ответственности и взаимном долге. *Incivilimento* у Мадзини — это задача нравственного восхождения народа, а не достигнутая стадия прогресса. Как отмечал Франко Вентури, для Мадзини и Герцена революция означала не столько политическое действие, сколько процесс нравственного воспитания народа — *azione morale*, направленную на формирование ответственности и гражданской зрелости (Venturi 1952/1972, vol. I, с. 20).

В этой оптике *incivilimento* становится мостом между Мадзини, Герценом и Соловьёвым: для всех трёх мыслителей цивилизация предстает как школа совести, а Европа — как пространство духовного воспитания человека. В этих трактовках проявляется то, что можно назвать понятием «духовной Европы», где различия народов не устраняются, а включаются в общую динамику ответственности и нравственного роста. Такой подход позволяет рассматривать *incivilimento* не как внешнее следствие прогресса, а как внутренний процесс формирования человеческой зрелости.

Европейская идея *incivilimento*, интерпретированная Мадзини как нравственное призвание народов и связанная в русской мысли с педагогикой Герцена и гражданским гуманизмом Соловьёва, раскрывает глубинную эволюцию представления о единстве. Европа перестает быть географической или политической конструкцией и переходит в сферу этико-антропологического опыта, где цивилизация равнозначна воспитанию долга и ответственности перед человечеством. Именно здесь формируется тот вопрос о «единстве без тождественности», который подготавливает переход к заключению и выявляет общую направленность русско-европейского диалога XIX столетия.

Заключение. Единство без тождественности: актуальность русской дискуссии

Русская мысль XIX века, вступив в диалог с европейскими проектами единства и прежде всего с мадзинианской этикой долга, выработала широкий спектр собственных моделей — от критического метафизического анализа Чаадаева и церковной соборности Хомякова до федералистских проектов Герцена и Бакунина, цивилизационной типологии Данилевского и эстетико-религиозной концепции Леонтьева. В этом многообразии отражается не

подражание Западу, а глубокая внутренняя работа по переосмыслению европейских категорий в рамках собственных духовных координат. Европа выступала для русских мыслителей не политическим ориентиром, а пространством нормативного вопроса: что составляет подлинные основания человеческого единства?

Поставленный Чаадаевым вопрос о возможности соединения России с Европой не через политическое устройство, а через духовную память, был далее трансформирован Мадзини в понимание единства как нравственного братства, а у Достоевского и Соловьёва — как формы личной и общечеловеческой ответственности. Все эти концепции, несмотря на различие перспектив, исходили из одного принципа: единство не тождественно унификации, а предполагает сохранение различий при признании общей духовной меры. Эта мысль усиливается в свете более широкого европейского обсуждения *incivilimento*, где цивилизационное развитие понимается как воспитание совести и ответственность перед обществом (Giurintano 2025).

Включение русских позиций в этот контекст показывает, что философские споры XIX века были частью общеевропейского поиска гармонии между свободой, долгом и культурной идентичностью. В этом сравнительном спектре особенно ясно проявляется центральная формула русской традиции: возможна ли форма единства, не сводящая различия к тождественности? Мадзини видел её в солидарности народов, Герцен — в федерализме свободных общин, Достоевский — в личной ответственности, Соловьёв — в эсхатологическом синтезе, где каждый народ раскрывает свой дар перед истиной.

Различия моделей не отменяют общей цели: выработать такое понимание единства, в котором духовная индивидуальность народов сохраняется, а не устраняется. Именно эта задача объединяет русскую и европейскую мысль XIX века, несмотря на их разность.

В современном контексте, где вновь остро встаёт вопрос о возможности диалога между культурно различными обществами, опыт этой дискуссии не утратил значимости. Он показывает, что устойчивые формы взаимопонимания не могут строиться на политических или экономических расчётах, но требуют возвращения к этическому универсализму — к той образовательной, нравственной и религиозной традиции, которая связывала Мадзини, Герцена, Достоевского и Соловьёва. Единство, которое они мыслили, не стремится к тождественности, а предполагает способность видеть в различии форму соучастия в общем благе. В этом смысле духовная Европа, к которой обращались русские мыслители XIX столетия, остаётся не свершившимся фактом, а нормативным горизонтом, открытым для новых попыток диалога и взаимной ответственности.

Список источников / References

1. Андронов, И.Е. (2009). *Мадзини: молодые годы*. Санкт-Петербург: Алетейя.
Andronov, I.E. (2009). *Mazzini: Young years*. Saint Petersburg: Aleteya. (In Russ.).
2. Бакунин, М.А. (1934). *Полное собрание сочинений: В 2 т. Т. I–II*. Москва: Государственное издательство.
Bakunin, M.A. (1934). *Complete works: In 2 vols. Vol. I–II*. Moscow: State Publishing House. (In Russ.).
3. Герцен, А.И. (1954–1965). *Собрание сочинений: В 30 т.* Москва: Издательство Академии наук СССР.

Капилупи С.М. (2025)
Духовная форма Европы: идеал единства и диалог с
Джузеппе Мадзини в русской интеллектуальной традиции
XIX века
Язык и текст, 12(4), 100—115.

Capilupi S.M. (2025)
The spiritual form of Europe: the ideal of unity and
the dialogue with Giuseppe Mazzini in the Russian
intellectual tradition of the 19th century
Language and Text, 12(4), 100—115.

Herzen, A.I. (1954–1965). *Collected works: In 30 vols.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

4. Грановский, Т.Н. (1955). *Избранные сочинения* / Под общ. ред. С.А. Асиновской, А.И. Неусыхина, Л.В. Черепнина; Вступ. ст. А.И. Неусыхина; Комментар. В.Н. Захарова. Москва: Издательство Академии наук СССР.

Granovsky, T. N. (1955). *Selected works.* (S.A. Asinovskaya, A.I. Neusykhin, L.V. Cherepnin, Eds.; A.I. Neusykhin, Intro.; V.N. Zakharov, Comm.). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

5. Данилевский, Н.Я. (1991). *Россия и Европа*. Москва: Книга (переизд. по 1-му изд. 1871 г.).

Danilevsky, N.Ya. (1991). *Russia and Europe*. Moscow: Kniga (reprint of 1st ed. 1871). (In Russ.).

6. Достоевский, Ф.М. (1976). *Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14: Братья Карамазовы*. Ленинград: Наука.

Dostoevsky, F.M. (1976). *Complete works: In 30 vols. Vol. 14: The Brothers Karamazov*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

7. Капилупи, С.М. (2020). Н.Я. Данилевский о роли влияний в становлении культурно-исторических типов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 36(3), 553–563. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.312>

Capilupi, S.M. (2020). N.Ya. Danilevsky on the role of influences in the formation of cultural-historical types. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 36(3), 553–563. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.312>

8. Киреевский, И.В. (1852/1911). *Полное собрание сочинений: В 2 т.* Москва: Типо-литография И.Н. Кушнерёва.

Kireevsky, I.V. (1852/1911). *Complete works: In 2 vols.* Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva. (In Russ.).

9. Леонтьев, К.Н. (1993). *Византизм и славянство (первое изд. 1875)*. Москва: Республика.

Leontiev, K.N. (1993). *Byzantinism and Slavdom (1st ed. 1875)*. Moscow: Respublika. (In Russ.).

10. Соловьёв, В.С. (2012). *Оправдание добра*. Отв. ред. О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации; Алгоритм.

Solovyov, V.S. (2012). *The justification of the good.* (O.A. Platonov, Ed.). Moscow: Institute of Russian Civilization; Algoritm. (In Russ.).

11. Соловьёв, В.С. (1989). *Сочинения в двух томах. Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика*. Москва: Мысль.

Solovyov, V.S. (1989). *Works in two volumes. Vol. 2: Readings on God-manhood. Philosophical journalism.* Moscow: Mysl. (In Russ.).

12. Уваров, С.С. (2014). *Государственные основы*. Москва: Институт русской цивилизации.

Капилупи С.М. (2025)
Духовная форма Европы: идеал единства и диалог с
Джузеппе Мадзини в русской интеллектуальной традиции
XIX века
Язык и текст, 12(4), 100—115.

Capilupi S.M. (2025)
The spiritual form of Europe: the ideal of unity and
the dialogue with Giuseppe Mazzini in the Russian
intellectual tradition of the 19th century
Language and Text, 12(4), 100—115.

Uvarov, S.S. (2014). *State foundations*. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russ.).

13. Хомяков, А.С. (1900). *Полное собрание сочинений: В 2 т.* Москва: Типо-литография И.Н. Кушнерёва.

Khomyakov, A.S. (1900). *Complete works: In 2 vols.* Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva. (In Russ.).

14. Чаадаев, П.Я. (1991). *Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1.* М.: Наука.

Chaadaev, P.Ya. (1991). *Complete works and selected letters: In 2 vols. Vol. 1.* Moscow: Nauka. (In Russ.).

15. Berti, F., Focardi, F., Lomellini, V. (a cura di, 2020). *L'Europa dei nazionalisti. Prospettive storiche*. Milano: FrancoAngeli.

16. Cigliano, G., Tagliaferri, T. (a cura di, 2023). *La Russia e l'Occidente. Atti della Giornata di studio – Napoli, 9 giugno 2022*. Napoli: Federico II Press.

17. Giurintano, C. (a cura di, 2025). *Educare alla democrazia II: Democrazia e “incivilimento”: figure e questioni del dibattito politico e istituzionale tra XIX e XXI secolo*. Napoli: Editoriale Scientifica.

18. Mazzini, G. (1906–1943). *Scritti editi ed inediti di Giuseppe Mazzini. Edizione Nazionale. In 100 vols.* Imola: Cooperativa Tipografico-Editrice Paolo Galeati.

19. Savino, G. (2023). Gli studi sul nazionalismo russo, 1992–2022. *Ricerche di Storia Politica*, XXVI(1), 49–63.

20. Venturi, F. (1952/1972). *Il populismo russo*. Torino: Giulio Einaudi Editore.

Информация об авторе

Стефано Мария Капилупи, кандидат философских наук, PhD филологических наук, доцент, Государственный университет г. Кассино (UNICAS), Рим, Италия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Information about the author

Stefano Maria Capilupi, Candidate of Science (Philosophy), PhD of Science (Philology), Associate Professor, State University of Cassino (UNICAS), Rome, Italy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Поступила в редакцию 26.10.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.10.26
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.12.05

Чудеса десницы Иоанна Предтечи в древнерусской книжности

А.Н. Коваленко✉, И.А. Шилова

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация

✉ kovalenko@gpntsib.ru

Резюме

В статье рассматривается специфика бытования в древнерусских рукописях памяти на собор Иоанна Крестителя, в которой рассказывается о чудесах, связанных с его десницей: победе над змеем, предсказании погоды и принесении этих мощей в Константинополь. Данный текст основан на византийской проповеди Феодора Дафнопата (X в.), высокопоставленного чиновника эпохи императоров Романа и Константина Багрянородных. Эта память читается в древнерусских Прологах 7 января и представлена тремя редакциями, среди которых особенно примечательна версия, встречающаяся в Прологе пространной редакции. В этой редакции, выделенной авторами статьи впервые, змея убивает не отец, а дочь, предназначенная в жертву, а десницу в Константинополь привозит диакон Иоанн, не Иов. Данная редакция, вероятно, была создана на славянской почве. Также высказывается предположение, что в рассматриваемой памяти актуализируется народное восприятие святости как особой силы в отрыве от ее политической значимости. Перечисленные чудеса по своему характеру близки обыденному восприятию святости как особой силы, что в свою очередь далеко от евангельского образа Иоанна Крестителя как аскета и проповедника покаяния. В то же время Проложное сокращение Слова Феодора Дафнопата сглаживает те аспекты оригинала, которые могут выглядеть этически неоднозначными.

Ключевые слова: Пролог, десница Иоанна Предтечи, древнерусская литература, гомилия, Феодор Дафнопат

Финансирование. Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект № 122040600049-8 «Депозитарий книжных памятников Сибири и Дальнего Востока: выявление, система цифрового хранения и организации доступа для исследования».

Для цитирования: Коваленко, А.Н., Шилова, И.А. (2025). Чудеса десницы Иоанна Предтечи в древнерусской книжности. *Язык и текст*, 12(4), 116—126.
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120410>

The miracles of the right hand of John the Baptist in old Russian literature

A.N. Kovalenko✉, I.A. Shilova

The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

✉ kovalenko@gpntbsib.ru

Abstract

This article examines the specifics of the commemoration of the Synaxis of John the Baptist in ancient Russian manuscripts, which recounts miracles associated with his right hand: defeating a serpent, predicting the weather, and the bringing of his relics to Constantinople. This commemoration is based on a Byzantine sermon by Theodore Daphnopates (10th century), a high-ranking official during the reign of the emperors Romanos and Constantine Porphyrogenitus. This commemoration was actively copied into Old Russian Prologues and has been preserved in three versions, among which the version found in the Prologue of the Extended Version is particularly noteworthy. In this version, highlighted by the authors of this article for the first time, the serpent is killed not by the father, but by the daughter intended for sacrifice, and the right hand is brought to Constantinople by Deacon John, not Job. This version likely originated in Slavic culture. It has also been suggested that the commemoration in question reaffirms the popular perception of holiness as a source of special power, divorced from its political significance. The miracles listed are close in nature to the everyday perception of holiness as a special power, which in turn is far removed from the Gospel image of John the Baptist as an ascetic and preacher of repentance. At the same time, the Prologue abridgement of Theodore Daphnopates's Sermon smooths over aspects of the original that might appear ethically ambiguous.

Keywords: Prologue, the right hand of John the Baptist, old Russian literature, homilies, Theodore Daphnopates

Funding. This article was prepared according to the research plan of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 122040600049-8 "Depository of Book Monuments of Siberia and the Far East: Identification, Digital Storage System, and Organization of Access for Research".

For citation: Kovalenko, A.N., Shilova, I.A. (2025). The miracles of the right hand of John the Baptist in old Russian literature. *Language and Text*, 12(4), 116—126. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120410>

В древнерусских сборниках встречается несколько произведений, посвященных Иоанну Предтече: как похвальные слова в его честь, так и рассказы о его зачатии, убиении, усекновении, обретению его главы и другие (Творогов, 1987). Среди них устойчивое место занимает текст, посвященный «перенесению десницы Крестителя», наиболее распространенный в Прологах под 7 января, то есть в день празднования «Собора честного

Крестителя Иоанна» (Начало: «Чьстнаго и святаго предътеча празднуим сборъ...»)¹. Он восходит к греческому тексту и появляется уже в самых ранних списках Пролога (Софийском (РНБ, Софийское собрание, № 1324, лл. 117 об. – 119), «Лобковском» 1262 или 1282 г. (ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 187) и Псковском 1313 г. (РГАДА, собр. Синодальной типографии, № 156).

В качестве материалов исследования выбраны рукописные сборники XII-XIX вв., в которых встречается данная память.

Греческий оригинал текста

Память на Собор Иоанна Предтечи интересна тем, что это сокращенный вариант византийского «Памятного слова на перенесение из Антиохии досточтимой и честной руки святого славного пророка и крестителя Иоанна» X века, автором которого является магистр Феодор Дафнопат, епарх Константинополя в 940-960-е гг. Оригинальное Слово посвящено чудесам, связанным с десницей Иоанна Крестителя. В начале автор рассказывает, как апостол Лука перенес из Севастии в Антиохию десницу Предтечи, чтобы почтить свое отечество великой святыней. Во времена Юлиана Отступника мощи Иоанна хотели сжечь, но правую руку спрятали в колонне. Спустя какое-то время жители Антиохии стали поклоняться *великому* и *страшному* змею, принося ему в жертву непорочную девицу раз в год. Однажды в качестве жертвы была избрана дочь некоего христианина, который со слезами молил Христа Бога и Его крестителя избавить дочь от горькой смерти. Придя к храму, где хранилась десница, отец хитростью отвлек ключаря, рассыпав золото, и тайно откусил от руки часть пальца. На следующее утро во время жертвоприношения христианин бросил в пасть змея святые мощи, отчего последний умер, а все жители Антиохии обратились к исповеданию христианства. Также в праздник Воздвижения Креста десница являла следующее чудо: если пальцы на ней разгибались, то следующий год был плодородным, а если пальцы сгибались, то это означало неурожай. Многие православные правители хотели, чтобы эта святыня хранилась у них, и несколько веков спустя, в правление Константина и Романа Багрянородных, Антиохийский диакон по имени Иов решил передать десницу в Константинополь. В один день Иов устроил праздничный обед, на котором он напоил хранителя руки Предтечи, после чего украл десницу из храма и отправился в Константинополь. Прибытие десницы совершилось в навечерие Богоявления и в честь этого события 7 января была установлена память Иоанна Крестителя².

Речь Феодора Дафнопата, по мнению В.В. Латышева, была сокращена и попала в византийские синаксари не позднее XII века (Латышев, 1910, с. LXXI). В данном варианте подробно пересказывается только чудо со змеем и разгибанием пальцев, а само перенесение упоминается без подробностей – в таком виде текст о чудесах десницы Иоанна Предтечи попал и в славянские Прологи.

¹ Здесь и далее рукописные тексты цитируются в упрощенной орфографии по принципам, принятым в Трудах Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; пунктуация – по современным правилам (Дмитриева, 1995, с. 495).

² Данную речь Феодора Дафнопата можно прочитать в переводе на русский язык в работе В.В. Латышева (Латышев, 1910).

Славянские редакции памяти Иоанна Предтечи

Греческая история речи Феодора Дафнопата, а также общие черты бытования проложной версии в славянской традиции была описана В.В. Латышевым (Латышев, 1910). О ранней славянской книжности также писала Кл. Иванова, выделив две стилистических редакции текста на основании четырех древнейших славянских списков (Иванова, 2003). Ю.В. Устинова предполагает, что сказание о чудесах десницы Предтечи стало особенно актуальным в XVI в. одновременно с распространением сказания о перенесении перста от десницы из Константинополя в Киев (Устинова, 2018, с. 274), текст которого был опубликован Н.К. Никольским (Никольский Н.К., 1907, с. 56-57). В настоящее время на хранение десницы претендует Цетинский монастырь, Черногория (Артюхова, Королев, 2011), и кафедральный собор Сиены, Франция, где мощи хранятся в реликварии с записью архиепископа Саввы Сербского (Porović, 2017).

В Прологе данная память встречается как минимум в трех редакциях.

В славянском Синаксаре, краткой и т. н. «третьей» редакции Простого Пролога читается текст, восходящий к греческому оригиналу, повествующий о том, как отец спасает дочь и бросает палец в пасть змея: «приступи отецъ отроковицю вода и близ змия бывъ, понеже видевъ святаго Иоана пръсты посреде ввергъ гъртани, вверьжениемъ того обие смърть ему нанесе...» (Славяно-русский Пролог, 2010, с. 590).

В этой версии текст имеет заголовок «Сборъ святаго славнаго отца и пророка крестителя Иоанна, постиже же и инъ праздникъ всечъстныя его и всеславныя его десныя руки, пренесение в царьскый град» (Начало: «Чъстнаго и святаго предътеча празднуимъ сборъ испръва и выше предании...» (Соф. 1324, л. 117)³. Здесь также сообщается, что во время правления императоров Константина и Романа Багрянородных десница Иоанна Крестителя была спасена и положена в «церковь» / «царствующий град» диаконом Иовом (имеется в виду перенос реликвии из Антиохии в Константинополь в первой половине X в.).

В Стишном Прологе, который, как известно, появился на Руси не ранее последней четверти XIV в., читается краткое сказание под заголовком «Съборъ честнаго пророка и предтечи и крестителя Иоанна, стечежеса и инъ праздникъ въсечестная руки его къ царствующему граду прихождение» (Начало: «Въ граде Севастии, идеже глаголется погребену быти...») со стихом «Кои ты языкъ, проповедниче, како похвалить, его же языкъ Христовъ от земленородных болшаа нарече, память въ 7 предтечевым случися чюдесем» (Егор. 214, л. 306 об. – 307). Именно этот текст попадает в первое и последующие издания Пролога (Москва, Печатный двор, 1641 г. и др.).

Текст этой редакции восходит к иному греческому протографу и сильно отличается от представленного в краткой редакции Простого Пролога. Однако сюжет и отдельные детали сходны: именно отец девицы умертвляет змея – «прииде отецъ отроковицю ведыи, и бывшима близъ змия и уже видевъ его зиающе, и пожрание чающе, еже поглотити, священнаго онога пръста членокъ ввръгъ въ сердце гортаня его, и его въшествию вънезапу съмърть нанъ нападе и умрет» (Егор. 214, л. 307). Заметим, что здесь речь идет о «краже» не целого пальца, а его части «членокъ пръста» (чланекъ – «часть» (Срезневский, 1912, стлб. 1534)). Интересно, что в более поздней версии этой памяти свт. Димитрия Ростовского в

³ В одном из списков т.н. «третьей» редакции заголовок статьи соответствует пространной редакции, хотя сам текст совпадает с краткой: «Соборъ святаго великаго пророка и крестителя Иоанна празднуемъ принесение честныя руки» (ГПНТБ СО РАН, собр. М. Н. Тихомирова, № 561, л. 157 об.).

гортань змею отец девицы бросает «сустав священного перста Крестителя» (Димитрий Ростовский, 1764, л. 282 об.).

Кроме того, в редакции Стишного Пролога именно Иов, диакон Антиохийской церкви, переносит реликвию в Константинополь, причем в последней фразе сообщается, что собор, то есть память Иоанна Крестителя, совершается в «Форакии»: «Вън же освящение водам обычаи съврѣшити христианом предасть, ея же христороубвыи царие с любовию целовевше въ церквах положиша. Съврѣшает же ся съборъ его въ Форакии» (Егор. 214, л. 307). А. В. Ремезов отмечает, что в настоящее время топоним Форакия неизвестен и предполагает, что это квартал в Константинополе под названием Сфоракион или Сфоракий, располагавшийся недалеко от великой Софии (Ремезов, 2025, с. 71-72).

Наибольший интерес представляет третий вариант текста, который обнаруживается в списках пространной редакции Пролога, где палец в пасть змея бросает не отец, а девица, приносимая в жертву: «приступивъ отецъ свою вода дщерь, и близъ змия быв, понеже видя змия того жрътвы желающе, пусти отецъ девицу имущи персть, еже взят от руки святого Иоанна, и та въверже въ уста змию персть святого Иоанна, и ту мертвъ бысть змии...» (Егор, 21, л. 256). Текст здесь имеет более краткий заголовок, чем в краткой редакции: «Сборъ святого великаго пророка и предтечи Иоанна Крестителя празднуем и пренесеныя честныя руки» (Начало: «Честнаго предтеча празднуим сборъ исперва выше предания...» (Егор. 21, л. 255 об. – 256 об.)). Вариант сказания в пространной редакции имеет несколько существенных отличий: десницу Иоанна Крестителя переносит в Константинополь диакон Иоанн, а не Иов, как в краткой редакции и Стишном Прологе; завершается рассказ словами о том, как «царь», обლობызав святыню, кладет ее в «златых полатах», а не в некую «церковь», как в других редакциях. Выявленные разночтения позволяют предположить, что представленная в списках Пролога пространной редакции версия рассказа о чудесах от десницы Иоанна Крестителя появилась уже на русской почве.

Также в истории славянских переводов заслуживает внимания сборник, введенный в научный оборот А. И. Никольским, который в 1907 г. опубликовал два новгородских чудеса, связанных с храмом Иоанна Предтече, по рукописи № 3831 из архива святейшего Синода (Никольский А.И., 1907; 1910). По своему составу рукопись конца XVII века является сборником, в котором представлен весь комплекс текстов, связанных с Крестителем⁴: похвальное слово Иоанна Златоуста, статьи о зачатии Предтечи, о рождестве, о проповеди, обличении Ирода, усекновении главы и др. Повесть о деснице приводится в ряду текстов, посвященных посмертным чудесам между чудом о священнике, у которого усохла рука за неверие, и помощью Предтечи иерею Конону, который соблазнялся при крещении. В данном сборнике, насколько можно судить по доступным фрагментам, проложный текст как минимум стилистически отредактирован⁵.

В конце XVII века Слово Феодора Дафнопата было вновь переведено на церковнославянский Димитрием Ростовским с пометой «от книг Метафраста изытое». В.В. Латышев утверждает, что ссылка неверна и перевод был выполнен с латинского языка или с издания Алоизия Липомана (XVI в.), или Лаврентия Сурия (XVI в.). Рассказ Димитрия

⁴ Под общим заглавием: «Сказание о зачатии рождестве и о житии, купно же и о проповеди и о усекновении и о обретении главы и о преславных чудесах святого славного пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна избрано от святого Евангелия и от Златоустовых словес и от прочих божественных писаний».

⁵ К исследованию данного текста мы планируем обратиться в следующей статье.

Ростовского впоследствии также переписывался, например, его можно встретить в Торжественнике из собрания Уральского федерального университета (УрФУ IX-46p/741), в одном сборнике со словами Кирилла Туровского. В версии Дмитрия Ростовского повесть окончательно закрепились, переводится на русский язык и издается до сих пор. Стоит отметить, что рассказ про спасение от змея, который сам Феодор Дафнопат передает как сомнительную историю, повторяющую сюжет спасения Андромеды, которую он услышал от кого-то из жителей Антиохии, в переводе Дмитрия Ростовского приводится без всяких оговорок (Димитрий Ростовский, 1764, л. 282 об.).

Сюжетная специфика чудес десницы Иоанна Крестителя

Правая рука святого становится такой значимой благодаря богословскому парадоксу: Творца вселенной крестит Его создание, этой рукой к голове Спасителя прикасается тот, кто сам требует спасения. Такая антитеза занимает значительное место в литургических памятниках богоявленского цикла⁶. Десница, крестившая Господа, в средние века становится особенно важной святыней, которая, по некоторым сообщениям, использовалась в чине поставления императоров (Путешествие, 1872, стлб. 87-88). Значение десницы как предмета силы особенно подчеркивается в Каноне руке Иоанна Предтечи, который был написан Феодором Дафнопатом вскоре после ее перенесения. Примечательно, что в каноне нет ни слова о чудесах из его речи: ни о спасении от змея, ни о предсказании погоды – только восхваление Предтечи и пользы его руки для православных царей⁷.

Исследователи неоднократно подчеркивали политический аспект почитания десницы на Руси. С легитимизацией царской власти Московской Руси связывает иконографическое распространение данного сюжета в XVI веке Ю.В. Устинова (Устинова, 2018; 2022), о политическом значении перенесения перста от десницы Предтечи в Киев пишет А.Ю. Карпов (Карпов, 2014). В то же время доводам Ю.В. Устиновой противоречит распространенность рассматриваемой памяти с славянских Прологов – данный текст

⁶ Цит. Богослужебных текстов в современной редакции: «Како руку положит раб на Владыку» (славник тропарей 1-го часа Царских часов на Богоявление (Минея, 1983, с. 188)).

«Руку твою, прикоснувшуюся пречистому верху Владычню, с неюже и перстом Того нам показал еси, воздежи о нас к Нему, Крестителю, яко дерзновение имея много, ибо болий пророк всех, от Него свидетельствован еси» (стихира 9-го часа Царских часов на Богоявление (Минея, 1983, с. 205)).

«Трепеташе рука Крестителя, егда пречистому Твоему верху коснуса» (5-я стихири на литии Богоявления (Минея, 1983, с. 235)).

«Глаголаше к Нему Предтеча: како простру руку и прикоснуса верху Держащаго всяческая? (...) раб Владыку крещати не научихся» (стихира самогласна по 50-м псалме на Богоявление (Минея, 1983, с. 238)).

«Глаголы якоже услыша Креститель Владычни, с трепетом длань простирает, обаче же, рукою коснуса верху Зиждителя своего, Крещемуса вопияше: освяти мя, Ты бо еси Бог мой» (2-й тропарь 8-й песни канона Богоявления (Минея, 1983, с. 244)).

«Преклоншему небеса и человеков беседовавшу главу приклонил еси десницею твоею» (1-й тропарь 4-й песни канона 2-го гласа Иоанну Предтече (Октоих, 1991, с. 255)).

⁷ Древнейший славянский список к. XI – нач. XII вв. с комментариями и переводом опубликован М.Ф. Мурьяновым (Мурьянов, 2003, с. 268-309).

является постоянной частью всех редакций Пролога со времени его перевода и его распространение полностью согласуется с переписыванием Прологов в древнерусской книжности. В то же время рассматриваемая память в списках XVI века не претерпевает никаких изменений, которые бы подчеркивали легитимность царской власти и участие в этом десницы Иоанна.

Проложная редакция текста, созданная еще в Византии, сохраняет примечательный набор сюжетов – перенесение десницы апостолом Лукой и, в финале, диаконом Иовом, спасение дочери от змея и чудо с предсказанием урожая на Воздвижение Креста. Характер этих чудес (например, то обстоятельство, что диакон Иов фактически крадет десницу, напоив священнослужителя) вступает в противоречие с образом почитаемого святого – Крестителя Христа, пустытника, который сам никогда не пил вина (Лк. 7:33), отца будущего монашества, яркого и категоричного проповедника, который крестил людей в ознаменование прощения грехов и смело обличал Ирода Антипу, управляющего Галилеей, в незаконном браке.

В то же время, как нам кажется, чудеса, составляющие основу для почитания реликвии, выглядят скорее фольклорным нарративом, чем частью осознанного политического дискурса. Такие понятные обыденному сознанию чудеса смягчают радикальный характер образа первого из пророков, который пострадал за конфликт с правителем, они делают его приземленнее. В таком освещении из аскета, отшельника и проповедника покаяния Иоанн Предтеча и его мощи становятся источниками силы и власти. Святыня не связана с образом Крестителя, ее свойства определяются лишь метонимическим переносом абстрактной мощи большего из пророков (Мф. 11:11).

Кроме того, такое обыденное восприятие оправдывает те детали повествования о чудесном, которые с этической стороны зрения не вполне корректны: несчастный отец отвлекает жадного ключаря храма, разбрасывая золото, диакон Иов крадет десницу, спаивая своего единоверца и сослужителя – при этом оба события оцениваются Феодором Дафнопатом как действия «по Божественному вдохновению». В оригинальном произведении формально греховные поступки отца и диакона становятся оправданы и даже благословлены, если они совершаются во имя славы Божией. Для Феодора Дафнопата, бывшего придворным чиновником очень высокого ранга, вероятно, такая риторика не была чем-то парадоксальным, имплицитно он утверждает: благочестивая цель оправдывает средства, Бог находится на стороне «победителя». Но проложное сказание, предназначенное для широкого круга читателей, словно осознает эту амбивалентность и «маскирует» ее. Так, в Прологе нет упоминания, что отец бросает золото на пол для отвлечения хранителя, он незаметно откусывает палец, прикладываясь к нему, а перенесение десницы в Константинополь отмечается как факт, случившийся благодаря некоему диакону, без подробностей истории. Таким образом, праздник Собора Предтечи 7 января, установленный в честь благочестивой кражи-перенесения мощей, лишается описания непосредственной причины этого события. В то же время краткий рассказ, который передавался для широкого круга, более выдержан, хотя и в данном случае выделяется фигура отца, который становится решительным актором в данной истории, и нарушает целостность святыни, чтобы спасти свою дочь.

Заключение

Слово Феодора Дафнопата, сокращенное для византийского Синаксаря, стало постоянной памятью древнерусских Прологов, посвященной Собору Иоанна Предтечи. Как показало сравнение списков, в Древней Руси бытовало как минимум три редакции данной памяти,

среди которых третья, встречающаяся в Прологе Пространной редакции, создана, вероятно всего, на славянской почве. В чудесах, которые составляют основу почитания десницы, нет явного акцента на легитимизации царской власти, напротив, они скорее отражают приземленный, народный взгляд на святую как источник сверхъестественной силы.

Список источников / References

1. Артюхова, Т.А., Королев, А.А. (2010). *Мощи Иоанна Предтечи*. Иоанн Предтеча. Православная энциклопедия. Т. 24. М., 546-552.
Artyukhova, T.A., Korolev, A.A. (2010). *The relics of John the Baptist*. John the Baptist. The Orthodox Encyclopedia. Vol. 24. Moscow, 546-552 (In Russ.).
2. Димитрий Ростовский (1764). *Жития святых. Книга вторая. Декабрь, январь, февраль*. Киево-Печерская Лавра.
Dimitrii Rostovskii (1764). *Lives of the Saints. Vol. Two. December, January, February*. Kiev Pechersk Lavra (In Church Slav.).
3. Дмитриева, Р.П. (1955). Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. *Труды Отдела древнерусской литературы*, 11, 491-499.
Dmitrieva, R.P. (1955). A project for a series of monographic studies and publications of Old Russian literary monuments. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 11, 491-499. (In Russ.).
4. Иванова, К. (2003). Чудото със змея, девица и десницата на Йоан Крестител - един непроучен средновековен текст. *Slavia Orthodoxa: Език и култура: Сб. в чест на проф. Р. Павлова*. София, 171-181.
Ivanova, K. (2003). The Miracle of the Snake, the Maiden, and the Right Hand of John the Baptist - one unknown medieval text. *Slavia Orthodoxa: Language and culture. Collection in memory of prof. R. Pavlova*. Sofia, 171-181 (In Bulgarian).
5. Карпов, Ю.А. (2014). Перенесение перста св. Иоанна Крестителя из Византии на Русь в контексте византийской политики Владимира Мономаха. *Исследования по истории домонгольской Руси*, 143-159.
Karpov, Yu.A. (2014). The transfer of the Finger of St. John the Baptist from Byzantium to Russia in the Context of Vladimir Monomakh's Byzantine Policy. *Research on the History of Pre-Mongol Russia*, 143-159 (In Russ.).
6. Латышев, В.В. (1910). Две речи Феодора Дафнопата, изданные с введением о жизни и литературной деятельности автора и с русским переводом В. Латышевым. *Православный палестинский сборник*. Вып. 59.
Latyshev, V.V. (1910). Two speeches by Theodore of Daphnopates, published with an introduction on the author's life and literary work and with a Russian translation by V. Latyshev. *Orthodox Palestinian Collection*. Iss. 59. (In Russ.).
7. Минея. Январь (1983). Часть первая.
Menaion. January (1983). Part 1. (In Church Slav.).

Коваленко А.Н., Шилова И.А. (2025)
Чудеса десницы Иоанна Предтечи в древнерусской
книжности
Язык и текст, 12(4), 116—126.

Kovalenko A.N., Shilova I.A. (2025)
The miracles of the right hand of John the Baptist in
old Russian literature
Language and Text, 12(4), 116—126.

8. Мурьянов, М.Ф. (2003). *Гимнография Киевской Руси*.
Mur'yanov, M.F. (2003). *The Hymnography of Kievan Rus*. (In Russ.).
9. Никольский, А.И. (1910). *Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего синода*, 2, 2.
Nicol'skii, A.I. (1910). *Description of the manuscripts stored in the Archives of the Holy Governing Synod*, 2, 2. (In Russ.).
10. Никольский, А.И. (1907). Сказание о двух новгородских чудесах из жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. *Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, XII, 3, 98-116.
Nicol'skii, A.I. (1907). The Tale of Two Novgorod Miracles from the Life of St. John the Baptist. *Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*, XII, 3, 98-116 (In Russ.).
11. Никольский, Н.К. (1907). *Материалы для истории древнерусской духовной письменности I – XXIII*.
Nicol'skii, N.K. (1907). *Materials for the History of Old Russian Spiritual Literature I – XXIII*. (In Russ.).
12. Октоих, сиречь Осмогласник (1991). Гласы 1-4.
The Octoechos. (1991). Voices 1-4. (In Church Slav.).
13. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия (1872). С предисловием и примечаниями Павла Савваитова.
The Journey of Archbishop Anthony of Novgorod to Constantinople at the End of the 12th Century (1872). With an Introduction and Notes by Pavel Savvaitov (In Russ.).
14. Ремезов, А.В. (2025). Особенности бытования мученика «Мучение Федора Тирона» в простом и стихном Прологе. *Вестник Костромского государственного университета*, 31, 2, 69-74. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-69-74>
Remezov, A.V. (2025) The peculiarities of the martyrdom “The Torment of Theodore the Recruit” in a simple and verse prologue. *Vestnik of Kostroma State University*, 31, 2, 69–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-69-74>
15. Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам (2010). Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. 1: Текст и комментарии.
Slavic-Russian Prologue according to the oldest manuscripts (2010). Sinaksar (the hagiographic part of the Prologue of the short edition) for September-February. Vol. 1: Text and comments. (In Russ.).
16. Срезневский, И.И. (1912). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р–Я и дополнения*. СПб.
Sreznevskii, I.I. (1912). *Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments. Vol. 3: R–Я and Additions*. Saint-Petersburg. (In Russ.).

17. Творогов, О.В. (1987). *Сказания об Иоанне Предтече (Крестителе)*. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). С. 418–421.
- Tvorogov, O.V. (1987). *The legend of John the Baptist*. Dictionary of Scribes and bookishness of Old Russia. Vol. I (XI – the first half of the XIV century), 418–421. (In Russ.).
18. Устинова, Ю.В. (2018). Редкая иконография «Чуда от перста Иоанна Крестителя» в составе житийного цикла святого XVI–XVII веков. *Кирилл Белозерский и памятники с редкой иконографией: Материалы конференции. Каталог выставки 22 июня – 15 августа 2017*, 271–278.
- Ustinova, Yu.V. (2018). The rare iconography of the "Miracle of the Finger of St. John the Baptist" as part of the hagiographic cycle of the 16th and 17th centuries. *Kirill Belozersky and Monuments with Rare Iconography: Conference Proceedings. Exhibition Catalogue, June 22 – August 15, 2017*, 271–278. (In Russ.).
19. Устинова, Ю.В. (2022). Царский ангел. Новые сюжеты в иконографии св. Иоанна Предтечи эпохи Ивана Грозного. *Искусствознание*, 2, М., 150–185.
- Ustinova, Yu.V. (2022). The "Angel of the Tzar". New subjects in the iconography of St. John the Baptist of the era of Ivan the Terrible. *Art studies*, 2, Moscow, 150–185. (In Russ.).
20. Grotowski, P.Ł. (2013). Fotinus, Żywot Jana Postnika (Vita Ioannis Ieiunatoris episcopi Constantinopoleos, BHG II 893, CPG 7971). *Vox Patrum*, 59, 607–646. (In Polish). <https://doi.org/10.31743/vp.4061>
21. Popović, D. (2017). The Siena relic of St John the Baptist's right arm. *Zograf*, 41, 77–94. (In Polish). <https://doi.org/10.2298/ZOG1741077P>

Список источников / Sources

Егор. 21 – РГБ. Ф. 98. Собрание Е.Е. Егорова, № 21. Пролог сентябрь-февраль. Перв. четв. XVI в.

Егор. 214 – РГБ. Ф. 98. Собрание Е.Е. Егорова, № 214. Пролог сентябрь-февраль. 1517–1518 гг.

Соф. 1324 – РНБ. Ф. 728. Библиотека Новгородского Софийского собора, № 1324. Пролог. Сентябрь-февраль. XII - XIII вв. (л. 1 - 234, 242 - 317) и XV/XVI в. (л. 235 - 241).

Тих. 561 – ГПНТБ СО РАН, собр. М. Н. Тихомирова, № 561. Пролог (декабрь-февраль), первая половина XVI в.

УрФУ IX-46р/741 – Лаборатория археографических исследований Уральского федерального университета, собрание Свердловское (IX), № 46р/741. Торжественник, нач. XIX в.

Информация об авторах

Антон Николаевич Коваленко, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5127-0962>, e-mail: kovalenko@gpntbsib.ru

Инна Александровна Шилова, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей, Государственная публичная научно-техническая

Коваленко А.Н., Шилова И.А. (2025)
Чудеса десницы Иоанна Предтечи в древнерусской
книжности
Язык и текст, 12(4), 116—126.

Kovalenko A.N., Shilova I.A. (2025)
The miracles of the right hand of John the Baptist in
old Russian literature
Language and Text, 12(4), 116—126.

библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1434-312X>, e-mail: shilova@gpntbsib.ru

Information about the authors

Anton N. Kovalenko, Candidate of Science (Philology), Researcher of Department of Rare Books and Manuscripts, The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5127-0962>, e-mail: kovalenko@gpntbsib.ru

Inna A. Shilova, Candidate of Science (Philology), Junior Researcher of Department of Rare Books and Manuscripts, The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1434-312X>, e-mail: shilova@gpntbsib.ru

Вклад авторов

Коваленко А.Н. — идея исследования; написание и оформление рукописи; разработка раздела о сюжетной специфике произведения.

Шилова И.А. — текстологический анализ памяти в Прологах; написание раздела о проложных редакциях текста.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Anton N. Kovalenko — the idea of the research; writing and design of the manuscript; development of the section on the plot specifics of the work.

Inna A. Shilova — textual analysis of memory in the Prologues; writing the section on the editions of the text in the Prologue.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской агиографии (предварительные замечания)

Н.А. Никонов✉

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Российская Федерация

✉ gis.1974@inbox.ru

Резюме

Контекст и актуальность. «Лествица» Иоанна Синайского является одним из источников для ряда образов, мотивов, топосов, цитат и идей в текстах преподобнических житий. Теоретической основой исследования послужила концепция о текстах Священного Писания, Псалтири, Евангелия, популярных богословских и аскетических трудах восточнохристианского происхождения как источниках устойчивых литературных формул, образов, мотивов, сюжетов и идей древнерусских агиографических памятников. **Цель.** Выявить и описать мотивы, цитаты, сюжетные топосы и образы в житиях преподобных, источником которых является «Лествица» Иоанна Синайского. **Гипотеза.** «Лествица» Иоанна Синайского, как один из популярных на Руси памятников аскетического содержания, послужила источником для некоторых элементов преподобнического жития. **Методы и материалы.** Исследование строилось на житиях преподобных XVI–XVII веков, как уже введенных в научный оборот, так и содержащихся в рукописях. Установление связей между мотивами, сюжетными топосами, образами, цитатами и идеями житий преподобных и «Лествицей» Иоанна Синайского проводилось с помощью сравнительно-типологического и герменевтического методов. **Результаты** показали, что с «Лествицей» связаны мотивы обстоятельств жизненного пути преподобного и отречения от брака, вариант отдельного сюжетного топоса «отход преподобного в пустынь», цитаты, описывающие оставление праведником мирских привязанностей, идейное содержание путешествия преподобного по монастырям для духовного развития через наблюдение за нравами, обычаями и особенностями общежительных правил. **Выводы.** Показано, что к «Лествице» Иоанна Синайского генетически восходят некоторые элементы макро- и микроуровней преподобнического жития. Заявлена необходимость продолжения работы по выявлению, описанию и систематизации элементов древнерусских житий преподобных, связанных с «Лествицей», что привело бы к углублению понимания контекста как образа святых, угодивших Богу

Никонов Н.А. (2025)
Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской
агиографии (предварительные замечания)
Язык и текст, 12(4), 127—137.

Nikonov N.A. (2025)
The Teaching of St. John the Ladder in old Russian
hagiography (preliminary notes)
Language and Text, 12(4), 127—137.

монашеским подвигом, так и самих жизнеописаний, посвященных этому типу святости.

Ключевые слова: мотив, сюжетный топос, цитата, агиография, «Лествица»

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-00005-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00005/>.

Для цитирования: Никонов, Н.А. (2025). Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской агиографии (предварительные замечания). *Язык и текст*, 12(4), 127—137. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120411>

The Teaching of St. John the Ladder in old Russian hagiography (preliminary notes)

N.A. Nikonov✉

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

✉ gis.1974@inbox.ru

Abstract

Context and relevance. “Lestvitsa” (The Ladder) by John of Sinai is one of the sources for a number of images, motives, toposes, quotations and ideas in the texts of the Reverends’ lives. The concept of the texts of Holy Scripture, the Psalter, the Gospel, popular theological and ascetic works of Eastern Christian origin as sources of stable literary formulas, images, motifs, plots and ideas of ancient Russian hagiographic monuments became the theoretical basis of the study. **Objective.** To identify and describe motives, quotations, plot toposes and images in the Reverends’ lives, the source of which is the “Lestvitsa (Ladder)” by John of Sinai. **Hypothesis.** “Lestvitsa (Ladder)” by John of Sinai as one of the most popular ascetic monuments in Russia served as a source for some elements of the Reverends’ lives. **Methods and materials.** The study was based on the Saints’ lives of the XVI–XVII centuries, both already introduced into scientific circulation and contained in manuscripts. Establishing links between motives, plot toposes, images, quotations and ideas from the Reverends’ lives and the “Lestvitsa (Ladder)” by John of Sinai was conducted using comparative typological and hermeneutic methods. **Results** have shown that motives of the circumstances of the Saint’s lives and the renunciation of marriage, the variant of a separate plot topos “the Reverend’s retreat to the desert”, quotes describing the abandonment of worldly attachments by the reverend, the ideological content of the Reverend’s journey through monasteries for spiritual development through observation of customs, practices and peculiarities of communal rules date back to “Lestvitsa (Ladder)”. **Conclusions.** It has been shown that some elements of the macro and micro levels of the Reverends’ lives genetically date back to “Lestvitsa (Ladder)” by John of Sinai. The necessity of continuing work on the identification, description and systematization of the elements of the ancient Russian Saints’ lives is stated, which are related to the “Lestvitsa”, this would lead to a deeper understanding of the context

of both the image of the Saints who pleased God with their monastic feat, and the biographies themselves dedicated to this type of holiness.

Keywords: motif, narrative topos, quote, hagiography, “Lestvitsa”

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 22-18-00005-П, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00005/>.

For citation: Nikonov, N.A. (2025). The Teaching of St. John the Ladder in old Russian hagiography (preliminary notes). *Language and Text*, 12(4), 127—137. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120411>

«Лествица» является одним из известных и часто переписываемых в среде древнерусского монашества руководств по аскезе. О высокой популярности «Лествицы» красноречиво свидетельствуют многочисленные списки, хранящиеся в крупнейших центрах древнерусского иночества (Попова, 2011, с. 93—98). По замечаниям Р. Пиккио (Пиккио, 2003), М. Гардзанити (Гардзанити, 2014), А.М. Ранчина (Ранчин, 2007), Т.Р. Руди (Руди, 2006), источниками многих устойчивых литературных формул, образов, мотивов, сюжетов и идей в корпусе древнерусских агиографических памятников становятся Священное Писание, Псалтирь, Евангелие, популярные богословские и аскетические труды восточнохристианского происхождения. Перечисленные выше тексты влияют и на сюжетно-композиционный, идейно-содержательный и символический уровни житий (Ранчин, 2007). Жизнеописания преподобных являются частью древнерусской агиографии. Следовательно, «Лествица» как один из известнейших аскетических трудов христианского Востока могла быть источником некоторых отдельных топосов, образов, идей, сюжетов и мотивов, а также тем или иным образом влиять на сюжетный, образный, композиционный и другие уровни преподобнической агиографии.

О небезосновательности высказанного выше предположения свидетельствуют работы известных ученых-медиевистов, где «Лествица» рассматривается как возможный источник мотива, описывающего восхождение преподобного по ступеням/степеням добродетельной жизни (Руди, 2006, с. 482—483), сюжетно-композиционной структуры жития преподобного Иоанна Синайского (Дорофеева, 2023, с. 315), цитат, выстраивающих образ святого Александра Ошевенского (Пигин, 2013).

Наши наблюдения над житиями преподобных показывают, что, во-первых, мотив, восходящий к «Лествице», используется агиографами не только для рассказа о движении юного/зрелого/постаревшего святого по степеням духовных добродетелей, но и для описания воздержания от брака, а также жизненных обстоятельств, то отдаляющих, то, напротив, приближающих блаженного к иноческому житию. Во-вторых, цитаты из «Лествицы» агиографы чаще всего включают в сцены, где преподобный отрекается от мирских привязанностей. В-третьих, четвертое «Слово» «Лествицы» в житии Корнилия Комельского становится прямым прототипом цели путешествия святого по пустынным скитам и монастырям. Наконец, вторая часть 14-го стиха 1-го Слова «Лествицы» на идейно-смысловом уровне является источником одного из вариантов развития сюжетного топоса¹ «отход преподобного в пустыню».

«Лествица» Иоанна Синайского — самый “иеротопичный” памятник византийской

¹ В настоящей работе под сюжетным топосом понимается повторяющийся в текстах эпизод с относительно устойчивой конструкцией и единой семантикой.

литературы» (Попова, 2024, с. 89), так как в ее основе лежит идея восхождения по ступеням/степеням добродетели в Царствие Небесное. Интересно, что эта «иеротопичность» «Лествицы» в древнерусской агиографии стала источником мотива, выделенного Т.Р. Руди и описывающего, как было сказано ранее, движение/приближение святого к Богу/«горному Иерусалиму» по «неким степеням/ступеням» на протяжении всей жизни/в начале монашеского пути/в последние годы жизни (Руди, 2006, 482—483). В житии Ефросина Псковского этот мотив, сохраняя основное смысловое ядро, подчиненное идее движения по ступеням добродетельной жизни в Небесное Царство, переживает некую трансформацию. Так, в тексте говорится уже не о духовном развитии преподобного, который «день ото дня, яко по степеням/ступеням/лествице, въсходяще на добродетельное житие», а описывается эпизод отречения от брака, совершаемое еще юным отроком: «...паке приспе время отроку браку сочтати, и восхотеста его подружие ему обручити. Благоразумный же прехрабрый воин царя небеснаго, пречестный отрок, слышав от родителей своих таковой совет о нем, востонав и восплавав, и, вскочив, сокруши треглавнаго змия, погуби его похоть и суетну любов, и оплева, и востек на небесную лествицу, по ней же достиг горний Иерусалим» (Охотникова, 2001, с. 610). В житии Антония Сийского «лествичный» мотив приобрел еще более необычное смысловое наполнение: жизненные обстоятельства, сначала отдаляющие, а затем приближающие блаженного Андрея (мирское имя преподобного) к иноческому житию, уподобляются агиографом движению по «неким степеням». Так, поступление святого во служение к новгородскому боярину и последующее пятилетнее существование по Божьему изволению в миру сравнивается с необходимым пребыванием на «низших степенях» суетной жизни, чтобы в будущем подняться к «высшим степеням» иноческого общежития: «И оу нѣкогю болярина работаше пять лѣтъ. се^ж не бѣ³ бжия велѣния бы^с. но вся быша бжии^м изволение^м. бгѡу тако изволившоу да преждѣ блѣженный обоучився мирьскомоу пребвани^ю. и яко нѣкоими степенми. от нижни^х на горняя добродѣтели възидѣ^т иноческаго жите¹ства» (Сборник. РНБ. Q.I.22, XVI в. 23 л.—23 об.). Смерть жены святого толкуется агиографом как промысел Господень, поднимающий Андрея от первоначальных степеней мирского тлена к высшим степеням иночества: «Не блѣговоли ж гѣ свѣтилнику семоу. ни^ж попоусти на долзѣ времени в сиевы^х быти. но яко нѣкоим степенми возводя бл^жанна^г помалоу. мало от нижни^х на вышшая. соупр^ужницы е^г по едином^м лѣте от житиа сего преставльшася. блѣженныи^ж отрѣшився законнаго брака» (Сборник, РНБ, Q.I.22, XVI в. лл. 121 об.—122)².

В первой («Об отречении от жития мирского»), второй («О беспристрастии, то есть, об отложении попечений и печали о мире») и третьей («О странничестве, то есть, об уклонении от мира») «Словах» «Лествицы» говорится о необходимости отречения от всех мирских привязанностей для только что вступившего на монашеский путь. Наблюдения показывают, что агиографы в эпизодах оставления преподобным дома, семьи, родных и близких часто ссылаются на первое, второе и третье «Слова» «Лествицы». В преподобнических житиях вновь вступающего на стезю монастырского послушания наставляет игумен. Агиографы в поучения настоятеля нередко вставляют прямые или неявные фразы из первых трех «Слов» Лествицы». Обратимся к примерам. Так, описывая размышления Зосимы Соловецкого о необходимости оставить мир и устремиться на путь иноческого подвига, агиограф прямо

² Здесь и далее при передаче древнерусского текста буквы «и десятеричное», «йотированное а», «омега» заменяются соответственно на и, а, от.

цитирует часть 22-го стиха из третьего «Слова» «Лествицы»³: «И помышляше в себѣ, глаголя: „Како азъ и еще сыи исполу, в малѣ отвержение мира сътворих — словом, писано есть: „не словесемъ отвержения мзды даются, но дѣлатель“, а „не послушници закона спасаются, но творци“. Родителем всегда пред очима моима и всѣм ближни комъ по плоти, другом же и знаемым, и събращаяся посреди их, — что же есть мое отвержение от мира? Писано бо есть: „**Не любите мира и яже в нем, не бо есть мощно единѣм окомъ зрѣти на небо, а другимъ на землю**“» (Дмитриева, 2005, с. 58). Далее, говоря об оставлении родителей и разделе имущества преподобным Зосимой, автор жития прямо называет это «оставление» «первым отречением», а вступление на путь киновийного послушания — «вторым отречением», тем самым ссылаясь на 9-й стих из второго «Слова» «Лествицы»⁴: «И тако блаженный, **расточив вся имѣния своя убогим и родитель своих вся жителства домовная раздавъ нищим, рабы же и рабыня вся свободи и достойную часть имѣния подадѣ им**. Сам же на предняя подвиги възвращается, пакы второе отвержение мира сътворяет (**первѣе — родителей и сродникъ по плоти, пища и всѣх красных мира: рода и отечества и всѣх знаемых удаление**)» (Дмитриева, 2005, там же). Антоний Сийский, имевший еще мирское имя Андрей, после смерти жены решает поступить в монастырь. Агиограф, развивая мысль о необходимости освобождения от уз супружества для желающего монашеской участи, ссылается на 20-й стих первого «Слова» «Лествицы»⁵: «яко^ж бо рече списатель лѣствицы. иже бо хто хотящы^м ко иноческому тещы. и не отрѣшив ся || мирскы^х пристрастїи подобенъ е^счлѣку. носящему желѣза на ногу часто претыкающе ся и сокрушающе ся. а оженивши не токмо на ногу но и на руку желѣза носящы». (Сборник, РНБ, Q.I.22, XVI в., лл.122об. —123). Игумен, описывая блаженному Алексию (будущему преподобному Александру Ошевенскому) трудность иноческого послушания, заявляет о необходимости оставления родителей и друзей. Настоятель призывает будущего инока не склоняться на жалобы и стенания близких, аргументируя свою позицию 16-м стихом из третьего «Слова» «Лествицы»⁶: «Не ущебри родительныя и дружныя слезы, аще ли не вѣчно хоцещи слезити» (Пигин, 2017, с. 236). Интересно, что кровные родственники и друзья сравниваются игуменом с пчелами. В основе данного сравнения опять же лежит 16-й стих из первого «Слова» «Лествицы»: «внегда тя

³ «Пристрастие к кому-нибудь из родственников, или из посторонних, весьма вредно; оно может мало-помалу привлечь нас к миру и совершенно погасить огонь нашего умиления. **Как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю: так невозможно не подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился совершенно от всех своих родственников и не-родственников**» (Лествичник, 2013, 3:22).

⁴ «Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое есть отречение от всех вещей, и человеков, и родителей; второе есть отречение своей воли; а третье — отвержение тщеславия, которое следует за послушанием. *«Изыдите от среды их, и отлучитесь, и нечистоте мира не прикасайтесь, глаголет Господь»* (2Кор.6:17). Ибо кто из мирян сотворил когда-нибудь чудеса? Кто воскресил мертвых? Кто изгнал бесов? Никто. Все это — победные почести иноков и мир не может вместить оных; если же бы мог, то к чему было бы монашество и удаление из мира?» (Лествичник, 2013, 2:9).

⁵ «Человек неженатый, а только делами связанный в мире, подобен имеющему оковы на одних руках; а потому, когда он ни пожелает, может невозбранно прибегнуть к монашескому житию; женатый же подобен имеющему оковы и на руках и на ногах» (Лествичник, 2013, 1:20).

⁶ «Не склоняйся на слезы родителей и друзей; в противном случае будешь вечно плакать» (Лествичник, 2013, 3:16).

обыдуть якоже пчелы, паче же осы, рыдание свое творяще о тебѣ» (Пигин, 2017, там же)⁷. Неявная цитата из 8-го стиха второго «Слова» «Лествицы» использована автором жития Иосафа Каменского⁸: игумен Кассиан, проверяя юного князя, подробно указывает на иноческие скорби и лишения: «И абие игумень Касиан преклоняется на моление отрока и наказует сице его: “Внимай убо себѣ, еда како узкимъ и прискорбнымъ путемъ общаешися итьти...Уский путь да явит ти скорбь чревная, стояние всенощное, мѣра водная, хлѣба скудость, бесчестия хунхания и насмѣяния и наругания, отрѣзание своихъ воль, терпѣние приобидѣния, хуления без правды, терпѣти нужда, оболгаему не гнѣватися, унижаему радоватися, осужаему смиратися. Блажени иже тѣмъ путемъ ходятъ, яко тѣхъ царство небесное» (Прохоров, 2001, с. 333—334).

Четвертое слово «Лествицы» Иоанна Синайского строится на многочисленных примерах иноческого послушания, которые преподобный почерпнул из своего путешествия по монастырям Александрии (Лествичник, 2013, 5:11—41). Отсюда путешествие Лествичника приобретает характер духовного паломничества, яркой чертой которого является внимательное и неустанное наблюдение над монастырскими правилами, поведением и нравами обитателей киновий для собственного духовного научения. В древнерусской агиографии святые, преследуя разные цели, путешествовали по святым местам, чужим городам и киновиям. Корнилий Комельский отправляется в подобное странствие. Причем агиограф прямо указывает на прототип цели путешествия преподобного — «Лествицу»: «Таже по томъ изыде блаженный ис Кирилова монастыря и, **по лѣствицному послѣдованию**, вдасть себѣ **страничеству**, **иский ползы отвсюду**. И **обшед монастыря и пустыня и когождо добрыя нравы и житие смотривъ**, и **от всѣхъ приплоди сѣмя вѣры, дѣль добрыхъ и въ своей души вложивъ**» (Сергеева, 2005, с. 306). Действительно, обход монастырей для «смотрения» добрых нравов с последующим «вложением» духовных плодов («семян веры») в душу, как и было указано выше, восходит к труду прп. Иоанна Лествичника.

Как было отмечено В.В. Лепахиным, идея постепенности восхождения к вершинам невещественного (духовного) совершенства является одной из основных в «Лествице» (Лепехин, 1998, с. 14—15). Действительно, чтение текста «Лествицы» показывает, что, находясь на низших ступенях, невозможно без ущерба для своих душевных сил или дальнейшего продвижения по степеням духовного развития совершить переход на высшие ступени. Игнорирующий несколько ступеней ради перехода на более высокий уровень добродетельного жития теряет подготовку, необходимую для столкновения с искушениями, ожидающими на верхних ступенях. Монах, встретив трудные соблазны, не справляется и впадает во искушение. 14-й стих из 1-го Слова «Лествицы», согласно толкованиям Иоанна Раифского и Илии Критского, представляет собой яркое метафорическое воплощение описанной выше идеи: «Некоторые кладут в строение кирпич поверх камня; другие утвердили

⁷ «Когда родственники окружают тебя, как пчелы, или лучше сказать, как осы, оплакивая тебя: тогда немедленно обрати душевные очи твои на смерть и на дела (твои), чтобы тебе можно было отразить одну скорбь другою» (Лествичник, 2013, 3:16).

⁸ Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким и тесным путем, в самом деле не блуждать по пространному и широкому. Узкий путь будет тебе показан утеснением чрева, всенощным стоянием, умеренным питием воды, скудостью хлеба, чистительным питием бесчестия, принятием укоризн, осмеяний, ругательств, отсечением своей воли, терпением оскорблений, безропотным перенесением презрения и тяготы досаждений, когда будешь обижен — терпеть мужественно; когда на тебя клеветают — не негодовать; когда унижают — не гневаться; когда осуждают — смиряться. — «*Блаженны ходящие стезями показанного здесь пути, яко тех есть царство небесное*» (Мф.5:3—12)» (Лествичник, 2013, 2:8).

столбы на земле; а иные, пройдя небольшую часть пути и разогрев жилы и члены потом, шли быстрее» (Лествичник, 2013, 1:14). «Кладущие в строение кирпич поверх камня» — монахи, приступающие к трудным духовным испытаниям без отречения от собственной воли через послушание духовному отцу, игумену и братии. В конечном итоге не поборовшие своеволия и занимающиеся непосильным духовным деланием истощают моральные силы, что, в свою очередь, ведет к невозможности исполнить ранее задуманные духовные подвиги. Более того, такие монахи не могут в должной мере следовать элементарным общежительным правилам. «Утвердившие столпы на земле» — иноки, которые, не укрепив себя пребыванием в киновии, сразу избрали путь безмолвия. Попав в условия пустынножительства, монахи приходят не к духовному совершенству, а, наоборот, низводятся ко греху. «Разогревшие жилы и члены» — чернецы, твердо ступившие на путь постепенного исполнения духовных практик, что привело их к уверенному и легкому восхождению по ступеням иноческого совершенствования. Отсюда первая часть 14-го стиха 1-го Слова «Лествицы» учит монашествующего избирать послушание, которое является основанием для других духовных подвигов. Вторая часть стиха говорит об идее бесплодности стремительного перехода на высшие ступени духовных добродетелей для подвижащихся на начальных уровнях общежительных трудов. Третья часть служит положительным примером соблюдения постепенности и умеренности во время прохождения духовных практик.

К описанной выше идее второй части 14-го стиха из 1-го Слова «Лествицы» восходит один из вариантов развития сюжетного топоса «отход преподобного в пустынь». Святой, из-за нежелания «славы от человек»/стремления одному «поработати Богу», находясь на «низших» ступенях отречения от мирских привязанностей, мечтает покинуть монастырь и поселиться в пустыни, чтобы в молчании «работати Богу», то есть перейти на одну из самых высших степеней «Лествицы» — безмолвию. О желании безмолвного жития преподобный сообщает настоятелю монастыря. Настоятель не дает благословения на оставление обители, считая преждевременным такой переход к сложному подвигу без необходимого преодоления своеволия в условиях монастырского послушания. Игумен, описывая свой отказ, произносит фразу: **«не подобно: не утвердивши ногу на корени, перьваго степени обьшаго жития послушаниемъ, верха молчания и единства касатися, и без времени своего волею водитися»**. Представленная фраза, сохраняя свой состав, почти всегда встречается в варианте описываемого сюжетного топоса. Интересно отметить, что в указанной фразе предельно ясно используются образы иерархических степеней — низшей стадии киновийных трудов для новопоступивших в обитель иноков («перьваго степени обьшаго жития») и одной из высших стадий — безмолвного уединения уже опытных черноризцев («верх молчания и единства»). На первой ступени инок «утверждает ногу», последней ступени — «касается». Совокупность образов, содержащихся во фразе, вызывает ассоциацию передвижения по неким ступеням, идущим друг за другом в строгом порядке. Думается, что источником образности разбираемой фразы послужила «Лествица». На это указывает следование уровней, полностью укладывающееся в логику расположения ступеней «Лествицы», где послушание в киновии занимает начальные ступени, а пустынное безмолвие, приближаясь к самому верху, представляет двадцать седьмую ступень. Отсюда содержащаяся на уровне сюжетного топоса лествичная идея постепенности смены форм монашеского пути через описанную фразу дополняется яркой, почти визуальной образностью движения по следующим друг за другом ступеням. Рассмотрим примеры. Александр Свирский, узнав о славе среди братии, возгорается желанием покинуть обитель и поселиться в дальней пустыни ради безмолвного жития. Настоятель, узнав о подобной просьбе Александра, отказывает преподобному. Аргументация

отказа строится на идее бессмысленности раннего перехода от низших стадий общежительного послушания к высокому и трудному подвигу безмолвия: «Игумен же Ияким велми почюдився **безгодному** его прошению, и к нему глаголаше: “Ни убо, чадо, ни. **не бо подобно, не утвердивше ногу на корени перваго степени общаго житиа послушаниемъ, верха молчанием и единства касатися, и без времени своеволне водитися**, ни бо от времени, ни от возраста таковых несть лепо ныне тебе искати, **все бо подобно во свое время**”» (Герд, 2002, с. 44). Преподобный Ефрем Перекомский, став всеми любим и почитаем за праведную жизнь, желает **«бежати славы и работати Богу»**: «Пребысть же блаженный въ той службе лѣта доволна, повинуюся игумену и братии. И посемъ вся службы монастырския прошедь со всякимъ терпениемъ и послушаниемъ, и тако хвалимъ бѣше всеми. И славу от челоувѣкъ имяше многу, и о семъ преподобный стуживъси, ибо еже славится от человекъ, яко студъ и грехъ себе въменяше. Попечение же имея много, еже бежати славы и работати Богу» (Федотова, 2001, с. 171). О своем желании преподобный сообщает игумену и просит отпустить **«въ пустыни сидѣти, и безмолствовати, и трудитися»**: «Во единъ убо день приходитъ святой ко игумену Савве и проситъ благословения и молитвы, и болѣзнь сердца исповедуетъ, не таить вину пременения, припадаетъ и молится, да благословень будетъ и отпушень, яко дабы ему повелеть отходне на едине въ пустыни сидѣти, и безмолствовати, и трудитися» (Федотова, 2001, там же). Игумен, дивясь странности просьбы, не отпускает Ефрема, аргументируя отказ духовной незрелостью блаженного, который не преодолел еще своеволия через телесные и духовные труды в киновии: «“Ни убо, чадо, не подобно: **не утвердивши ногу на корени, перваго степени общаго жития послушаниемъ, верха молчания и единства касатися, и без времени // своего волею водитися**”». Пустыня, по мнению игумена, может встретить не укрепившегося монашеским общежительством дьявольскими или человеческими искушениями, которые, по примеру многих, лишают Царствия Небесного. «...“нѣсть бо лепо таковыхъ тебѣ нынѣ искати, все бо подобно во свое время, ибо еда кая **ненадежна от общаго човекомъ врага, или от крови мужей в пустыни тебе прилучится**...Да не яко въ пустыняхъ под спудъ зашедь, въ горахъ покрывается, мнози же темъ не просветившеся **последи свѣта спасения лишатся**”» (Федотова, 2001, там же). Преподобный Александр Ошевенский, стремясь спастись от человеческих восхвалений, решает свернуть «на безмолвия путь» и там «одному работати Богу»: «И видя себе чтима от игумена, и от братии, и от всѣхъ хвалим, и славу имяше от челоувѣкъ многу — и о семъ преподобный, еже славится, яко студъ и грѣхъ въмѣняше. Попечение же имеяше много о семъ, еже **бѣжати славы челоувѣческия, и помышляше безмолвия путь гонити и работати Богу**» (Пигин, 2017, с. 238). О желании покинуть монастырь сообщает игумену. Игумен, считая подобную просьбу преждевременной, не только, как в других житиях, отвергает ее в силу преждевременности, но подробно, ссылаясь на «Лествицу» (Лествичник, 2013, 1:26), называет конкретные искушения уныния, сна, лени и отчаяния, поджидающие юного инока в уединении: «“Ни убо, чадо, не полезно ти се, еще **ти юну сущу**, еже наединѣ сидѣти, но угодно ти съ братиями во общинѣ пребывати. Якоже **Иоаннъ Лѣствичникъ въ своих писаниих глаголетъ: “Единому горе, — рече, — яко аще впадет во уныние, или сонъ, или разлѣнение, или отчаяние, // нѣсть возвижай его въ челоувѣцѣхъ”**» (Пигин, 2017, там же). Продолжая аргументацию в пользу общежительного жития, игумен указывает на спасающие от дьявольских сетей общежительные молитвы братии: «“А егда **приидет спона нѣкая от диявола, и братия вси соборнѣ о тебѣ Бога молят**...И хоцещи единъ сидѣти, а не вѣдый козней диявольскихъ» (Пигин, 2017, там же). Итогом рассуждения настоятеля становится устойчивая фраза о неуместности скорого

вступления в пустынножительство: «**“Не утвердивше ногу на корени первого степени общего жития послушаниемъ верха молчаниемъ, и единства касатися и без времени своеволнѣ водитися. Все бо подобно въ свое время”**» (Пигин, 2017, там же).

Подведем итоги. Приведенные примеры свидетельствуют о более широкой семантике мотива движения преподобного по степеням/ступеням добродетели, основывающегося на «Лествице» Иоанна Синайского: такой мотив выражает не только приближающее к Богу/Царствию Небесному духовное возрастание святого, но и описывает отречение от мирских привязанностей, а также служит метафорой жизненного пути, состоящего из ряда событий, то отдаляющих, то, напротив, приближающих к иноческому житию. Далее, цитаты из второго и третьего «Слова» «Лествицы» чаще всего включаются агиографом в эпизоды оставления преподобным привязанностей к имуществу, родителям и близким. Описанная в четвертом Слове «Лествицы» цель путешествия Иоанна Синайского по александрийским монастырям послужила прототипом для основного назначения посещения Корнилием Комельским нескольких общежительных киновий и пустынных скитов. Наконец, вторая часть 14-го стиха 1-го Слова «Лествицы» становится источником для одного из вариантов развития известного сюжетного топоса «отход преподобного в пустынь». Все вышеперечисленные элементы из житий преподобных, во-первых, расширили представления о влиянии «Лествицы» на топику, образную систему и идейно-содержательный уровень преподобнической агиографии, во-вторых, подтвердили небезосновательность гипотезы о восхождении некоторых словесных компонентов житий преподобных к одноименному труду Иоанна Лествичника. Следовательно, возникает необходимость продолжения работы по выявлению, описанию и систематизации мотивов, образов, сюжетных топосов и цитат из древнерусской агиографии, которые тем или иным образом были бы связаны с «Лествицей». Это приведет к лучшему пониманию многих неясных контекстов в житиях преподобных, а также углубит наши представления о связях между текстом «Лествицы» и преподобническими житиями.

Список источников / References

1. Гардзанити, М. (2014). *Библейские цитаты в церковнославянской книжности*. М.: Индрик.
Gardzaniti, M. (2014). *Biblical quotations in Church Slavonic literature*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
2. Герд, А.С. (Ред.) (2002). *Житие Александра Свирского: текст и словоуказатель*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та.
Gerda, A.S. (Ed.) (2002). *The Life of Alexander Svirsky: text and word index*. St. Petersburg: Publ. Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.).
3. Дмитриева, Р.П. (Ред.) (2005). Жития Зосимы и Савватия Соловецких. В: *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 13. (С. 15—36).
Dmitrieva, R.P. (Ed.) (2005). The Lives of Zosima and Savvaty Solovetsky. In: *The Library of literature of Ancient Russia*. Vol. 13. (Pp. 15—36). (In Russ.).
4. Дорофеева, Л.Г. (2023). Топос лествицы в Житии Иоанна Синайского (на материале Оптинского перевода «Лествицы»). В: *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 22. (С. 312—328). <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22>

Никонов Н.А. (2025)
Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской
агиографии (предварительные замечания)
Язык и текст, 12(4), 127—137.

Nikonov N.A. (2025)
The Teaching of St. John the Ladder in old Russian
hagiography (preliminary notes)
Language and Text, 12(4), 127—137.

- Dorofeeva, L.G. (2023). Topos of the Ladder in the Life of John of Sinai (based on the Optina translation of the Ladder). In: *Hermeneutics of Old Russian literature*. Issue 22. (Pp. 312—328). (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22>
5. Сборник. РНБ. Q.I.22, XVI век.
Sbornik. RNB. Q.I.22, XVI century.
6. Лепяхин, В.В. (1998). Лествица как полифоничный символ духовной аскетической жизни. В: *Вестник русского христианского движения*, 178, 5—28.
Lepakhin, V.V. (1998). The ladder as a polyphonic symbol of spiritual ascetic life. In: *Vestnik RHD*, 178, 5—28. (In Russ.).
7. Лествичник, И. (2013). *Лествица, возводящая на небо*. 8-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря.
Lestvichnik, I. (2013). *The ladder leading to heaven*. 8th ed. Moscow: Publ. Sretensky Monastery. (In Russ.).
8. Охотникова, В.И. (2001). Краткая редакция жития Евфросина Псковского по рукописи из собрания Овчинникова (РГБ). В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 52. (С. 600—615).
Okhotnikova, V.I. (2001). A short edition of the Life of Evfrosina Pskovskogo based on a manuscript from the Ovchinnikov collection (RGB). In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Vol. 52 (Pp. 600—615). (In Russ.).
9. Пигин, А.В. (2017). Пространная редакция Жития Александра Ошевенского. В: *Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации*. Т. 3. (С. 206—309).
Pigin A.V. (2017). A lengthy edition of the Life of Alexander Oshevensky. In: *Russian Hagiography of Research. Proceedings. Publications*. Vol. 3. (Pp. 206—309). (In Russ.).
10. Пиккио, Р. (2003). *Slavia Orthodoxa: литература и язык*. М.: Знак.
Pikkio, R. (2003). *Slavia Orthodoxa: literature and language*. М.: Znak. (In Russ.).
11. Попова, Т.Г. (2011). *Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности*. Саарбрюкен: LAP LAMBERT.
Popova, T.G. (2011). *The Ladder of John of Sinai in Slavic Literature*. Saarbrücken: LAP LAMBERT. (In Russ.).
12. Попова, Т.Г. (2024). Образ Небесного Иерусалима в Лествице Иоанна Синайского. *Язык и текст*, 11(4), 88—100. <https://doi.org/10.17759/langt.2024110410>
Popova, T.G. (2024). Image of Heavenly Jerusalem in the “Ladder” of John Climacus. *Language and Text*, 11(4), 88—100. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2024110410>
13. Прохоров, Г.М. (2001). Житие Иосафа Каменского. В: С.А. Семячко (ред). *Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри*. (С. 323—349). СПб.: Дмитрий Буланин.

Никонов Н.А. (2025)
Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской
агиографии (предварительные замечания)
Язык и текст, 12(4), 127—137.

Nikonov N.A. (2025)
The Teaching of St. John the Ladder in old Russian
hagiography (preliminary notes)
Language and Text, 12(4), 127—137.

Prochorov, G.M. (2001). The Life of Joasaph of Kamenskoye. In: S.A. Semyachko (ed.). *Book centers of Ancient Russia: Northern Russian monasteries*. (Pp. 323—349). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.).

14. Ранчин, А.М. (2007). *Вертоград златословный: древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях*. М.: Новое литературное обозрение.

Ranchin, A.M. (2007). *Vertograd Zlatoslovny: Old Russian Literature in Interpretations, Analyses, and Commentaries*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).

15. Руди, Т.Р. (2006). О композиции и топике житий преподобных. В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 57. (С. 431—500).

Rudi, T.R. (2006). On the composition and topic of the lives of the Saints. In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Vol. 57. (Pp. 431—500). (In Russ.).

16. Сергеева, А.Г. (Ред.) (2005). Житие Корнилия Комельского. В: *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 13. (С. 304—353).

Sergeeva, A.G. (Ed.) (2005). The Life of Cornelius Komelsky. In: *The Library of literature of Ancient Russia*. Vol. 13. (Pp. 304—353). (In Russ.).

17. Федотова, М.А. (2001). К вопросу о Житии Ефрема Перекомского. В: С.А. Семячко (ред.). *Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри*. (С. 152—198). СПб.: Дмитрий Буланин.

Fedotova, M.A. (2001). On the Question of the Life of Efrem Perekomsky In: S.A. Semyachko (ed.). *Book centers of Ancient Russia: Northern Russian monasteries*. (Pp. 152—198). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.).

Информация об авторе

Николай Андреевич Никонов, аспирант, лаборант-исследователь, Высшая школа коммуникаций и креативных индустрий, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (ФГАОУ ВО "БФУ им. И. Канта"), Калининград, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4884-4427>, e-mail: gis.1974@inbox.ru

Information about the author

Nikolay A. Nikonov, postgraduate student, research assistant, Graduate School of Communications and Creative Industries, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4884-4427>, e-mail: gis.1974@inbox.ru

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

Театральные реформы Луиджи Пиранделло и Антонена Арто: компаративный анализ

С.А. Симонова^{1,2}✉

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

✉ jour2@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Статья посвящена театральным реформам Луиджи Пиранделло и Антонена Арто. **Цель.** Выявить схожие приемы, способы и методы трансформации спектакля для преобразования ценностной иерархии зрителя. **Гипотеза.** Оба театральные деятели понимали театр как возможность эмоционального воздействия на зрителя с целью проникнуть в самые глубины человеческого бессознательного и вернуть современного человека к базовым культурным ценностям. **Методы и материалы.** Для достижения целей исследования автором были применены компаративный, аксиологический, диалектический и культурологический методы анализа творческих идей двух выдающихся деятелей театра, оказавших сильное влияние на современное театральное искусство. Основное внимание уделено ценностным аспектам, отразившимся в лингвистических и технических приемах драматургов. Компаративный метод способствовал исследованию особенностей театрального творчества Пиранделло и Арто, выявлению общего и особенного в их концепциях спектакля. Диалектический и культурологический методы применены для динамического исследования проблемы в определенной культурной среде. **Результаты.** В ходе исследования выявлено, что Пиранделло и Арто осуществляли деконструкцию спектакля для того, чтобы, не отвлекаясь на сюжет, зрители осознали свою зависимость от существующих бездуховных норм, и попытались вернуть себе свою утраченную идентичность. Драматурги по-новому использовали слово в спектакле, стремясь уменьшить роль языка, так как полагали, что слово больше не выражает сущность личности, а выражает только социальную маску. Они исследуют взаимоотношение маски и личности, в котором именно маске отводится ведущая роль, результатом чего становится дегуманизация культуры. Пиранделло и Арто понимают опасность «развлекательной культуры», насаждение банальностей и обманчивой легкости восприятия, что способствует

уходу современного человека от реального положения вещей. Свои экзальтированные спектакли они считают эффективным способом преобразования современного общества. В период культурного кризиса они одними из первых поняли необходимость фундаментальных изменений в обществе и предприняли попытку изменить общество с помощью новаторских спектаклей. **Выводы.** Несмотря на разные подходы к применению новаторских технологий и принадлежность к разным нациям, Пиранделло и Арто ставили перед собой одинаковые творческие цели: пробудить с помощью экзальтированного жесткого театра общественное сознание, вернуть общество к фундаментальным ценностям.

Ключевые слова: театральные реформы, культура, жестокий театр, деконструкция, маска, идентичность, бессознательное, архетип, ценности, национальное объединение, XIX век, романтизм, итальянская литература, дегуманизация

Для цитирования: Симонова, С.А. (2025). Театральные реформы Луиджи Пиранделло и Антонена Арто: компаративный анализ. *Язык и текст*, 12(4), 138—149. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120412>

Theatrical reforms of Luigi Pirandello and Antonin Artaud: a comparative analysis

S.A. Simonova^{1,2}✉

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ jour2@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. This article examines the theatrical reforms of Luigi Pirandello and Antonin Artaud. **Objective.** To identify similar techniques, methods, and approaches to transforming a performance to transform the audience's value hierarchy. **Hypothesis.** Both theatrical figures understood theater as an opportunity to emotionally impact the audience, with the goal of penetrating the depths of the human unconscious and returning modern man to basic cultural values. **Methods and materials.** To achieve the research objectives, the author applied comparative, axiological, dialectical, and cultural methods to analyze the creative ideas of two outstanding theatrical figures who greatly influenced contemporary theatrical art. Primary attention is paid to the value aspects reflected in the playwrights' linguistic and technical methods. The comparative method facilitated the study of the characteristics of the theatrical work of Pirandello and Artaud, identifying the common and specific features in their concepts of performance. Dialectical and cultural methods were applied for a dynamic study of the problem in a specific cultural environment. **Results.** The study revealed that Pirandello and Artaud deconstructed performances so that, without being distracted by the plot, audiences

would recognize their dependence on existing, soulless norms and attempt to reclaim their lost identity. The playwrights used words in performances in a new way, seeking to diminish the role of language, believing that words no longer express the essence of the individual, but only the social mask. They explore the relationship between mask and personality, in which the mask assumes a leading role, resulting in the dehumanization of culture. Pirandello and Artaud understand the dangers of "entertainment culture," the inculcation of banalities and deceptive ease of perception, which contribute to modern man's withdrawal from reality. They consider their exalted performances an effective means of transforming contemporary society. During a period of cultural crisis, they were among the first to understand the need for fundamental change in society and attempted to transform it through innovative performances. **Conclusions.** Despite their different approaches to the use of innovative technologies and their belonging to different nations, Pirandello and Artaud set themselves the same creative goals: to awaken public consciousness with the help of exalted, harsh theatre, and to return society to fundamental values.

Keywords: theatre reforms, culture, cruel theatre, deconstruction, mask, identity, unconscious, archetype, values, national unification, 19th century, romanticism, Italian literature, dehumanization

For citation: Simonova, S.A. (2025). Theatrical reforms of Luigi Pirandello and Antonin Artaud: a comparative analysis. *Language and Text*, 12(4), 138—149. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120412>

Введение

В конце XIX - начале XX вв. европейская культура вступила в период кризиса, закончившегося сменой культурной парадигмы. Этот период стал эпохой крупнейшей в истории переоценки ценностей. Казалось бы, все, веками наработанные творческие приемы исчерпали себя, традиционные ценности разрушены. Представители эстетической мысли первых десятилетий XX века с тревогой писали о стремлении многих творческих личностей погрузиться в бездну душевного хаоса и «интеллектуального отчаяния», об их «горделивой изоляции» в кругу образованной элиты. Эти обвинения сформулированы Томасом Манном в романе «Доктор Фаустус». Скепсис и отчаяние проявлялись в самых различных аспектах: «Иногда это было презрение к недавним богам и святыням – без разбору, иногда страх за будущее, иногда бунт против всего на свете» (Федин, 1973, с. 225).

Архитектоника культуры, базировавшаяся на античных и христианских ценностях, рушится. Появляется потребность в создании новых, более важных, глубинных и постоянных нравственных оснований. В связи с дальнейшей секуляризацией, закономерно приведшей к дискредитации религиозных ценностей, важнейшим проводником онтологических смыслов становится художественное произведение. Оно эмоционально насыщено и доступно каждому, поэтому художник претендует на место творца. Однако он не может больше быть глашатаем истины, не имеет морального права указывать всем, как жить и устанавливать нравственные правила. Художник может лишь добаться до глубинных мироощущений, показать то, что не должно быть, что не является нравственным. Как должно быть, мы обязаны решить сами.

Я – ничто, и я определяю все. «Выбирая себя, мы выбираем всех людей» (Сартр, 1989, с. 324), если Бога нет, то мир – абсурден. Эти идеи звучат лейтмотивом творчества представителей эпохи модерна. Но он существует, этот мир, и мы вынуждены искать свет в конце тоннеля. В процессе таких, казалось бы, абсурдных поисков, сбрасывая привычные, но опостылевшие нам маски, мы можем познать самих себя.

Деятели искусства почувствовали этот кризис раньше. Шарль Бодлер впервые эстетизирует уродливое в своих «Цветах зла» (Бодлер, 2020), показывая современную ему действительность с самой безобразной и порочной ее стороны. Он критикует как натурализм, так и абсолютизацию красоты в искусстве, высказываясь в духе почти что христианского морализма: «Маниакальное отношение к искусству так же губительно, как тирания рационального начала. Деспотическое преобладание любого из них порождает ограниченность, бессердечие, безмерную гордыню и себялюбие» (Маритен, 2004, с. 539). Сегодня поэзия Бодлера стала почти классикой.

Символисты начали первые реформы и в театральной сфере. Морис Метерлинк взывает к молчанию на сцене, не доверяя словам. В молчании скрыты самые важные символы, выводящие зрителя к глубинным смыслам: «искусство не должно быть точным воспроизведением природы, ее материальных видимостей, но выявлением скрытой за ними духовной реальности: природа говорит языком символов» (Маньковская, 2013, с. 5-6).

В опере Берга «Воцек» поднимается та же проблема бесчеловечного отношения к людям. Чувства главного героя втаптываются в грязь и никому в этом жестоком, искореженном техническим прогрессом мире, нет до этого никакого дела. И дело здесь не в безнравственности отдельных злодеев, а в тотальном безразличии обезверившегося общества, потерявшего почву для традиционных заповедей. Музыка оперы какофонична, аккорды и мелодии режут слух. Здесь нет даже намек на великие трагедии прошлого, потому что нет места спасительному катарсису, нет надежды на «свет в конце тоннеля». И средства выразительности выбираются в соответствии с идеей.

Однако революционные сдвиги на театральной сфере справедливо принадлежат таким театральным деятелям, как Луиджи Пиранделло и Антонен Арто, во многом определившим облик модернистского и постмодернистского театра.

Результаты

Итальянец Пиранделло начинал в пространстве веризма, итальянской аналогии французского натурализма и, с некоторыми оговорками, реализма в России. Но если у веристов среда определяет психологию героев, то Пиранделло ставит акцент на отражении действительности в человеческой психике. В пьесе «Шесть персонажей в поисках автора» он трактует внешний факт как «силу судьбы», не поддающуюся осмыслению. Отсюда и ощущение беспросветного одиночества его героев, их попыток абсурдного бунта. Это сближает его со многими модернистами и представителями театра абсурда. Пиранделло не анализирует социальные связи своих персонажей, он предпринимает попытки погрузиться в бессознательное, и добивается этого несколькими способами. Во-первых, для того, чтобы пробиться в глубины зрительского бессознательного, Пиранделло намеренно деконструирует классическое сценическое действие.

В его пьесе никто из действующих лиц не представляет собой целостной личности, которая, по сути своей, должна быть ориентирована на социум, быть неоднозначной,

многогранной, взаимодействующей с разными аспектами действительности: его персонажи сужаются до уровня элемента некоей системы. Взаимодействуя между собой, они диалектически изменяют систему, в данном случае, спектакль. В пьесе «Шесть персонажей в поисках автора» изначально создается парадоксальная ситуация: репетицию спектакля срывают шесть персонажей, утверждающих, что автор не завершил их образы, и требуют от режиссера и актеров «завершения гештальта».

Таким образом, и зрители становятся частью спектакля. По сути, прием «театр в театре» не новаторство Пиранделло в контексте эволюции западноевропейского театра. Но он его использует для выражения своих оригинальных театральных идей, в соответствии с реалиями нового века. Опираясь на традицию «театра в театре» Уильяма Шекспира («Укрощении строптивой»), Пьера Корнеля (Иллюзия) и т.п., Пиранделло преследует другую цель, а именно – деконструкцию пьесы. Даже жанрово пьесу определить почти невозможно. Все персонажи испытывают перманентные страдания, жалуются, нападают друг на друга, в конце спектакля погибают дети. И можно было бы назвать пьесу трагедией, однако пьеса сюжетно не целостна. Здесь только намечена пара эпизодов: отец отправляется в очередной раз в публичный дом и чуть не совершает инцест с дочерью, занимающейся проституцией, маленький мальчик стреляется в финале пьесы, девочка погибает в бассейне. Но единая сюжетная линия отсутствует, поэтому точно жанр пьесы определить не представляется возможным.

Персонажи Пиранделло люди с непростым прошлым, испытывающие сильные чувства, при этом зафиксированные каждый в своей роли, носящие определенные маски. Еще древнегреческий театр использовал маски не в фигуральном, а в прямом смысле этого слова. Однако эти маски имели другое предназначение. В античном театре маска способствовала уточнению и усилению художественного образа, а также, в силу специфики своего строения маска усиливала звук (Кулишова, 2014). В итальянской комедии дель арте маски выполняли несколько функций: корректировали актерскую игру, не позволяя актерам выйти за границы установленных шаблонов; усиливали комический эффект; способствовали моментальному узнаванию персонажей (Бояджиев, 1942).

Пиранделло во многом следует театральным традициям, связывая фигуральные маски своих персонажей с определенной социальной ролью. Социальная маска контролирует поведение героев, и они не могут выйти за очерченные ею границы. Однако Пиранделло усиливает психологический контекст. Социально-психологическая маска предопределяет поведение каждого из шести персонажей. Они жаждут вырваться на свободу, изменить свои судьбы, поэтому неподконтрольны режиссеру, они сами хотят переконструировать свои жизни, поэтому ожидаемый спектакль деконструируется на глазах зрителя, превращается в некий хаос. Персонажи ведут себя напористо и истерически-агрессивно, до последнего надеясь сорвать с себя маски-роли. Герои раз за разом предпринимают безуспешные попытки вырваться из заданного пространства (абсурдный бунт), они испытывают серьезный, практически невыносимый конфликт между своим подлинным «Я» и статусной ролью. Атмосфера накаляется, передается зрителям. Однако их свобода иллюзорна, они не могут изменить намеченную бросившим их автором (Богом, Создателем) линию своих судеб. Так проявляется основной конфликт театра Пиранделло: столкновение личности и маски.

Пиранделло увлекся экспериментами в области бессознательного, внимание к которому привлекли Зигмунд Фрейд и Фридрих Ницше: «для понимания и интерпретации смыслов художественного произведения следует провести анализ аспектов, связанных со сферой

бессознательного» (Симонова, 2022, с. 85). Иррациональное, бессознательное, сила инстинктов стали гораздо интереснее реалистического психологизма, когда привычный мир стал рушиться на глазах.

Каждый герой доказывает окружающим свою «правду», однако, как говорил герой пьесы Сартра, Гарсен, «ад – это Другие» (Сартр, 1996, с. 111), потому что другие видят ситуацию по-своему, не признают оправдывающих героев обстоятельств. Автор винит в этом взаимном непонимании речь, которая традиционно считается одним из важнейших средств коммуникации. «В словах-то именно все зло и есть! В каждом из нас – целый мир, и в каждом – этот мир свой, особенный. Как же мы можем понять друг друга, господи, если в свои слова я вкладываю только то, что заключено во мне, а собеседник мой улавливает в них лишь то, что согласно с его собственным миром? Мы только думаем, что друг друга понимаем, а на деле нам никогда не столкнуться!»¹.

Таким образом, конфликт натуралистического художественного произведения, заключающийся в столкновении личности и общества, заменяется у Пиранделло проблемой несоответствия реального облика человека и представлений о нем окружающих. Для итальянского драматурга физиология важнее среды, именно физиология через бессознательное формирует индивидуальное сознание. Пиранделло расщепляет целостный факт, столь любимый писателями-натуралистами, на мелкие элементы, на внезапные случаи, и таким образом вводит в спектакль чистое движение, подобно футуристам в живописи.

Пиранделло пришел к выводу, что «я» и «идентичность» суть утраченные понятия в его эпоху: современные ему люди стремятся скрыть свою идентичность, поэтому надевают на себя статусные и психологические маски, личины. Здесь можно провести некоторые аналогии с теорией «архетипов» Карла Густава Юнга. Юнгианская психология четко просматривается у персонажей Пиранделло, где практически отсутствует идентичность. По сути, всех героев этой пьесы можно считать проекциями одной личности. Одна из характеристик Анимы, принцип Эроса, проходит лейтмотивом в образе Падчерицы. Не случайно она действует провокационно по отношению ко всем мужчинам этой пьесы (Бушуева, 2017, с. 9). Падчерицу можно назвать неким аналогом и, одновременно, антиподом Сонечки Мармеладовой из романа «Преступление и наказание» Федора Достоевского (Достоевский, 2022). Однако героиня Достоевского парадоксально воплощает христианские ценности, такие как самопожертвование и милосердие. Падчерица же полностью лишена человеколюбия.

Тяжелая жизненная ситуация вынуждает ее стать проституткой. На протяжении всей пьесы она то впадает в агрессию, то игриво бежит по лестнице, то поет и танцует, выкрикивает провокационные фразы: «Чего стыдиться? Просто я решила отомстить. Мне и сейчас жутко вспомнить эту сцену! Представьте комнату... Здесь вешалка, там диван-кровать, зеркало, ширма, а перед окном – тот самый столик красного дерева, и на нем синий конверт с деньгами. Я вижу конверт... Стоит протянуть руку – и он мой... Отвернитесь,

¹ Пиранделло, Л. *Шесть персонажей в поисках автора* [Электронный ресурс]. URL: https://libsmr.ru/_RideAndRead/3/%D0%9F%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%BE%20%D0%9B%D1%83%D0%B8%D0%B4%D0%B6%D0%B8/%D0%A8%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%B9%20%D0%B2%20%D0%BF%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%85%20%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0.pdf

синьоры, ведь я почти голая!.. Теперь уж я не краснею – краснеет он... (Показывает пальцем на Отца.) Но тогда, уверяю вас, он был бледен, как мертвец. (Директору.) Даю вам слово!». У Пиранделло каждый из шести персонажей выражает, но предельно, только одно чувство, о чем он и пишет в ремарке перед пьесой. Если Отец воплощает угрызения совести, то Падчерица переполнена чувством мести, Сын на протяжении всей пьесы сохраняет презрение, а Мать является воплощением страданий. Но, по сути, семья в пьесе Пиранделло – маленькая модель больного общества, и, показывая психологическое «раздевание» своих персонажей, автор предпринимает попытку показать обществу его внутреннее разложение, подтолкнуть тем самым к кардинальным изменениям.

Пиранделло видит истоки разрушения итальянской драматургии, как и всего итальянского искусства в недавних событиях своей страны. Рисорджименто успешно завершилось, но его участники разочарованы в своих идеалах: одни погрузились в скептицизм, другие – в религию. Молодое поколение этически опустошено, оно не видит смыслов своего существования. Через полвека подобный декаданс случится во Франции: молодежный бунт 60-х сами участники назовут «Ирреволюцией» (Лене, 2000). По сути, вечная тема человеческой культуры – разочарование в идеалах после самоотверженной борьбы за их воплощение в действительности. Может быть, интуитивно чувствуя это, Пиранделло выдвигает индетерминизм в качестве «универсального закона» человеческой экзистенции.

Итальянский драматург, остро ощущая культурный разлом, предпринимает попытку внести «поправки» с помощью искусства. Он не предлагает идеальный выход, он констатирует кризис, усматривая истоки в истории, породившей психологический, экзистенциальный и нравственный разлад, мучающий, разрушающий современного человека. Его маски-роли через вполне понятные инстинкты говорят зрителю гораздо большее, говорят об утраченных идеалах, разочаровании в божественном провидении, надеждах на него, о том, что мир распадается на обесмысленные элементы, заключающие в себе только примитивные желания, что в свою очередь, может привести только к беспросветному финалу общечеловеческой трагедии.

Антонен Арто – поэт, теоретик искусства, режиссер и актер. Вторая интересная фигура в сфере театральных реформ первой половины XX века. Арто, подобно другим своим современникам, умаляет достижения прошлого. Один из основателей скандально известного движения «Дада» Тристан Тзара заявил публике, что все ее кумиры и идеи ничего не значат, хотя, по большому счету, дадаисты были своеобразными романтиками, верящими в добро, веру в которое утратило, по их мнению, современное им общество. Арто мыслит во многом так же, выдвигая идею так называемого «жестокоего» театра. Он полагает, подобно Пиранделло, что прошлая культура утратила связь с реальностью и спектакль может быть средством для изменения сознания обезверившегося общества. Театр должен стать самостоятельным феноменом, взять на себя роль «второй реальности», и заставить современное общество выбрать другой путь. По этому поводу А. Арто пишет: «Театр, подобно чуме, – это кризис, который разрешается либо смертью, либо выздоровлением» (Арто, 1993, с. 62). Новый театр способен пробудить дремлющее сознание современного ему зрителя с помощью натуралистических приемов, изображений кошмаров, порой откровенного издевательства над публикой. А. Арто определяет высший уровень развития авангардного театра, который для него не был реальным отражением жизни; это был процесс, параллельный самой жизни.

Мир, если не абсурден, то жесток, поэтому театр, по мнению французского драматурга, невозможен без определенного элемента жесткости, лежащего в основе спектакля. Арто утверждает, что «в том состоянии вырождения, в котором мы все пребываем, можно заставить метафизику войти в душу лишь через кожу» (Арто, 1993, с. 108). Жестокость в эстетике А. Арто есть способ обнаружения подлинной реальности, когда человек остается один на один с «космической суровостью». Французский драматург и режиссер, подобно Пиранделло, не доверяет словам, он предлагает говорить со зрителем языком танца, музыки, символических жестов и отказаться от слов, воплощающих европейский рационализм.

В театре Арто главным лицом является режиссер, который должен создавать на сцене все максимально мрачное и ужасное, минимизировать логику и применять алогизмы. Непонятные выкрики, отдельные слова кажутся Арто более выразительными, чем ясные и законченные по смыслу фразы. Пластика должна возобладать над речью, потому что подлинный язык современного театра, с точки зрения Арто – это «язык знаков, жестов и поз». Арто особенно тщательно разрабатывает вопрос о ритуальном «иероглифическом» языке мизансцен, потому что лучше слов передает экзальтацию и экстаз сценического действия. Спектакль должен создать некую «надреальность», сюрреализм, и здесь крайне важна актерская экзальтация.

Арто считает, что европейский театр потерял мистическое ощущение Рока, присущее античному театру; рассуждать о нравственности в традиционном европейском понимании кощунственно, ибо очевидно, что современный человек потерял свою исключительность и свое величие. Арто, так же, как и Пиранделло, последовательно осуществляет эстетизацию уродливого. Он расширяет и видоизменяет само пространство эстетического, включая в него элементы политики, социологии, религии и, конечно же, этики.

Подобно Пиранделло, Арто уходит в иррационализм и царство бессознательного. Он обращается к восточному (и не только) мистицизму, отрицая рациональные устремления Запада; он трактует спектакль как ритуал, возвращая его даже к более первобытному периоду, когда представления и были частью ритуала. И ритуал этот не был чужд жестокости.

Арто требует от театра не просто заинтересовать зрителя и заставить его задуматься, он жаждет потрясения от бесконечного проникновения в бессознательное. Это сродни древнегреческим трагедиям, где герои подчинены Року, совершают жестокие, с точки зрения классического гуманизма, поступки. Вспомним Агамемнона, обрекшего на смерть свою дочь Ифигению, потому что оракул, олицетворяющий судьбу, повелел сделать это, чтобы победить в битве. Поразительно и страшно в этой трагедии то, что сама девочка-подросток принимает свою судьбу и добровольно приносит себя в жертву. Или Ореста, убившего свою мать по велению богов, хотя он лично не испытывал к ней ненависти и вообще не помнил ее. Или Медею, заколовшую собственных детей. Но, как писал Андре Боннар, разве не сидит в каждом из нас, в глубинах его бессознательного это чудовище Медея? (Боннар, 1994, с. 108). И разве мы так сильно изменились с тех давних пор?

Подобно древним авторам, Арто стремится вызвать у зрителей эмоциональный шок, полагая, что подлинный театр сродни чуме не с точки зрения его «заразности», а потому, что, как и чума, раскрывает в человеке, выносит из глубин его бессознательного изначальную, архаическую жестокость, проявляющуюся как в отдельном человеке, так и в целом обществе. Отсюда и стремление драматурга к преувеличениям, и требование того,

чтобы театр стал «душевной терапией». Подобно греческим авторам, он желает «очистить» человека с помощью страданий (катарсис). Арто раскрывает в спектакле древние инстинкты, базирующиеся на грубой эротике и насилии. Предлагая показать на сцене историю Маркиза де Сада, он разрушает культ эротизма в гуманистическом его понимании, выдвигая на первый план жестокость основного инстинкта. В «Первом манифесте театра жестокости» он утверждает о том, что театр сможет выполнить свою миссию только тогда, когда доведет зрителя до бессознательного состояния и высвободит у него все инстинкты преступления, вплоть до каннибализма. Тем самым, замороженный современной культурой рациональный западный интеллект получит шанс вернуться к себе, вновь обрести настоящую, а не навязанную, любовь к жизни.

Арто обращается и к опыту средневековых мистерий, которые вовлекали в свое сакральное пространство зрителей целиком, без остатка, когда горожане забывали о том, что смотрят спектакль, они ощущали себя частью этого представления, погружаясь в коллективное бессознательное, раз за разом переживая свою вину за распятие Христа. Федор Достоевский удивительным образом сконцентрирует идею о чести и достоинстве человека в православном аспекте, сказав устами своего героя, что весь мир не стоит слезинки одного ребенка (Достоевский, 2025). Достоевский писал в ту неоднозначную эпоху, когда детский труд считался обычным явлением, когда неравенство процветало, а красивые идеи далеко не всегда воплощались в реальности.

Жестокий театр противопоставлен мещанскому благополучию и стремлению к развлекательности. Арто не хотел, чтобы театр стал «равнодушным искусством», он не принимал «развлекательного театра». Он требовал чувства опасности, удивления, безграничных эмоций. В начале XX века стала развиваться массовая культура, направленная во многом на развлечение масс, их отвлечение от насущных проблем. Не случайно, Х. Ортега-и-Гассет в известной работе «Дегуманизация искусства» рассматривает формы художественной абстракции как протест против чрезмерного «омассовления» искусства, против угождения безликому и духовно нивелированному «человеку-массе». Настоящие художественные ценности, по мнению философа, могут адресоваться лишь к узкому кругу интеллектуальной элиты Ортега-и-Гассет, 1991). Закономерным результатом такого развития цивилизации стала культура «общества потребления», сформировавшаяся во второй половине XX века.

Арто полагает, что «я» и «идентичность» – понятия, утраченные и недостижимые для современного человека. Он подчёркивал, что все люди носят маску, скрывающую их идентичность, и эта мысль близка к идеям Пиранделло. Но, поскольку Арто понимает театр как двойник реальной жизни, он полагает, что театр способен изменить идентичность современного ему зрителя, помочь ему «осознать себя заново». Драматург трактует театр и как ритуал, участники которого получают опыт жестокости, в результате которого испытывают катарсис. Идеи Арто оказали серьезное влияние на абсурдный театр (Ж. Жене, Э. Ионеско, С. Беккет). Представители абсурдной драмы также погружают зрителя в метафизику одиночества и «отлучения от жизни», говорят о том, как «ужасно быть человеком», потому что сама человеческая жизнь есть всего лишь «ужасный фарс», болезнь человеческого духа.

И сегодня эти идеи снова актуализируются. Аристотелевский идеал катарсиса изменился к концу XIX века, но еще сильнее он трансформировался в наши дни, по сути, превратившись в свою противоположность. Задача театра, по мнению Арто, вскрыть гнойники современного

общества, вернуть человеку человеческое. Драматург надеется на преобразование человека, пусть с помощью жестокости, но возможно ли преобразование пороком, ужасом и тьмой?

Выводы

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. Пиранделло и Арто целенаправленно осуществляют деконструкцию спектакля для того, чтобы, погружая зрителя в глубины бессознательного, помочь вернуть ему свою утраченную идентичность.
2. Оба исследуют сущность человека и маску, которую он носит среди людей, полагая, что маска закрепощает человека, заставляя его существовать в определенных рамках, поставленных современной дегуманизированной культурой.
3. Осуждают развлекательное искусство, банальность, уход от реальных проблем. Тем самым они критикуют нарождающееся «общество потребления», где идентичность размывается, желания навязываются извне, а архитектоника фундаментальных ценностей заменяется потребительскими клише.
4. Пиранделло и Арто понимают театр как средство пробуждения и преобразования человека.

Своими новаторскими приемами (деконструкция спектакля, уменьшение значимости слова) драматурги предвосхищают идеи постмодернизма, представители которого говорят о разрыве традиционных связей, о дегуманизации и отсутствии фундаментальных смыслов и ценностей.

Список источников / References

1. Арто, А. (1993). *Театр и его двойник*. Москва: Театр Серафима Мартис.
Artaud, A. (1993). *The Theater and its Double*. Moscow: Teatr Serafima Martis. (In Russ.).
2. Бодлер, Ш. (2020). *Цветы зла*. Москва: АСТ.
Baudelaire, C. (2020). *Les Fleurs du Mal*. Moscow: AST. (In Russ.).
3. Боннар, А. (1994). *Греческая цивилизация* (Т. 2). Ростов-на-Дону: Феникс.
Bonnard, A. (1994). *Greek Civilization* (Vol. 2). Rostov-on-Don: Feniks. (In Russ.).
4. Бояджиев, Г.Н., Дживелегов, А.К. (1942). *История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года*. Москва; Ленинград: Искусство.
Boyadzhiev, G.N., Dzhivelegov, A.K. (1942). *History of Western European Theater from its Origins to 1789*. Moscow; Leningrad: Iskusstvo. (In Russ.).
5. Бушуева, Т.И. (2017). Роль Анимы в развитии личности мужчины в концепции К.Г. Юнга. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 6(2А), 237–249.
Bushueva, T.I. (2017). The role of Anima in the development of male personality in K.G. Jung's concept. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Man*, 6(2A), 237–249. (In Russ.).
6. Достоевский, Ф.М. (2022). *Преступление и наказание*. Москва: Азбука.

- Dostoevsky, F.M. (2022). *Crime and Punishment*. Moscow: Azbuka. (In Russ.).
7. Достоевский, Ф.М. (2025). *Братья Карамазовы*. Москва: Азбука.
Dostoevsky, F.M. (2025). *The Brothers Karamazov*. Moscow: Azbuka. (In Russ.).
8. Кулишова, О.В. (2014). *Античный театр: организация и оформление драматических представлений в Афинах в V в. до н.э.* Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия.
Kulishova, O.V. (2014). *Ancient Theater: Organization and Design of Dramatic Performances in Athens in the 5th Century BC*. St. Petersburg: Humanitarian Academy. (In Russ.).
9. Лене, П. (2000). *Ирреволюция*. Москва.
Lene, P. (2000). *Irrevolution*. Moscow. (In Russ.).
10. Маньковская, Н.Б. (2013). Художественно-эстетические константы французского символизма. В: В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская (ред.), *Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда* (Вып. 6, с. 3–29). Москва: Институт философии Российской академии наук.
Mankovskaya, N.B. (2013). Artistic and aesthetic constants of French symbolism. In V.V. Bychkov, N.B. Mankovskaya (Eds.), *Aesthetics: Yesterday. Today. Always* (Iss. 6, pp. 3–29). Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
11. Маритен, Ж. (2004). *Избранное: Величие и нищета метафизики*. Москва: Российская политическая энциклопедия.
Maritain, J. (2004). *Selected Works: The Grandeur and Misery of Metaphysics*. Moscow: Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya. (In Russ.).
12. Ортега-и-Гассет, Х. (1991). *Дегуманизация искусства*. Москва.
Ortega y Gasset, J. (1991). *The Dehumanization of Art*. Moscow. (In Russ.).
13. Сартр, Ж.-П. (1989). Экзистенциализм – это гуманизм. В: *Сумерки богов* (с. 319–345). Москва: Издательство политической литературы.
Sartre, J.-P. (1989). Existentialism is humanism. In *Twilight of the Gods* (pp. 319–345). Moscow: Izdatelstvo Politicheskoy Literatury. (In Russ.).
14. Сартр, Ж.-П. (1996). За закрытыми дверями. В: *Философские пьесы* (с. 75–112). Москва: Канон.
Sartre, J.-P. (1996). No Exit. In *Philosophical Plays* (pp. 75–112). Moscow: Kanon. (In Russ.).
15. Симонова, С.А., Аталян, Г.Б. (2022). К вопросу об эволюции искусства в XX–XXI вв.: культурологический анализ. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*, 24(84), 84–92. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2022-24-84-84-92>
Simonova, S.A., Atalyan, G.B. (2022). On the evolution of art in the XX–XXI centuries: A culturological analysis. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk. Sotsial'nye, Gumanitarnye, Mediko-Biologicheskie Nauki*, 24(84), 84–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2022-24-84-84-92>
16. Федин, К. (1973). *Илья Эрненбург. Писатель. Искусство. Время* (3-е изд., доп.). Москва.

Симонова С.А. (2025)
Театральные реформы Луиджи Пиранделло и Антонена
Арто: компаративный анализ
Язык и текст, 12(4), 138—149.

Simonova S.A. (2025)
Theatrical reforms of Luigi Pirandello and Antonin
Artaud: a comparative analysis
Language and Text, 12(4), 138—149.

Fedin, K. (1973). *Ilya Ehrenburg. Writer. Art. Time* (3rd ed., enl.). Moscow. (In Russ.).

Информация об авторе

Светлана Анатольевна Симонова, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); профессор кафедры гуманитарных наук, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: jour2@yandex.ru

Information about the author

Svetlana A. Simonova, Doctor in Philosophy, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Moscow State University of Psychology and Education; Professor, Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: jour2@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

**ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL
BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES**

Научная статья | Original paper

**Невербально-семиотические особенности образа политика в
современном мультимодальном дискурсе**

Р.В. Агаджанян¹✉, Е.В. Яковлева²

¹ Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская
Федерация

✉ ce3ar2006@yandex.ru

Резюме

Целью данной статьи является анализ невербальных и семиотических практик, связанных с образами политических лидеров, созданными или воспроизводимыми искусственным интеллектом, и коммуникативных эффектов, которые такие образы могут оказывать на восприятие политической власти в современном мультимодальном дискурсе. Основное внимание будет уделено тому, как визуальная составляющая видео сочетается с символикой животных, стилизованных под определенную страну и ее политический нарратив. Гипотезой исследования является утверждение о том, что сгенерированные ИИ изображения политических деятелей за счет своей невербально-семиотической составляющей оказывают влияние на восприятие аудитории, усиливая легитимность власти. Это достигается за счет ассоциаций лидеров с архетипическими символами силы и сакральности, формируя в сознании аудитории подсознательное принятие их авторитета. Ожидаемый результат данного исследования поможет обогатить теорию невербальной лингвистики и семиотику образов власти в цифровую эпоху, а также позволит установить возможную взаимосвязь между визуальной политической риторикой и восприятием аудитории с точки зрения лингвистических и культурно-прагматических стратегий.

Ключевые слова: невербально-семиотические единицы, образ политика, зоосимвол, ИИ, эстетическое воздействие, мультимодальный дискурс

Для цитирования: Агаджанян, Р.В., Яковлева, Е.В. (2025). Невербально-семиотические особенности образа политика в современном мультимодальном дискурсе. *Язык и текст*, 12(4), 150—163. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120413>

Non-verbal and semiotic features of the image of a politician in context to multimodal discourse

R.V. Agadzhanyan¹✉, E.V. Yakovleva²

¹ Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ ce3ar2006@yandex.ru

Abstract

This paper therefore aims to analyze the non-verbal and semiotic practices associated with images of political leaders created or reproduced by artificial intelligence, and the communicative effects that such images might have upon the perception of political power in contemporary multimodal discourse. It will concentrate on how the visual component, as a video, combines with the symbolism of animals stylized to represent a certain country and its political narrative. The research hypothesis is that AI-generated images of political figures influence the audience's perception by their non-verbal and semiotic components, enhancing the legitimacy of power. This is achieved through the association of leaders with archetypal symbols of strength and sacredness, creating a subconscious acceptance of their authority in the audience's minds. The expected outcome of this study will help to enrich the theory of non-verbal linguistics and the semiotics of power images in the digital era, together with investigating the possible relationship between visual political rhetoric and audience perception in terms of linguistic and cultural-pragmatic strategies.

Keywords: non-verbal semiotic units, politician image, zoosem, artificial intelligence, aesthetic impact, multimodal discourse

For citation: Agadzhanyan, R.V., Yakovleva, E.V. (2025). Non-verbal and semiotic features of the image of a politician in context to multimodal discourse. *Language and Text*, 12(4), 150—163. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120413>

Введение

В XXI веке на фоне активных изменений в геополитической сфере все большее значение приобретают создаваемые искусственным интеллектом и транслируемые СМИ характеристики образа страны и ее политического лидера. Личностные особенности политика и его роль в событиях широкого политико-экономического контекста выходят на первый план и воспринимаются целевой аудиторией как содержательно более релевантные и эстетически значимые, что определяет больший интерес к этим характеристикам в сравнении с потенциальной вовлеченностью аудитории в историко-культурный контекст данного региона и его роль в мировых политико-экономических процессах.

Поскольку наиболее массовым методом ознакомления пользовательской аудитории с продуктами СМИ является просмотр коротких видеороликов, в том числе политического содержания, степень их художественной выразительности определяет их успешность, и возможности воздействия на пользователей. Не вызывает сомнения, что воздействие выше описанной продукции сегодня имеет большее значение для массовой аудитории в сравнении

с аналитическими публикациями под броскими заголовками, актуальными статическими и динамическими элементами цифрового оформления и даже политической карикатурой.

ИИ, обладающий неограниченными возможностями в генерировании образов и отдельных невербальных элементов, способен отбирать ассоциирующиеся с определенным политиком черты, и создавать такие продукты, которые не только представят данный регион в запоминающейся форме, но и произведут на массовую аудиторию сильное эстетическое воздействие за счёт многопланового сочетания невербально-семиотических средств.

Актуальность исследования вызвана современной тенденцией к сосуществованию людей в контексте мультикультурного разнообразия, а также необходимостью налаживания общекультурного общения не только между соседними, но и относящимися к разным частям мира регионами, что связано в немалой степени с восприятием образа этой страны массовой аудиторией.

Цель данного исследования состоит в систематизации невербальных семиотических практик, использующихся в создании образов политических лидеров, созданных и воспроизводимых ИИ, а также в исследовании коммуникационных эффектов таких образов на восприятие политической власти в современном мультимодальном дискурсе.

Задачи, направленные на реализацию данной цели:

- 1) определить, как сочетание визуальных невербально-семиотических элементов усиливает или смещает акцент в восприятии образа аудитории;
- 2) определить влияние аудиторных стратегий на формирование критического восприятия сообщений политико-экономической тематики и особенности соблюдения этических норм коммуникации в их обсуждении;
- 3) сформулировать рекомендации по созданию материалов академического дискурса и практических материалов по обучению иностранным языкам с учетом выявленных особенностей материалов СМИ.

Материалом для данной статьи послужила литература по невербальной коммуникации (Журавлева, 2020, Крейдлин, 2004), политической семиотике (Шейгал, 2004, Tønnessen, Tüür, 2014), визуальной лингвистике (Kress, Van Leeuwen, 2020, Danesi, 2017, Lompe, Wicher, 2020); систематизации подходов к интерпретации образов власти в мультимодальном дискурсе (Байкова, 2022, Свирчевский, 2021, Erisen, 2023, Stoyanov, Rossen, 2023).

Не осталась за рамками исследования и этическая составляющая, которая включала в себя критический анализ использования ИИ для создания образов политических лидеров, в том числе вопросы манипуляции восприятием (Berger, 2019), авторского права и прозрачности источников (Yang, 2024).

С точки зрения теоретической лингвистики данное исследование нацелено на углубление понимания значения невербальной семиотики политических образов, созданных ИИ, что приводит к необходимости учитывать роль мультимодальных факторов в конституировании политической идентичности и легитимности.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе принципиально нового объекта — антропоморфно-анималистических образов политических лидеров, генерируемых ИИ, что отличает его от предшествующих работ по визуальной семиотике власти, которые фокусировались преимущественно на «естественных» визуальных репрезентациях в традиционных медиа (Крейдлин, 2004, Kress, Van Leeuwen 2020). В отличие от них, настоящая работа системно исследует синергию алгоритмически

сгенерированных невербальных кодов и культурно-специфической зоосимволики, а также их совокупное воздействие на восприятие в условиях современного цифрового дискурса, интегрируя лингвосемиотический анализ с этико-прагматическим подходом к проблеме манипуляции.

Научная новизна этого исследования в том, что впервые проводится комплексный анализ принципиально нового объекта. Речь идет об антропоморфно-анималистических образах политических лидеров. Эти образы генерирует ИИ. Такое положение дел отличает работу от предыдущих исследований в области визуальной семиотики власти. Выше упомянутые исследования в основном сосредотачивались на естественных визуальных представлениях. Они касались традиционных медиа (Крейдлин, 2004, Kress и Van Leeuwen, 2020). В отличие от них, настоящая работа системно изучает синергию алгоритмически созданных невербальных кодов и культурно специфической зоосимволики. Кроме того, анализируется их общее влияние на восприятие аудитории. Это происходит в условиях современного цифрового дискурса. При этом интегрируется лингвосемиотический анализ, который сочетается с этико-прагматическим подходом к проблеме манипуляции.

Вклад статьи заключается в систематизации подходов к сопоставлению невербальных и визуальных стратегий в политико-экономическом дискурсе, с акцентом на синтез и анализ образов, созданных с использованием ИИ.

Материалы и методы

В целях исследования проводился отбор видеоматериалов с изображением политических лидеров, сопровождаемых животными-символами, заимствованными из открытых источников и архивов с соблюдением этических норм публикации и закона об авторском праве. Отобранный материал включал случаи, где образ лидера был частично синтезирован или реконструирован с применением ИИ.

С учетом мультимодального характера материала исследования применялся метод филологического описания невербальных характеристик, который опирался на анализ способов кодирования мимических и кинестетических проявлений, обращений к применению типичных кинематографических ракурсов в статике и динамике и общей аккомодации образа политики и животного.

При этом семиотический анализ предполагал интерпретацию знаковых единиц, значений и коннотаций, также выявление случаев многозначности и потенциала интертекстуальности через культурно-генеративные коды, а исследование влияния мультимодальности на восприятие политического нарратива проводилось в рамках теорий контекстуализации и прагматической интерпретации.

С опорой на справочную литературу предполагается выявление различий по регионам и культурным кодам, где конкретные животные и их атрибуты усиливают или ослабляют доверие, авторитет и легитимность лидера страны и его власти¹.

Ниже следующее изложение посвящено тому, как невербальные сигналы и визуальная семиотика в сочетании с символикой животного способны создать устойчивые образные коннотации лидерства, которые могут быть несоразмерно более влиятельны по сравнению с текстовой, вербальной риторикой.

¹ Сетевой анализ взаимосвязи зоосимволов и стран: URL: <https://animalko.com/animals-that-stand-as-national-symbols-around-the-world/> (дата обращения: 22.09.2025).

Результаты

Итак, видеоматериалы, где лидеры стран изображены в сопоставлении с символическими животными²,³, формируют абсолютную узнаваемость (идентификацию политического образа), опирающуюся на универсальные зрительно считываемые архетипы (силы, мудрости, политического опыта, быстроты принятия решений и т.д.), что способствует закреплению конкретных ассоциаций в восприятии аудитории.

Как можно заметить, анимированные образы, созданные с использованием ИИ, демонстрируют уникальные невербальные детерминанты: мимика, жесты, поза, компоновка кадра и кинематографические приемы, которые могут обходить традиционные медийные стереотипы, создавая новые семиотические коннотации и формируя эстетическое отношение к интерпретации политической позиции персонажа.

Мы предполагаем, что взаимодействие символики животных и генеративно-синтетических образов лидеров формируют многоуровневую многозначность, где визуальная семиотика сочетается с контекстуальными признаками (культурными кодами страны, политическими нарративами, лингвистическими стратегиями), усиливая объективную и субъективную стороны восприятия образа.

Так, например, в информационных ресурсах распространены видеоролики длительностью (1 минута, 05 секунд; 1 минута и 30 секунд; 3 минуты), содержание которых сводится к последовательному представлению от 10 до 15 лидеров разных стран, индивидуальные особенности которых подчеркиваются окружающими их зоосимволами экспозиционного характера. Интересно также и то, что сгенерированный с помощью ИИ образ политика, обладает характеристиками, которые не только позволяют узнавать в нем конкретного политического лидера, но и делают его реалистичной копией фактического изображения данного человека.

Можно проанализировать, за счёт каких характеристик иконических изображений генерируемый ИИ финальный продукт превращается в законченное произведение информационного искусства.

Обсуждение результатов

Выделим несколько параметров сравнения. Нами были отобраны 2 ролика, в каждом из которых лидер страны показан в компании животного-зоосимвола этого региона. Мы предлагаем проанализировать изображение внутри обоих роликов, чтобы понять, как в заданной стилистике воплощаются характерные особенности региона, передаваемые в образе лидера и зоосимвола, а затем на последующем этапе сравнить результаты анализа и прийти к выводу о том, какие возможности ИИ были использованы в обоих роликах с целью выявления типичных особенностей образа того или иного региона.

Ролик 1 «Фантастические образы лидеров стран с животными» ориентирован на зрительскую аудиторию, символизируя то, что все показанные лидеры стран занимают активную политическую позицию и готовы отстаивать интересы своих стран и народов,

² Фантастические образы лидеров стран с символами животных. URL:
<https://yandex.ru/video/preview/645126146269998838> (дата обращения: 22.09.2025).

³ Мощные животные представляют силу разных стран. URL:
<https://yandex.ru/video/preview/15147604807005458368> (дата обращения: 22.09.2025).

соревнуясь с другими лидерами. Животные-зоосимволы этих стран все представлены в схожей стилистике. Они крупнее фигуры лидеров и идут на шаг позади них.

Проанализируем, какие животные поддерживают своими атлетическими изображениями лидерство представленных политиков-лидеров в данном видео.

В первом эпизоде ролика перед нами предстает весьма агрессивный образ орла, исполненный большой физической силы, ассоциирующийся со скоростью принятия решений и непобедимостью в контактном единоборстве. Он одет в средства индивидуальной защиты гладиаторов поздней Римской Империи, набедренная повязка которого представляет флаг США. Зоосимвол и лидер идут по проезжей части очевидно широкой улицы крупного города США. Политический лидер, идущий впереди зоосимвола, ассоциируется с 47-ым президентом США Дональдом Трампом, поскольку его возраст, общая конституция, тип причёски и выбор делового костюма с красным галстуком об этом свидетельствует, хотя черт портретного сходства с лидером-прототипом немного. При том, что эмоция, выраженная лицом лидера и эмоция, передаваемая головой птицы, совпадают и могут быть охарактеризованы как суровая агрессивность, атлетические характеристики фигуры лидера уступают подчёркнутому атлетизму фигуры орла. Интересно также и то, что на поясе зоосимвола изображен стилизованный герб Министерства Обороны США, а в руке орла угадывается грозное оружие Томагавк. На лацкане пиджака лидера обнаруживается череп, что может быть интерпретировано как свойственная карикатурным иконическим изображениям отсылка к недавно принятым политическим решениям, таким как переименование Министерства Обороны США в Министерство Войны и парадоксальное стремление лидера-прототипа к номинированию на получение Нобелевской премии мира. Можно сделать вывод о том, что общая оценка этого лидера и его зоосимвола является критической и свидетельствует о стремлении передать зрительской аудитории призыв относиться с осторожностью к словам и действиям данного лидера-прототипа.

В данном ролике изображены 13 политических лидеров, все образы объединены единым стилистическим решением, которое свидетельствует о настороженно-недоверчивом, критическом отношении авторов ролика и, в большей или меньшей степени, негативной окраске образов, созданных ими с использованием возможностей ИИ. Имеется в виду выбор авторами определённого времени суток (вечер) и определенного климатического периода (осень или ранняя весна). Кадр насыщен густыми красками темных тонов и освещен искусственно, освещение воспринимается как естественное для стран, для которых жаркая солнечная погода является нормой. Создается впечатление, что политические лидеры-персонажи видео предъявляются аудитории в момент преодоления ими неблагоприятных погодных и, возможно, профессиональных обстоятельств существенной значимости. Зоосимволы, сопровождающие персонажей-лидеров, не взаимодействуют с ними, не замечены в беседе или в тактильном контакте, но их функцией является сопровождение и охрана.

Обращает на себя внимание тот факт, что персонажи-лидеры и зоосимволы доминируют в кадре, и их личные границы не предполагают взаимодействия с другими объектами, и никакая опасность, требующая активной защиты с использованием оружия, являющегося частью дресс-кода зоосимволов, им не грозит.

Таблица 1 / Table 1

Ролик 1 / Video 1	Дресс-код зоосимвола / Dress code of the zoo animal symbol		Символические детали в образе лидера / Symbolic details in a leader's image	Фоновые образы / Background images		
	Оружие / Weapon	Костюм / Suit		Локация / Location	Время года и суток / Season and time of day	Погодные условия / Weather
США и Орел / USA and Eagle	томагавк / tomahawk	Нет брони / No armor	Красный цвет галстука / Red tie	Многоэтажная городская застройка в Северной Америке / Multi- story urban development in North America	Осень, вечер / Autumn, evening	Пасмурно / Cloudy
Франция и Петух / France and Rooster	меч / sword	Есть броня / Armor presents	Бокал красного вина / Glass of red wine	Эйфелева Башня в Париже / Eiffel Tower in Paris	Осень, день / Autumn, day	Пасмурно / Cloudy
Саудовская Аравия и Буйвол / Saudi Arabia and Buffalo	меч / sword	Нет брони / No armor	Дресс-код, традиционный для региона / Traditional regional dress code	Башня Киндом / Kingdom Tower	Лето, день / Summer, day	Жаркая погода / Hot weather
Япония и Барс / Japan and Leopard	сабля / saber	Нет брони / No armor	Поправляет галстук / Adjusts tie	Многоэтажная городская застройка ночного мегаполиса / Multi-story urban development of a night metropolis	Зима, вечер / Winter, evening	Снег / Snow
Канада и Выдра / Canada and Otter	молот / hammer	Нет брони / No armor	Вынимает руки из карманов, поправляет воротник / Takes hands out of pockets, adjusts collar	Телебашня в Торонто / CN Tower in Toronto	Зима, утро / Winter, morning	Мороз / Frost
Россия и Медведь / Russia and Bear	молот / hammer	Есть броня / Armor presents	Демонстрирует меховую мантию / Demonstrates fur mantie	Башни Московского Кремля / Moscow Kremlin towers	Осень, вечер / Autumn, evening	Мороз / Frost
Австралия и Коала / Australia and Koala	посох / staff	Нет брони / No armor	Европейский костюм / European suit	Массивное здание оперы в г. Аделаида / Massive opera house in Adelaide	Весна, день / Spring, day	Теплая, солнечная погода / Warm, sunny weather
Турция и Орел /	меч / sword	Нет	Поправляет	Голубая мечеть в	Лето,	Жара / Hot

Turkey and Eagle		брони / No armor	галстук / Adjusts tie	Стамбуле / Blue Mosque in Istanbul	день / Summer, day	
Казахстан и Антилопа / Kazakhstan and Antelope	копье / spear	Есть броня / Armor presents	Поправляет галстук / Adjusts tie	Поднимающиеся к небу языки пламени костра в степи / Flames of a bonfire rising to the sky in the steppe	Зима, вечер / Winter, evening	Низкая температура / Low temperature
Северная Корея и Белый тигр / North Korea and White Tiger	лабрис / labrys	Нет брони / No armor	Прикрывает нос / Covers nose	Религиозный храм / Religious temple	Зима, вечер / Winter, evening	Мороз / Frost
Индонезия и Дракон / Indonesia and Dragon	меч / sword	Нет брони / No armor	Смотрит себе под ноги / Looks down	Религиозный храм / Religious temple	Зима, день / Winter, day	Пасмурно / Cloudy
Тайланд и Пангонлин / Thailand and Pangolin	скипетр / scepter	Есть броня / Armor presents	Прикрывает нос и потирает руки / Covers nose and rubs hands	Высокие деревья в густых джунглях / Tall trees in dense jungle	Зима, день / Winter, day	Пасмурно / Cloudy
Германия и Кабан / Germany and Boar	меч / sword	Есть броня / Armor presents	Застегивает пуговицу пиджака, носит перчатки / Buttons up jacket, wears gloves	Брандебургские ворота в Берлине / Brandenburg Gate in Berlin	Зима, вечер / Winter, evening	Низкая температура / Low temperature

Вышеописанные особенности видеоролика присутствуют в аналогичных произведениях ИИ, в которых может несущественно меняться количество эпизодов и ассоциаций лидеров с характерными для этих стран зоосимволами. Приведем пример ИИ-ролика под общим названием «Партнерство лидеров и зоосимволов разных стран», в котором 12 эпизодов. Как и предыдущий ролик, этот материал создан в 2025 году и включает страны наиболее актуальные для политической карты данного исторического периода.

Нижеследующая таблица отражает особенности визуализации эпизодов в ролике 2.

Таблица 2 / Table 2

Ролик 2 / Video 2	Символические детали в образе зоосимвола / Symbolic details in a zoo animal symbol's image		Символические детали в образе лидера / Symbolic details in a leader's image	Фоновые образы / Background images		
	Динамические характеристики и характерные детали / Dynamic characteristics and characteristic details	Дресс-код, наличие брони или оружия / Dress code, armor or weapons		Локация / Location	Время года и суток / Season and time of day	Погодные условия / Weather
Франция и	Поправляет	Европейский	Трость, платок	Париж /	Весна,	Пасмурно /

Петух / France and Rooster	манжеты, гривна с часами, наручные часы, перчатки / Adjusts cuffs, griffin with watch, wrist watch, gloves	костюм, брони или оружия нет / European suit, no armor or weapons	в нагрудном кармане / Cane, handkerchief in breast pocket	Paris	вечер / Spring, evening	Cloudy
Великобритания и Бульдог / Great Britain and Bulldog	Трость / Cane	Европейский костюм, брони или оружия нет / European suit, no armor or weapons	Трость, платок в нагрудном кармане / Cane, handkerchief in breast pocket	Лондон / London	Осень, вечер / Autumn, evening	Туман / Fog
Южная Африка и Лев / South Africa and Lion	Скрещивает руки на груди, носит две пары наручных часов и золотую гривну / Crosses arms, wears two wrist watches and a gold griffin	Европейский костюм, брони или оружия нет / European suit, no armor or weapons	Трость / Cane	Мост / Bridge	Лето, день / Summer, day	Солнечно / Sunny
Италия и Волк / Italy and Wolf	Гладит по голове лидера, поправляя ему причёску / Pats the leader's head, adjusting his hair	Европейский костюм, брони или оружия нет / European suit, no armor or weapons	Неопрятная причёска / Untidy hair	Городская застройка / Urban development	Зима, ночь, полнолуние / Winter, night, full moon	Прохладно / Cold
Россия и Медведь / Russia and Bear	Пьет из золотого бокала, носит массивный золотой крест и широкий золотой браслет / Drinks from a golden goblet, wears a massive gold cross and a wide gold bracelet	Кожаное пальто с погонями, брони или оружия нет / Leather coat with shoulder straps, no armor or weapons	Дым из-за спины / Smoke from behind	Санкт-Петербург / Saint Petersburg	Осень, вечер / Autumn, evening	Туман, пожар, дымка / Fog, fire, mist
Египет и Собака / Egypt and Dog	Поправляет нагрудное украшение / Adjusts chest ornament	Национальный костюм с золотым декором, брони или оружия нет / National suit with gold decor, no armor or weapons	Трость / Cane	Каир / Cairo	Зима, вечер / Winter, evening	Прохладно / Cold
Германия и Пума / Germany and Puma	Размахивает когтистой лапой в перстнях / Waves a clawed paw with rings	Кожаные брюки с борцовским поясом, брони или оружия нет	Перчатки / Gloves	Берлин / Berlin	Осень, вечер / Autumn, evening	Прохладно / Cold

		/ Leather trousers with wrestling belt, no armor or weapons				
Саудовская Аравия и Орел / Saudi Arabia and Eagle	Расправляет крылья / Spreads wings	Борцовские кожаные брюки, брони или оружия нет / Wrestling leather trousers, no armor or weapons	Носит национальный костюм / Wears national suit	Городская застройка / Urban development	Осень, вечер / Autumn, evening	Прохладно / Cold
США и Орел / USA and Eagle	Поправляет галстук-бабочку, раскрывает крылья / Adjusts bow tie, spreads wings	Европейский костюм, брони или оружия нет / European suit, no armor or weapons	Поправляет манжеты / Adjusts cuffs	Чикаго / Chicago	Осень, день / Autumn, day	Прохладно / Cold
Канада и Медведь / Canada and Bear	Поглаживает галстук / Strokes tie	Европейский костюм, брони или оружия нет / European suit, no armor or weapons	Перчатки / Gloves	Торонто / Toronto	Зима, день / Winter, day	Прохладно, снег / Cold, snow
Индия и Тигр / India and Tiger	Идет танцующей походкой / Walks with a dancing gait	Жилетка от костюма-тройки, брони или оружия нет / Waistcoat from a three-piece suit, no armor or weapons	Солнцезащитные очки / Sunglasses	Нью-Дели / New Delhi	Зима, день / Winter, day	Прохладно / Cold
Польша и Волк / Poland and Wolf	Смотрит в камеру, носит массивную золотую гривну / Looks at the camera, wears a massive gold griffin	Кожаные брюки, сапоги, пояс с гербом, брони или оружия нет / Leather trousers, boots, belt with coat of arms, no armor or weapons	Перчатки / Gloves	Варшава / Warsaw	Осень, вечер / Autumn, evening	Прохладно, сухо / Cold, dry

Выводы и заключение

Анализ представленного в Таблице 2 материала позволяет прийти к определенным выводам относительно значимости фигур лидеров соответствующих стран и их роли в общественно-политических процессах современности. Поскольку оба ролика созданы в один и тот же исторический период с разницей в один день, мы приходим к выводу, что политические события февраля 2025 года отражены этими материалами достаточно адекватно.

Анализ Таблицы 1 и Таблицы 2 в сопоставлении показывает, что страны, обозначенные в них, могут быть подразделены на две группы. В первую из которых входят политические игроки Высшей лиги, то есть те страны, политические лидеры которых, определяют вектор развития общественно-политических процессов регионального и мирового значения. Эти страны и, соответственно, сгенерированные ИИ образы их лидеров и зоосимволов присутствуют в обеих таблицах. Ко второй группе стран относятся те, решения политических лидеров которых имеют краткосрочные последствия в основном для соответствующего региона и с течением времени роль которых в мировых экономических процессах может становиться менее заметной, в то время, как на первый план могут выходить другие страны с соответствующими политическими лидерами, вытесняя первых на периферию политической арены. Эти страны присутствуют в Таблице 1, но могут не обнаруживаться в Таблице 2, и наоборот.

На фоне расширения лексического запаса студентов в опосредовании материалов определенной общественно-политической тематики, избранный материал позволяет опереться на их эстетическое восприятие обобщенных визуально-динамических образов, подготовленных с использованием возможностей ИИ для создания сбалансированного и более детализированного образа политиков-лидеров, часть личностных черт которых может перекликаться с чертами зоосимволов, которые их сопровождают в кадре. Возможно также проведение углубленной словарной работы с семантическими полями, соответствующими содержанию материала данной тематики.

Средствами передачи политической ситуации и роли политических лидеров в ней оказываются выбор фоновых реалий, динамические характеристики и детали костюма лидеров и зоосимволов. Несмотря на то, что отдельно не проводился подробный анализ звукового сопровождения материалов, в порядке рабочей гипотезы можно констатировать, что чем определеннее политика того или иного лидера, тем более агрессивным становится звуковое сопровождение соответствующего образа. Средствами передачи агрессивных черт образа являются звуки музыки в жанре рок-произведений и, возможно, звуки, сопровождающие борцовские поединки и спортивные мероприятия мирового масштаба.

Отдельное внимание уделяется соблюдению этических норм в создании образов политических лидеров (Klenk, 2024). Так, в частности, многие зоосимволы представлены одетыми в деловой европейский костюм, что подчеркивает стремление лидеров находить решение спорных вопросов на дипломатическом треке.

С другой стороны, часть зоосимволов, особенно во втором ролике, имеют дресс-код борцов контактных единоборств, что представляет им возможность сосредоточить внимание аудитории на атлетизме их фигур, на способности соответствующих политических лидеров «играть мускулами» в прямом и переносном смысле слова, то есть принимать бескомпромиссные и жесткие, часто непопулярные политические решения в тех случаях, когда дипломатическое урегулирование спорных вопросов оказывается маловероятным.

Выводы, сформулированные на основе анализа предлагаемого материала, могут иметь непосредственное отношение к подготовке и проведению практических занятий по изучению материалов СМИ и аналитических статей, посвященных наиболее важным вопросам международной политико-экономической повестки. На основе выводов предлагаемого анализа учащиеся могут расширить свой словарный запас, углубить понимание общественно-политических процессов, происходящих в жизни в странах изучаемых ими языков, в первую очередь, английского языка как языка международного общения, и

распространить приобретенные знания на анализ других общественно-политических процессов, происходящих в странах-партнерах России по политико-экономическому урегулированию вопросов взаимного интереса.

Список источников / References

1. Байкова, А.В. (2022). Мультимодальный дискурс-анализ как один из методов коммуникативно-прагматического подхода к пониманию языка и текста. *Вестник ШГПУ*, 2 (54).
Baikova, A.V. (2022). Multimodal discourse analysis as one of the methods of the communicative-pragmatic approach to understanding language and text. *Vestnik ShGPU*, 2 (54). (In Russ.).
2. Журавлева, Е.В. (2020). Специфика невербальной составляющей в политической коммуникации (на примере российских телепередач). *Политическая лингвистика*, 6 (84), 33-41. <https://doi.org/10.26170/pl20-06-04>
Zhuravleva, E.V. (2020). Specifics of the non-verbal component in political communication (based on the example of Russian TV programs). *Political Linguistics*, 6(84), 33-41. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/pl20-06-04>
3. Крейдлин, Г.Е. (2004). *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. М.: Новое литературное обозрение.
Kreydlin, G.E. (2004). *Non-verbal semiotics: body language and natural language*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
4. Свирчевский, Д.А. (2022). Мультимодальный подход Г. Кресса и Т. ван Левена: чтение визуальных образов (реферат). *МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин*, 12, 2 (2), 159-175.
Svirchevsky, D.A. (2022). G. Kress and T. van Leeuwen's multimodal approach: reading visual images (abstract). *METHOD: Moscow quarterly journal of works in social sciences*, 12, 2(2), 159-175. (In Russ.).
5. Шейгал, Е.И. (2004). Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис.
Sheygal, E.I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
6. Berger, Julia (2019). Proposal and Background Research for Manipulated Visuals project (2019). (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.23096.52487>
7. Erişen, H. (2023). Multimodal discourse: An analysis of two political advertising visuals. *iMGELEM*. (In Russ.). <https://doi.org/10.53791/IMGELEM.1287019>.
8. Stoyanov, Rossen K. (2023). The Political Image Making. *Годишник На Департамент Медии и Комуникация 2023*, С., НБУ, ISSN: 2815-3359.
9. Kress, G., Leeuwen, T.V. (2020). *Reading Images: The Grammar of Visual Design* (3rd ed.). Routledge. (In Russ.). <https://doi.org/10.4324/9781003099857>
10. Lompe, M., Wicher, C. (2020). Materiality of visibility. About relationships and transformations of visibility and politics. *Humaniora. Czasopismo Internetowe*. 32. 10.14746/h.2020.4.2.

Агаджанян Р.В., Яковлева Е.В. (2025)
Невербально-семиотические особенности образа политика
в современном мультимодальном дискурсе
Язык и текст, 12(4), 150—163.

Agadzhanyan R.V., Yakovleva E.V. (2025)
Non-verbal and semiotic features of the image of a
politician in context to multimodal discourse
Language and Text, 12(4), 150—163.

11. Tønnessen, Morten, Tüür, Kadri. (2014). Introduction: The semiotics of animal representations. https://doi.org/10.1163/9789401210720_002
12. Danesi, M. (2017, May 24). Visual Rhetoric and Semiotic. Oxford Research Encyclopedia of Communication.
13. Yang, Kaiyuan (2024). The Impact of AI-Generated Characters on Audience Perception and Emotional Engagement in Film. *Advances in Humanities Research*. 10. 53-56. <https://doi.org/10.54254/2753-7080/2024.18641>.
14. Klenk, M. (2024). Ethics of generative AI and manipulation: a design-oriented research agenda. *Ethics and Information Technology*. 26. <https://doi.org/10.1007/s10676-024-09745-x>.

Информация об авторах

Рубен Владимирович Агаджанян, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры, Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6888-8188>, e-mail: ce3ar2006@yandex.ru

Елена Владимировна Яковлева, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка как второго иностранного, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1398-9260>, e-mail: elexs@mail.ru

Information about the authors

Ruben V. Agadzhanyan, Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Culture, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6888-8188>, e-mail: ce3ar2006@yandex.ru

Elena V. Yakovleva, Doctor of Philology, Professor of the Department of English as a Second Foreign Language, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1398-9260>, e-mail: elexs@mail.ru

Вклад авторов

Агаджанян Р.В. — планирование исследования, сбор и анализ данных, аннотирование, написание и оформление рукописи.

Яковлева Е.В. — идеи исследования; применение методов анализа данных; получение и обработка результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Ruben V. Agadzhanyan — planning of the research, data collection and analysis, annotation, writing and design of the manuscript.

Elena V. Yakovleva — the ideas of the study, application of data analysis methods; obtaining the results of the study.

Агаджанян Р.В., Яковлева Е.В. (2025)
Невербально-семиотические особенности образа политика
в современном мультимодальном дискурсе
Язык и текст, 12(4), 150—163.

Agadzhanyan R.V., Yakovleva E.V. (2025)
Non-verbal and semiotic features of the image of a
politician in context to multimodal discourse
Language and Text, 12(4), 150—163.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Научная статья | Original paper

Современный подход к использованию транскрипции при изучении иностранного языка

С.В. Багманова✉

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

✉ bagmanovas@mail.ru

Резюме

В современном языковом образовании наблюдается устойчивый интерес к совершенствованию фонетических навыков и формированию произносительной компетенции. Одним из инструментов, обеспечивающих осознанное восприятие звукового строя языка, выступает фонетическая транскрипция. В то же время отношение к ее использованию остается неоднозначным: часть исследователей рассматривает транскрипцию как эффективный метод коррекции произношения, другие отмечают когнитивные и методические трудности. **Цель** настоящей статьи — проанализировать современные подходы к использованию транскрипции при обучении иностранному языку, выявить преимущества и ограничения данного метода. Методологическую основу исследования составил обзор и сравнительно-аналитический анализ русскоязычных и англоязычных источников, включающих работы Durukan & Gokgoz-Kurt (2024), Sarwat (2023), Lipińska (2018), Maskara (2013), Mompean (2015) и др. **Результаты** анализа показали, что эффективность транскрипции определяется возрастом обучающихся, уровнем их языковой осознанности, готовностью преподавателя и характером применяемых технологий. Современные подходы предполагают интеграцию транскрипции в цифровую образовательную среду и акцент на самостоятельную работу учащихся с аудио- и видеоматериалами. Полученные **выводы** позволяют рассматривать транскрипцию не как формальный элемент учебного процесса, а как средство формирования слухо-артикуляционной компетенции и развития фонетического сознания учащихся.

Ключевые слова: транскрипция, произносительная компетенция, фонетические навыки, иностранный язык, когнитивная нагрузка, цифровые технологии

Для цитирования: Багманова, С.В. (2025). Современный подход к использованию транскрипции при изучении иностранного языка. *Язык и текст*, 12(4), 164—172. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120414>

Modern approach to using transcription in foreign language learning

S.V. Bagmanova✉

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

✉bagmanovas@mail.ru

Abstract

In modern language education, there is a sustained interest in improving phonetic skills and developing pronunciation competence. One of the tools that ensures conscious perception of the sound structure of a language is phonetic transcription. At the same time, attitudes towards its use remain ambiguous: some researchers consider transcription to be an effective method of pronunciation correction, while others note cognitive and methodological difficulties. **The purpose** of this article is to analyse contemporary approaches to the use of transcription in foreign language teaching and to identify the advantages and limitations of this method. The methodological basis of the study was a review and comparative analysis of Russian- and English-language sources, including works by Durukan & Gokgoz-Kurt (2024), Sarwat (2023), Lipińska (2018), Maskara (2013), Mompean (2015) and others. The results of the analysis showed that the effectiveness of transcription is determined by the age of the learners, their level of language awareness, the readiness of the teacher and the nature of the technologies used. Modern approaches involve the integration of transcription into the digital educational environment and an emphasis on independent work by students with audio and video materials. The conclusions obtained allow us to consider transcription not as a formal element of the educational process, but as a means of forming auditory-articulatory competence and development of students' phonetic awareness.

Keywords: transcription, pronunciation competence, phonetic skills, foreign language, cognitive load, digital technologies

For citation: Bagmanova, S.V. (2025). Modern approach to using transcription in foreign language learning. *Language and Text*, 12(4), 164—172. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120414>

Введение

Современная методика преподавания иностранных языков претерпевает существенные изменения в условиях цифровизации образовательного пространства. Появление онлайн-курсов и автоматических систем распознавания речи актуализирует вопрос точности произношения и формирования фонетической грамотности. В этом контексте фонетическая транскрипция обретает новое значение — как инструмент осознанного восприятия и контроля речи в мультимодальной среде.

Проблема обучения транскрипции обусловлена разнонаправленностью оценок ее полезности среди преподавателей и учащихся. Согласно исследованию Д. Дурукан и Б. Гекгез-Курт (Durukan, Gokgoz-Kurt, 2024), преподаватели признают ценность транскрипционных символов для развития слухового восприятия и самооценки

произношения, однако указывают на ряд трудностей. Среди них — недостаточная собственная подготовка, низкая мотивация студентов, а также отсутствие единой системы символов: в разных источниках используется либо Международный фонетический алфавит (IPA), либо национальные или упрощенные варианты (Momprian, 2015).

Теоретическая база исследования формируется на пересечении нескольких научных направлений. В лингводидактике транскрипция рассматривается как часть системы формирования произносительной компетенции, включающей аудирование, артикуляционные упражнения и визуальные модели звуков. Психолингвистический аспект связан с развитием фонематического слуха и артикуляционной памяти. Фонетика обеспечивает визуализацию звукового строя языка, а когнитивные науки изучают особенности восприятия символической информации.

Актуальность исследования определяется необходимостью поиска баланса между традиционным символическим обучением и современными мультимодальными формами подачи материала. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении транскрипции как инструмента, интегрирующего когнитивный, методический и технологический аспекты.

Цель исследования — раскрыть современные подходы к использованию транскрипции при обучении иностранному языку. Для ее достижения необходимо проанализировать отечественные и зарубежные исследования по проблеме, выявить преимущества и ограничения применения транскрипции, а также определить роль преподавателя и технологий в повышении эффективности обучения.

Гипотеза исследования состоит в том, что успешное использование транскрипции возможно при условии сочетания визуальной и аудиальной информации, учета когнитивных особенностей учащихся и методической готовности преподавателя.

Материалы и методы

Исследование основано на обзоре современных работ 2013–2024 годов, посвященных различным аспектам обучения фонетической транскрипции. В число ключевых источников вошли зарубежные исследования Д. Дурукан и Б. Гекгоз-Курт (Durukan, Gokgoz-Kurt, 2024), Р. Сарват (Sarwat, 2023), Д. Липиньска (Lipińska, 2018), Р. Маскара (Maskara, 2013), Х. Момпеана (Momprian, 2015) и других исследователей данной темы. Анализ охватывал англоязычные статьи с платформ ResearchGate, ERIC.

Исследование носит обзорно-аналитический характер. В работе применялись содержательный и тематический анализ, сопоставление педагогических моделей и концепций, изучение проблемы когнитивной нагрузки, анализ возрастных аспектов обучения и роли цифровых инструментов. Выбор источников определялся их репрезентативностью, новизной и научной достоверностью.

Результаты

Современные исследования демонстрируют два основных подхода к внедрению транскрипции в образовательный процесс. Традиционная модель предполагает систематическое изучение фонетических символов (IPA) с последующим применением при чтении и записи слов. Инновационная модель, описанная Д. Липиньска (Lipińska, 2018), ориентирована на интеграцию аудио- и визуальных элементов: учащиеся осваивают символы параллельно с прослушиванием образцов речи и видеодемонстрацией артикуляции. Такой

подход способствует развитию фонетического сознания и формированию межканальных связей между слуховым и зрительным восприятием.

Эффективность транскрипции существенно зависит от возраста обучающихся. Младшие школьники (до 11–12 лет) испытывают трудности из-за ограниченного уровня абстрактного мышления (Maskara, 2013; Momprean, 2015) и лучше воспринимают материал через игровые и аудиовизуальные формы — песни, сказки, диалоги. Подростки и взрослые, напротив, демонстрируют готовность к осознанному восприятию звукового строя языка и способны использовать транскрипцию для самокоррекции произношения.

Особого внимания заслуживает проблема когнитивной нагрузки при освоении транскрипции (Durukan, Gokgoz-Kurt, 2024). Избыточная символическая нагрузка вызывает напряжение, особенно у студентов, чей родной язык не основан на латинской графике. В связи с этим требуется дозированный подход с учетом индивидуальных когнитивных различий.

Анализ влияния транскрипции на формирование фонетических навыков позволяет выделить ряд преимуществ. К ним относятся развитие фонематического слуха, повышение точности артикуляции и формирование способности к самостоятельной коррекции ошибок. Согласно наблюдениям Р. Сарват (Sarwat, 2023), учащиеся, систематически использующие транскрипцию, демонстрируют более высокий уровень осознанности при восприятии и воспроизведении звуков. Вместе с тем отмечаются и определенные ограничения: возможно смешение транскрипционных знаков и орфографического написания, что способно временно снижать уровень правописной грамотности.

Условия эффективности применения транскрипции включают сочетание с аудитивными упражнениями, включение элементов самоконтроля и обратной связи, а также использование транскрипции как компонента комплексного обучения произношению. В зарубежных исследованиях также подчёркивается роль педагогической подготовки и автономного обучения студентов: «Participants also maintain that teacher training, student self-monitoring as a means of assessment, and technology integration are crucial for effective pronunciation instruction using phonetic symbols» (Durukan, Gokgoz-Kurt, 2024, p. 233). Это совпадает с отечественными выводами о необходимости сочетания транскрипции с элементами цифрового контроля и самопроверки.

Современные цифровые инструменты существенно расширяют возможности обучения транскрипции. К ним относятся онлайн-тренажеры (например, Sounds of Speech), автоматические системы распознавания речи (такие как Google Pronunciation Tool), а также интерактивные платформы и мобильные приложения. Интеграция этих технологий, как отмечают Д. Дурукан и Б. Гекгез-Курт (Durukan, Gokgoz-Kurt, 2024), способствует повышению мотивации студентов, снижению субъективного восприятия трудности материала, созданию условий для автономного обучения и использованию транскрипции как инструмента самопроверки и обратной связи в онлайн-среде.

Обсуждение результатов

Анализ исследований Д. Дурукан и Б. Гекгез-Курт (Durukan, Gokgoz-Kurt, 2024), Р. Сарват (Sarwat, 2023), Д. Липиньска (Lipińska, 2018) и Х. Момпеана (Momprean, 2015) позволяет выделить несколько ключевых закономерностей. Прежде всего, эффективность транскрипции напрямую зависит от уровня языковой осознанности учащихся: при низкой подготовке символическая запись звуков воспринимается как второстепенная и избыточная, тогда как при

высокой подготовке транскрипция становится эффективным средством автономного контроля речи.

Не менее важна роль методической гибкости преподавателя. Зачастую неудачи при обучении транскрипции обусловлены не сложностью самой системы символов, а неумением педагога адаптировать ее под конкретный уровень учебной группы.

Существенное значение имеет проблема когнитивной нагрузки и необходимость мультимодальной подачи материала. Как показывают исследования зарубежных ученых, восприятие символов IPA требует определенного уровня визуально-графической компетенции. Оптимальным считается сочетание трех каналов восприятия: визуального (символы), слухового (звуки) и кинестетического (наблюдение артикуляции через видео или анимацию).

Интересной тенденцией последних лет стала геймификация процесса обучения транскрипции. Как отмечает Д. Липиньска (Lipińska, 2018), игровые задания на распознавание звуков по символам существенно повышают вовлеченность студентов и стимулируют развитие фонетического слуха. Одновременно происходит трансформация форм контроля: традиционные письменные диктанты и устные опросы постепенно уступают место цифровым тестам с мгновенной обратной связью.

Таким образом, транскрипция перестает быть лишь вспомогательным инструментом и становится неотъемлемой частью комплексной системы формирования фонетической грамотности, объединяющей когнитивные, технологические и мотивационные аспекты обучения.

Современные исследования демонстрируют, что эффективность обучения транскрипции в значительной степени определяется не только методикой, но и психологическими факторами. На мотивацию учащихся влияют их индивидуальные когнитивные стили, уверенность в собственных фонетических возможностях и отношение к ошибкам. В ходе обучения часто наблюдается феномен «аффективного фильтра» — учащиеся, испытывающие страх перед ошибками, стараются избегать устной практики, что препятствует формированию произносительной компетенции. Использование транскрипции в этом контексте выступает как способ снижения тревожности: символическая запись помогает сделать процесс обучения более осознанным и предсказуемым.

Особую роль играет социальный и коммуникативный контекст изучения транскрипции. В групповых форматах (мини-курсы, тандем-обучение, проектная работа) транскрипция становится средством обсуждения фонетических явлений, способствует развитию языковой рефлексии и формированию навыков самооценки произношения. В работах Р. Сарват (Sarwat, 2023) и Д. Липиньска (Lipińska, 2018) отмечается, что при совместном анализе транскрипционных ошибок учащиеся активнее корректируют собственные речевые привычки и быстрее усваивают артикуляционные закономерности.

Интерес представляют и межкультурные аспекты преподавания транскрипции. В странах, где английский или французский язык преподаются как иностранные, наблюдаются различия в восприятии символической записи. Например, для носителей языков с нелатинской графикой (русского, арабского, китайского) транскрипция выполняет не только функцию фонетического кода, но и роль посредника между различными системами письма. Это придаёт обучению дополнительное когнитивное измерение и требует адаптации методик. Эффективным решением становится использование визуальных ассоциаций, цветового

кодирования и мультимодальных упражнений, соединяющих звук, символ и изображение артикуляции.

Не менее важно рассматривать транскрипцию как элемент метаязыковой компетенции. Способность оперировать фонетическими символами свидетельствует о переходе учащегося на уровень осознанного анализа языковых единиц. В этом смысле транскрипция развивает не только фонетические, но и когнитивные навыки — внимание, память, аналитическое мышление. Учащиеся, освоившие транскрипцию, демонстрируют лучшую способность к распознаванию фонологических закономерностей и более высокий уровень автономности при работе с аутентичными аудиоматериалами.

Современные цифровые технологии открывают новые перспективы интеграции транскрипции в обучение. Применение интерактивных тренажёров, голосовых ассистентов и систем распознавания речи позволяет не только автоматизировать процесс проверки произношения, но и сделать его персонализированным. Искусственный интеллект способен подбирать индивидуальные задания на основе анализа типичных ошибок учащегося, формируя тем самым адаптивную траекторию обучения. Такие технологии уже реализованы в мобильных приложениях типа ELSA Speak, Pronunciation Coach, Speechling, где транскрипция используется в связке с аудиовизуальной обратной связью.

Важно подчеркнуть, что цифровизация обучения не отменяет роли преподавателя. Напротив, педагог становится медиатором между технологией и студентом: он обеспечивает интерпретацию полученной информации, помогает студенту понять логику транскрипции и превратить её в инструмент самокоррекции.

Можно сделать вывод о том, что эффективное использование транскрипции в цифровой среде требует сочетания технологической компетентности преподавателя и методической гибкости, позволяющей интегрировать транскрипцию в коммуникативные задания, игры, проекты и задания с элементами рефлексии.

В целом, результаты исследования подтверждают, что транскрипция — это не устаревший учебный инструмент, а важный элемент формирования речевой и когнитивной компетенции. Её использование способствует развитию осознанности в изучении языка, формирует навык звукового анализа и усиливает мотивацию к совершенствованию произношения. Особенно значимым является сочетание транскрипции с современными цифровыми средствами, которые делают процесс обучения более интерактивным, гибким и доступным.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния нейропсихологических факторов (восприятие звуковых паттернов, работа кратковременной памяти, внимание) на усвоение транскрипции, а также с разработкой межъязыковых моделей обучения, учитывающих типологические различия фонетических систем. Кроме того, важным направлением становится создание гибридных образовательных платформ, где транскрипция будет использоваться в связке с визуальными и аудиальными ресурсами, а также с элементами геймификации и виртуальной реальности.

Таким образом, интеграция транскрипции в систему обучения иностранным языкам должна рассматриваться как комплексная задача, включающая педагогический, когнитивный и технологический компоненты. Только при их согласованном взаимодействии транскрипция способна стать эффективным инструментом развития произносительной компетенции и формирования осознанного владения иностранным языком в условиях цифрового образования.

Заключение

В ходе исследования были выявлены ключевые закономерности применения фонетической транскрипции в современной лингводидактике. Прежде всего, обозначились две концептуально различные модели внедрения транскрипции в образовательный процесс. Традиционная модель базируется на последовательном освоении фонетических символов Международного фонетического алфавита с последующим их применением при чтении и записи языковых единиц. Инновационный подход, получивший развитие в последние годы, предполагает принципиально иную логику освоения: символы транскрипции усваиваются параллельно с аудитивным восприятием речи и визуальным наблюдением артикуляционных движений, что формирует целостное фонетическое сознание обучающегося.

При этом происходит принципиальное переосмысление методической роли преподавателя. Вместо простой трансляции знаний о транскрипционных символах педагог становится организатором образовательного процесса, направленного на формирование устойчивых навыков самостоятельной коррекции произношения. Это требует от преподавателя владения современными цифровыми инструментами, умения подбирать адекватные ресурсы для разных возрастных групп и уровней подготовки, а также способности интегрировать транскрипцию в комплексные упражнения на развитие всех видов речевой деятельности.

Перспективными направлениями дальнейшего развития данной области представляются:

- разработка персонализированных методик обучения транскрипции с учетом когнитивных особенностей и уровня языковой подготовки обучающихся;
- создание адаптивных цифровых курсов, использующих элементы искусственного интеллекта для индивидуализации обучения;
- проведение сравнительных исследований эффективности транскрипции для языков с различными графическими системами;
- совершенствование программ подготовки преподавателей к работе с мультимодальными ресурсами.

Таким образом, современное применение фонетической транскрипции требует от образовательной практики отказа от изолированного преподавания символьной системы и перехода к комплексному формированию фонетической грамотности. Это предполагает активное внедрение мультимодальных и цифровых ресурсов, постоянное повышение методической компетентности преподавателей и разработку интегрированных подходов к обучению произношению, отвечающих актуальным потребностям современного языкового образования.

В целом, результаты исследования подтверждают, что транскрипция — это не устаревший учебный инструмент, а важный элемент формирования речевой и когнитивной компетенции. Её использование способствует развитию осознанности в изучении языка, формирует навык звукового анализа и усиливает мотивацию к совершенствованию произношения. Особенно значимым является сочетание транскрипции с современными цифровыми средствами, которые делают процесс обучения более интерактивным, гибким и доступным.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния нейropsихологических факторов (восприятие звуковых паттернов, работа кратковременной памяти, внимание) на усвоение транскрипции, а также с разработкой межъязыковых моделей обучения, учитывающих типологические различия фонетических систем. Кроме того, важным

направлением становится создание гибридных образовательных платформ, где транскрипция будет использоваться в связке с визуальными и аудиальными ресурсами, а также с элементами геймификации и виртуальной реальности.

Следует сделать вывод о том, что интеграция транскрипции в систему обучения иностранным языкам должна рассматриваться как комплексная задача, включающая педагогический, когнитивный и технологический компоненты. Только при их согласованном взаимодействии транскрипция способна стать эффективным инструментом развития произносительной компетенции и формирования осознанного владения иностранным языком в условиях цифрового образования.

Список источников / References

1. Durukan, D., Gokgoz-Kurt, B. (2024). EFL instructors' views on the use of phonetic symbols for teaching pronunciation. *Acuity: Journal of English Language Pedagogy, Literature and Culture*, 9 (2), 232-252. <https://doi.org/10.35974/acuity.v9i2.3183>
2. Sarwat, R., Mahmood, A., Uzair, M. (2023). Impact of phonemic transcription on learners' English spelling: a segmental study. *Journal of Languages, Culture and Civilization*, 5 (1), 1-15. <https://doi.org/10.47067/jlcc.v5i1.152>
3. Batool, R., Sarwat, S., Shahzad, S. (2021). Investigating the effectiveness of phonetic symbols instructions on pronunciation of ESL learners. *Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology*, 18 (10), 2282-2290.
4. Mompean, J.A., Lintunen, P. (2015). Phonetic notation in foreign language teaching and learning: potential advantages and learners' views. *Research in Language*, 13 (3), 292-314. <https://doi.org/10.1515/rela-2015-0026>
5. Lipińska, D. (2018). Training primary school learners in L2 speech production: why not? *University of Lodz. Institute of English Studies. Accent*, 23.
6. Maskara, R. (2013). Introducing English pronunciation teaching in Indian educational system — “Why” and “How”. *Language in India*, 13 (3), 333-346.
7. Almoayidi, K.A. (2025). Phonetic-practice based training to enhance transcription and pronunciation awareness. *Social Sciences & Humanities Open*, 12. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101830>

Информация об авторе

Багманова Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры зарубежной лингвистики, Высшая школа зарубежной филологии, лингвистики и перевода, Уфимский государственный университет науки и технологий (УУНиТ), Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7888-5859>, e-mail: bagmanovas@mail.ru

Information about the author

Svetlana V. Bagmanova, Senior Lecturer of the Department of Foreign Linguistics, Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, Ufa State University of Science and Technology

Багманова С.В. (2025)
Современный подход к использованию транскрипции при
изучении иностранного языка
Язык и текст, 12(4), 164—172.

Bagmanova S.V. (2025)
Modern approach to using transcription in foreign
language learning
Language and Text, 12(4), 164—172.

(USUST), Ufa, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7888-5859>, e-mail:
bagmanovas@mail.ru

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

**ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL
BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES**

Научная статья | Original paper

**Виды речевой деятельности в учебнике русского языка как
иностранного**

Н.Н. Орехова✉

Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
✉ natnikore@gmail.com

Резюме

Современная методика преподавания русского языка как иностранного для студентов технических и строительных направлений ориентируется на развитие профессиональной коммуникативной компетенции через реализацию всех видов речевой деятельности (ВРД). В статье анализируются учебные пособия, предназначенные для иностранных учащихся строительных специальностей, изучающих русский язык. Основная методическая установка пособий – развитие коммуникативной и профессиональной компетенции иностранных учащихся строительных специальностей через последовательное формирование всех видов речевой деятельности. С точки зрения методической организации, пособия демонстрируют высокий уровень соответствия требованиям к учебным материалам по РКИ. Их структура отражает принципы предметно-языковой интеграции, функциональности, системности и практической направленности обучения. Особое внимание уделяется коммуникативно-деятельностному подходу, обеспечивающему формирование профессиональной речевой компетенции иностранного учащегося. Методические особенности учебников состоят в том, что в них преобладают задания на понимание, анализ и обработку информации, а не только на ее воспроизведение. В результате у иностранных учащихся формируется навык работы с профессиональной информацией, терминологией.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, говорение, аудирование, чтение, письмо, виды речевой деятельности, профессионально-ориентированное обучение, учебник РКИ, строительные специальности, коммуникативная компетенция

Орехова Н.Н. (2025)
Виды речевой деятельности в учебнике русского языка как
иностранного
Язык и текст, 12(4), 173—189.

Orekhova N.N. (2025)
Types of speech activity in the textbook of Russian
as a foreign language
Language and Text, 12(4), 173—189.

Для цитирования: Орехова, Н.Н. (2025). Виды речевой деятельности в учебнике русского языка как иностранного. *Язык и текст*, 12(4), 173—189.
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120415>

Types of speech activity in the textbook of Russian as a foreign language

N.N. Orekhova✉

Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ natnikore@gmail.com

Abstract

Modern methods of teaching Russian as a foreign language to students majoring in technical and construction fields focus on developing professional communicative competence through the implementation of all types of speech activity (VRA). This article analyzes textbooks designed for international students majoring in construction and studying Russian. The primary methodological focus of these textbooks is to develop the communicative and professional competence of international students majoring in construction through the consistent development of all types of speech activity. In terms of methodological organization, these textbooks demonstrate a high level of compliance with the requirements for educational materials in Russian as a foreign language. Their structure reflects the principles of subject-language integration, functionality, consistency, and practical orientation of training. Particular attention is paid to a communicative-activity approach, ensuring the development of professional speech competence in international students. The methodological features of these textbooks include predominantly tasks for understanding, analyzing, and processing information, rather than just reproducing it. As a result, international students develop skills in working with professional information and terminology.

Keywords: Russian as a foreign language, speaking, listening, reading, writing, types of speech activity, professionally oriented training, Russian as a foreign language textbook, construction specialties, communicative competence

For citation: Orekhova, N.N. (2025). Types of speech activity in the textbook of Russian as a foreign language. *Language and Text*, 12(4), 173—189. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120415>

Введение

Современная методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) ориентируется на принципы коммуникативности, профессиональной направленности и межкультурного взаимодействия. Для студентов и курсантов строительных специальностей владение русским языком на уровне не только повседневного общения, но и профессиональной коммуникации является необходимым условием успешной учебной и производственной деятельности в русскоязычной среде.

Учебник по РКИ для будущих строителей должен обеспечивать развитие всех видов речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо) в тесной связи с профессиональной сферой. При этом необходимо учитывать, что акцент должен смещаться с элементарного общения на развитие профессионально значимых речевых умений, таких как восприятие и анализ технических текстов, описание технологических процессов, участие в деловом обсуждении проектов и т.д.

Цель статьи – определить виды речевой деятельности, их взаимосвязь и методическую направленность, представленные в учебниках РКИ для курсантов строительных специальностей и обеспечивающие развитие профессиональной коммуникативной компетенции.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать методические подходы к соотношению видов речевой деятельности в обучении РКИ;
2. Определить специфику речевой деятельности обучающихся на строительных направлениях;
3. Сформулировать методические принципы отражения видов речевой деятельности в профессионально-ориентированном учебнике.

Актуальность исследования определяется необходимостью методического осмысления обучения иностранцев русскому языку на базе инженерных и строительных дисциплин, где языковая подготовка должна быть тесно связана с профессиональным контентом, а также тем, что в современном процессе преподавания русского языка как иностранного очень остро стоит вопрос обеспеченности методической и учебной литературой.

Исследование опирается на метод контент-анализа: проведён детальный анализ содержания учебных пособий. В качестве эмпирического материала использованы задания, тексты, речевые ситуации из учебников «Русский язык как иностранный. Изучаем специальные предметы» и «Русский язык как иностранный. Изучаем военное дело» (И.А. Гладких, Н.Н. Орехова, Е.Ю. Сафронова, 2023).

Результаты

Проблема отражения видов речевой деятельности в обучении РКИ является одной из ключевых в лингводидактике. Л.В. Щерба одним из первых сформулировал мысль, что знание языка проявляется только через речевую деятельность. Л.С. Выготский и А.А. Леонтьев в своих трудах подчёркивали деятельностную природу речи, а, следовательно, необходимость рассматривать обучение языку как процесс формирования речевых действий. Речевая деятельность определяется А.А. Леонтьевым как процесс использования языка для общения во время какой-либо другой человеческой деятельности (Леонтьев, 1969). Это означает, что обучение языку должно строиться через организацию реальных коммуникативных действий учащегося.

По мнению И.А. Зимней, «речевая деятельность представляет собой активный, целенаправленный, мотивированный, предметный (содержательный) процесс выдачи или приема сформированной и сформулированной посредством языка мысли, направленной на удовлетворение коммуникативно-познавательной потребности человека в процессе общения» (Зимняя, 1991). В этом случае речевая деятельность рассматривается как коммуникативная, так и как профессиональная деятельность людей.

Концепция видов речевой деятельности опирается на психолингвистическую теорию А.Р. Лурии, который доказал, что восприятие и порождение речи обусловлены разными механизмами, но тесно взаимосвязаны, поэтому развитие одного вида деятельности способствует формированию другого. В применении к РКИ это означает необходимость комплексного подхода, когда аудирование, чтение, говорение и письмо рассматриваются не изолированно, а как взаимодополняющие процессы (Лурия, 1982).

В современной методике РКИ теория речевой деятельности получила развитие в работах Е.И. Пассова (Пассов, 2000), А.Н. Щукина (Щукин, 2003), Н.Д. Гальсковой (Гальскова, 2020) и др., которые рассматривают язык как средство межкультурного и профессионального общения. В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин развили культурологический аспект, показав, что речевая деятельность всегда соотносится с культурным контекстом общения (Верещагин, Костомаров, 1989).

Современная лингводидактика (Азимов, Щукин, 2019) определяет четыре вида речевой деятельности – говорение, аудирование, чтение и письмо – как ядро коммуникативной компетенции. Их формирование должно обеспечивать развитие других компетенций обучающегося, например, лингвистической, социокультурной и профессиональной.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного базируется на коммуникативно-деятельностном подходе, предполагающем, что процесс овладения языком представляет собой развитие речевых умений и навыков в различных видах речевой деятельности – слушании, говорении, чтении и письме. Каждый вид речевой деятельности является как самостоятельной, так и взаимосвязанной частью коммуникативного процесса. Коммуникативно-деятельностный подход (Пассов, 2010), (Щукин, 2003) рассматривает обучение как процесс организации речевых действий в условиях, приближенных к реальному общению, с включением в учебный процесс моделирования профессиональных ситуаций.

По мнению Е.И. Пассова, обучение языку должно строиться не как передача знаний о языке, а как организация речевой деятельности учащихся (Пассов, 2010). В контексте профессионально-ориентированного обучения эта установка приобретает особую значимость: учащиеся должны не просто усвоить лексико-грамматический материал, но и научиться использовать его в ситуациях профессионального общения.

Современные исследования (Капанова, 2018); (Лапшина, 2017); (Лаптева, 2021) показывают, что профессионально-ориентированные учебники РКИ значительно повышают мотивацию студентов, если виды речевой деятельности отражают реальные коммуникативные ситуации, связанные с профессией. Исследователи сходятся во мнении, что обучение, основанное на выполнении коммуникативных задач, способствует более устойчивому формированию речевых умений.

В учебнике РКИ для технических специальностей целесообразно реализовывать принцип интеграции видов речевой деятельности. Например, работа с профессиональным текстом по строительству должна включать не только чтение, но и последующее обсуждение (говорение), выполнение письменных заданий (описание, аннотация, резюме), а также аудирование. Такая организация учебного процесса способствует развитию коммуникативной компетенции и формированию навыков использования языковых средств в профессиональной ситуации.

Обучающиеся на технических и строительных направлениях представляют особую группу изучающих русский язык: они уже владеют базовым уровнем коммуникации (B1–B2), но нуждаются в развитии профессиональной речевой компетенции, включающей способность воспринимать, интерпретировать и продуцировать тексты строительной тематики. Ряд исследователей (Щукин, 2020); (Лапшина, 2017); (Бим, 2018) отмечает, что при обучении иностранцев, владеющих русским языком на уровне B1–B2, особое значение приобретает дифференциация речевых задач по степени профессиональной сложности. Важно, чтобы виды речевой деятельности отражали не только общие коммуникативные потребности учащихся, но и специфику их будущей профессии. Учебники профессионально-ориентированного обучения русскому языку как иностранному, созданные для этой категории обучающихся, выступают не только как средство формирования языковой компетенции, но и как инструмент включения студентов в профессиональный дискурс.

Разработка профессионально-ориентированного учебника требует соблюдения ряда методических принципов, которые обеспечивают взаимосвязанное развитие всех видов речевой деятельности, направленных на формирование компетенций в профессиональной сфере. Опираясь на концепции Е.И. Пассова (Пассов, 2010), Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина (Азимов, Щукин, 2019), можно выделить следующие ключевые принципы реализации видов речевой деятельности в учебнике РКИ:

1. Принцип коммуникативности - предполагает обучение языку через решение профессиональных коммуникативных задач, отражающих реальные ситуации общения. Каждое упражнение в учебнике должно быть направлено на достижение конкретного коммуникативного результата.

2. Принцип профессиональной направленности - содержание учебника должно отражать тематику, связанную с определенной профессией. Задания должны быть наполнены лексикой профессиональной сферы. Такой подход способствует формированию профессиональной языковой личности обучающегося.

3. Принцип интеграции видов речевой деятельности - упражнения в учебнике должны обеспечивать переход от одного вида деятельности к другому, при этом чтение, аудирование, говорение и письмо рассматриваются как взаимосвязанные этапы. Интеграция обеспечивает прочность усвоения материала и развивает способность к самостоятельной речевой деятельности.

4. Принцип аутентичности - используемые тексты, аудиозаписи и визуальные материалы должны быть максимально приближены к реальным образцам профессиональной коммуникации. Это способствует погружению в профессиональный контент.

Эти принципы активно применяются в учебных комплексах для иностранных курсантов, обучающихся по специальности «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений военного и специального назначения».

Проанализируем учебники «Русский язык как иностранный. Изучаем специальные предметы» (рис. 1) и «Русский язык как иностранный. Изучаем военное дело» (Гладких, Орехова, Сафронова, 2023) (рис. 2) с точки зрения представленности и взаимодействия в них всех видов речевой деятельности: аудирования, чтения, говорения и письма и того, насколько полно они отражают принципы коммуникативного и профессионально-

Орехова Н.Н. (2025)
Виды речевой деятельности в учебнике русского языка как
иностранного
Язык и текст, 12(4), 173—189.

Orekhova N.N. (2025)
Types of speech activity in the textbook of Russian
as a foreign language
Language and Text, 12(4), 173—189.

ориентированного подхода. Учебные пособия предназначены для иностранных курсантов строительных специальностей, изучающих русский язык, и ориентированы на формирование профессионально-коммуникативных компетенций. Целью учебников является развитие устной и письменной речевой деятельности в общекультурной и профессиональной сфере. Содержание опирается на коммуникативно-деятельностный подход: обучение направлено на развитие способности использовать язык в профессиональных ситуациях. В каждом разделе реализуется система заданий, обеспечивающих последовательное развитие всех видов речевой деятельности в интеграции.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ (ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ)
ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ А.В. ХРУЛЕВА

Русский язык как иностранный. Изучаем специальные предметы

Учебник

Санкт-Петербург 2023

Рис. 1. Обложка учебника «РКИ. Изучаем специальные предметы»

Fig. 1. Cover of the textbook «RKL. Studying Special Subjects»

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ (ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ)
ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ А.В. ХРУЛЕВА

Русский язык как иностранный. Изучаем военное дело

Учебник

Санкт-Петербург 2023

Рис. 2. Обложка учебника «Русский язык как иностранный. Изучаем военное дело»

Fig. 2. Cover of the textbook «Russian as a Foreign Language. Studying Military Affairs»

Структура пособий отражает модульный принцип организации материала: каждый тематический блок включает текстовый материал, лексико-грамматические задания, упражнения для аудирования, говорения, письма и чтения, а также творческие и проблемные задания. Каждый модуль связан с конкретной профессиональной темой: «Инженерная геодезия», «Строительные материалы», «Геоинформационные системы», «Строительная механика», «Строительные конструкции», «Общая тактика», «Новейшие виды вооружений», «Военная топография» и др. Тематический материал соответствует профессиональным реалиям военной и строительной сферы: обсуждаются реальные ситуации, технологические процессы, организация строительных и военных объектов, взаимодействие специалистов.

Основная методическая установка пособий – развитие коммуникативной и профессиональной компетенции иностранных студентов строительных специальностей через последовательное формирование всех видов речевой деятельности (ВРД) в контексте специальности.

Целью анализа явилось выявление особенностей профессионально-коммуникативной направленности речевых упражнений и заданий. Для анализа были рассмотрены структура учебных пособий, типология текстов и заданий (инструкции, комментарии, система упражнений, творческие задания).

В основу анализа положены следующие критерии:

1. Соотношение видов речевой деятельности (чтение, аудирование, говорение, письмо) в структуре пособий.
2. Функциональная направленность заданий – информационная, коммуникативная, профессионально-ориентированная.
3. Типологическая характеристика речевых упражнений – репродуктивные, продуктивные, творческие, интегрированные.
4. Степень интеграции ВРД в пределах одной темы или раздела.
5. Соответствие упражнений целям профессионально-языковой подготовки будущих военных строителей.

В анализе были учтены идеи комплексного, коммуникативно-деятельностного и профессионально ориентированного подходов, позволяющих рассматривать виды речевой деятельности как структурно и функционально взаимосвязанные компоненты учебного процесса.

Проведённый анализ показал, что учебные пособия «Русский язык как иностранный. Изучаем специальные предметы» и «Русский язык как иностранный. Изучаем военное дело» представляют собой современные профессионально-ориентированные комплексы, в которых системно реализованы все виды речевой деятельности – чтение, аудирование, говорение и письмо – в их взаимосвязи и функциональной целостности. Методические особенности учебников состоят в том, что в них преобладают задания на понимание, анализ и обработку

информации, а не только на ее воспроизведение. В результате у иностранных учащихся формируется навык работы с профессиональной информацией, терминологией.

Задания направлены на:

- усвоение профессиональной лексики и терминологии;
- развитие навыков работы с текстом (чтение, анализ, аннотирование);
- формирование умений воспринимать и продуцировать устную и письменную речь;
- моделирование профессиональных ситуаций общения.

Задания на чтение

Чтение в учебниках реализуется как основной рецептивный вид речевой деятельности, обеспечивающий доступ к профессионально значимой информации. Чтение выступает базовым видом речевой деятельности, обеспечивающим когнитивное освоение профессиональных знаний. Через чтение обучающиеся получают доступ к терминологическому и понятийному аппарату строительной и военной специальности, учатся извлекать и перерабатывать информацию из аутентичных источников. Учебники содержат профессиональные тексты различных жанров: статьи о строительных технологиях, инструкции, технические описания, краткие справочные материалы, выдержки из уставов. Каждый текст сопровождается системой заданий, направленных на развитие разных видов чтения – ознакомительного, поискового и изучающего. Задания предполагают чтение для извлечения конкретной информации, чтение для понимания структуры и чтение для критического осмысления. Примеры заданий:

«Прочитайте текст и определите, какие материалы используются при строительстве жилых зданий», «Используйте для дискуссии материалы текста», «Прочитайте текст. Скажите, о каких образцах оружия в нём идёт речь» – упражнения на ознакомительное чтение, развивают умение выделять основную информацию в тексте.

«Найдите в тексте слова, обозначающие строительные инструменты. Запишите их и определите часть речи» – упражнения на избирательное чтение и лексико-грамматическую обработку текста.

«Разделите текст на смысловые части и озаглавьте каждую из них», «Прочитайте текст и выделите в нём главные абзацы» – упражнения направлены на анализ композиционной структуры текста.

«Составьте краткий конспект текста», «Найдите информацию в тексте и дополните данные схемы» – интегрированные задания, связывающие чтение с письмом.

При этом тексты в учебнике профессионально ориентированы, аутентичны, но адаптированы по лексико-грамматическому уровню (B1–B2). Таким образом, чтение в учебнике выполняет когнитивную и коммуникативную функцию, обеспечивая базу для последующих продуктивных видов деятельности (рис. 3, 4).

Задание 36. Прочитайте текст. Задайте друг другу вопросы по тексту.

Шуховская башня

В 1922 г. была построена радиомачта из стальных элементов – башня инженера В. Шухова, которая является произведением инженерного искусства. Башня определила применение в строительстве гиперболоидов – конструкций двойной кривизны, образованных движением прямого стержня по гиперболе.

В.Г. Шухов – гениальный русский конструктор, работы которого ещё до революции предвосхищали многие инженерные решения, в том числе сетчатые конструкции, вошедшие в практику только в первой четверти XX века.

Лёгкая, ажурная радиомачта на Шаболовке высотой 148 м создала вертикальный акцент в застройке большого района Москвы. Первый проект башни на Шаболовке был разработан В.Г. Шуховым в 1919 году с расчётной высотой 350 метров. Из-за дефицита металла во время гражданской войны

проектная разработка была реализована по второму проекту в виде конструкции высотой 148,3 метра. 19 марта 1922 года началась трансляция радиопередач с уникальной антенной башни.

Сооружение удивительно красивой и самой большой в России на то время башни вызвало всеобщий восторг.

Шуховская башня имеет оригинальную изящную сетчатую конструкцию.

Рис. 3. Пример задания на чтение.

Fig. 3. An example of a reading assignment.

Задание 29. Прочитайте текст и составьте схемы, отражающие организационную структуру и состав Военно-морского флота.

В последнее воскресенье июля отмечают День Военно-морского флота Российской Федерации.

Военно-морской флот (ВМФ) — главная сила Вооружённых Сил Российской Федерации для защиты интересов России в Искл^ючительной морской (экономической) зоне, проведения поисково-спасательных операций, а также ведения боевых действий на море.

В состав ВМФ входят Подводные силы, Надводные силы, Береговые войска, Морская авиация, части и соединения специального назначения и тыла, а также Гидрографическая служба ВМФ.

ВМФ также организационно делится на Балтийский флот, Черноморский флот, Северный флот, Тихоокеанский флот, Каспийскую флотилию.

Рис. 4. Пример задания на чтение.

Fig. 4. An example of a reading assignment.

Задания на аудирование

Аудирование в учебниках представлено как средство восприятия профессиональной речи в естественном контексте. Благодаря использованию тематических видео- и аудиотекстов (лекции, фрагменты диалогов, интервью, инструкции по технике безопасности на строительных объектах) создаются условия для формирования навыков понимания речи носителей языка и моделирования реальных коммуникативных ситуаций. Примеры заданий:

- «Прослушайте запись и определите, какие материалы обсуждают инженеры» – упражнение на развитие умения выделять фактическую информацию.
- «Прослушайте диалог и отметьте верные утверждения» – упражнение на формирование навыков понимания речи, критического слушания.
- «Ответьте на вопросы по содержанию прослушанного фрагмента» – упражнение на активизацию понимания и воспроизведение информации.
- «Прослушайте фрагмент лекции и составьте краткий конспект» – интегрированные задания, связывающие аудирование и письмо, развивающие умение фиксировать ключевые сведения.

Материалы заданий отражают профессиональные ситуации общения (обсуждение строительных процессов, техника безопасности, планирование работ). При этом используются тексты разного уровня сложности, требующие и общего понимания, и детального анализа. Такая организация обеспечивает развитие речевого слуха, формирование умения воспринимать профессиональную речь с естественной скоростью и разной степенью информативности. После прослушивания обязательно следует продуктивное задание (обсуждение, пересказ, комментарий, тест, упражнения), что обеспечивает переход от восприятия к порождению речи. Методическая новизна учебника заключается в использовании аудиовизуальной поддержки (видеофрагменты, скрипты текстов), что соответствует современным подходам к обучению восприятия устной речи в профессиональной сфере (рис. 5).

Задание 20. Слушайте лекцию «Природные каменные материалы» и закончите предложения.

1. Природные каменные материалы получают ...
2. Природный камень, наряду с древесиной, был ...
3. В наше время природные плотные материалы продолжают широко применяться для
4. Пористые природные материалы применяются в конструкциях жилых и общественных зданий, в виде ...
5. Все горные породы можно разделить на
6. К магматическим горным породам относятся ...
7. Представителями осадочных горных пород являются ...
8. Представителями метаморфических горных пород являются ...
9. Осадочные горные породы подразделяются на
10. Среди многообразия физико-химических свойств природных материалов обычно выделяют:

Рис. 5. Пример задания на аудирование.

Fig. 5. An example of an audition task.

Аудирование способствует развитию лексического словаря и формированию профессионального опыта восприятия речи на слух – очень важного для будущей коммуникации специалистов в инженерной военной среде.

Задания на говорение

Говорение в учебниках представлено как основная продуктивная деятельность, тесно связанная с профессиональными ситуациями общения, как ключевой инструмент профессиональной коммуникации. Задания ориентированы на развитие умений аргументировать, обсуждать, презентовать результаты профессиональной деятельности,

включают моделирование профессиональных коммуникативных ситуаций: доклады начальству, командные приказы, краткие устные сообщения, дискуссии. Упражнения разнообразны: монологические (подготовленный доклад, описание), диалогические (ролевые игры, переговоры, дискуссии).

Согласно методическим рекомендациям Е.И. Пассова (Пассов, 2010) и М.Н. Вятютнева (Вятютнев, 2015), развитие говорения должно опираться на речевые клише и модели, характерные для профессиональной коммуникации. Важная методическая находка пособий — опора на типовые речевые формулы, что облегчает формирование жанровой компетенции (*Я думаю что...; по-моему...; мне кажется, что...; я (не) согласен с мнением; трудно сказать однозначно, но...; нет, я так не думаю; я считаю, что...; на мой взгляд ...*).

Задания на говорение в пособиях включают моделирование профессиональных коммуникативных ситуаций: доклады начальству, командные приказы, краткие устные сообщения, дискуссии. Упражнения разнообразны: монологические (подготовленный доклад, описание), диалогические (ролевые игры, переговоры). Примеры заданий:

- Репродуктивные: «Повторите за преподавателем названия строительных инструментов» – тренировка артикуляции и закрепление профессиональной лексики.
- Репродуктивно-продуктивные: «Расскажите об основных этапах строительства и месте в них геодезических работ», «Каким бы я был командиром отделения» – упражнения на формирование монологической речи.
- Интерактивные: «В парах обсудите, какие материалы лучше использовать при строительстве моста», «Организуйте дискуссию в парах, используя конструкции с придаточными изъяснительными *Знаете ли вы, что...? Известно ли вам, что...?*» – упражнения на развитие диалогической речи и аргументации.
- Проблемные: «Составьте устный монолог-рассуждение на тему «Бетон – самый распространенный строительный материал» – задания, включающие интеграцию профессионального знания и коммуникативных навыков.

Значительным достоинством учебников является использование интерактивных заданий: ролевых игр, коллективных обсуждений. Это создаёт активную среду и воспроизводит реальные условия общения, что соответствует принципу коммуникативного моделирования (Щукин, 2020). Реализация ролевых и проблемных заданий способствует формированию коммуникативной компетенции обучающихся (рис. 6, 7).

Задание 23. Прочитайте высказывания. Скажите, как вы их понимаете. Согласны ли вы с ними. Аргументируйте свой ответ.

«Большое здание должно начинаться с неизмеримого, должно пройти через измеримые средства при проектировании и, в конце концов, должно быть неизмеримо». (Луи Кан)

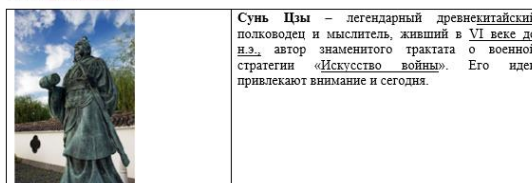
«Хорошие здания создаются хорошими людьми, и все проблемы решаются с помощью хорошего дизайна». (Стивен Гардинер)

«Вы должны смотреть не на красоту здания, а на строительство фундамента, который выдержит испытание временем». (Дэвид Аллан Ков)

Рис. 6. Пример задания на говорение.

Fig. 6. An example of a speaking task.

Задание 28. Задание. Прочитайте внимательно цитаты из книги «Искусство войны» Сунь Цзы. Какое высказывание вам нравится больше? Аргументируйте свою позицию, используя материалы Задания 5 (схема Ганса Гутброта).

1. Война любит победу и не любит продолжительности.
2. Когда обороняются, значит, есть в чем-то недостаток; когда нападают, значит, есть все в избытке.
3. Непобедимость есть оборона; возможность победить есть наступление.
4. Стратегия без тактики – это самый медленный путь к победе.
5. Тактика без стратегии – это просто суета перед поражением.

Бамбуковые планки с «Искусством войны», датированные II веком до нашей эры	«Искусство войны» Сунь-цзы в виде «Бамбуковой книги»
--	--

Рис. 7. Пример задания на говорение.

Fig. 7. An example of a speaking task.

Все упражнения строятся по принципу постепенного усложнения: от репродуктивных к творческим. Говорение формируется на основе профессиональных тем, что повышает мотивацию и значимость речевой деятельности. Акцент делается не только на правильности, но и на коммуникативной эффективности речи. Таким образом, говорение в пособиях рассматривается как модель профессионального общения военного инженера, а задания формируют умение выражать мысли в научно-техническом стиле речи.

Задания на письмо

Письменная речь в пособиях представлена как продуктивный этап речевой деятельности, тесно связанный с чтением и аудированием. Письменная речь формируется через разнообразную систему упражнений – от простых грамматических заданий до создания объемных сочинений-рассуждений, эссе, развернутых профессиональных текстов. Упражнения направлены на овладение письменными жанрами, характерными для инженерно-строительной сферы: отчет, аннотация, инструкция. Примеры заданий:

- «Заполните таблицу: строительные материалы – их свойства – область применения» – упражнение формирует навык структурирования информации.
- «Составьте краткое описание строительного объекта по рисунку» – упражнение на развитие описательной письменной речи.
- «Напишите инструкцию по технике безопасности при бетонных работах» – упражнение на формирование умений создавать текст официально-делового стиля.
- «Составьте тезисы, сократив предложения и оставив в них только главную информацию», «Составьте план текста, перескажите текст по плану» – интеграция письма с говорением.

- «Напишите сочинение-рассуждение на тему «Почему знание свойств грунта необходимо каждому строителю?», «Руководить людьми должен умный человек» – упражнения по развитию письменной речи.
- «Выпишите из текста все причастия, напишите глаголы, от которых они образованы, определите их вид» – грамматические задания.

Особенностью данных учебников является наличие заданий по редактированию профессиональных текстов, что развивает критическое мышление и навыки письменной корректуры – аспект, редко представленный в базовых курсах РКИ (рис. 8).

Задание 16. Посмотрите на фото 1 и фото 2. Напишите, с какими этапами строительства можно соотнести работу геодезистов?

Задание 19. Опишите картинку. В чём заключается юмор? Почему роль геодезиста так важна в строительстве? Подумайте, как часто в жизни мы пользуемся услугами инженера-геодезиста? Почему для геодезиста принципиально важна точность? Какими ещё качествами, на ваш взгляд, должен обладать специалист в области строительной геодезии?

Рис. 8. Пример задания на письмо.

Fig.8. An example of a letter assignment.

Письменные задания выполняются на основе предыдущих видов деятельности (чтение, аудирование). При этом формируется не только языковая, но и профессиональная компетенция: студенты учатся строить тексты в соответствии с нормами профессиональной коммуникации. Таким образом, письменные задания способствуют развитию аналитического мышления и умению выражать профессиональные знания в письменной форме.

Особое методическое значение имеет интеграция всех видов речевой деятельности в рамках тематических модулей. В каждом разделе учебников последовательно реализуется принцип взаимосвязанного обучения, при котором рецептивные виды (чтение, аудирование) служат опорой для продуктивных (говорение, письмо). Такой интегративный подход, когда виды речевой деятельности представлены не изолированно, а в системе, является одним из главных достоинств анализируемых учебников. Эта конструктивная особенность учебных комплексов согласуется с теоретическими установками отечественной лингводидактики (Азимов, Щукин, 2019).

Заключение

Таким образом, учебники воплощают идею коммуникативно-деятельностного подхода, обеспечивая формирование комплексной профессионально-языковой компетенции. Они не только способствует развитию языковых навыков иностранных учащихся инженерно-строительного профиля, но и обеспечивает формирование у них профессиональной коммуникативной компетенции в ситуациях, близких к реальной профессиональной деятельности. В них реализованы основные принципы обучения РКИ: коммуникативность, профессиональная направленность, интеграция видов речевой деятельности, аутентичность материалов.

Учебные пособия отличают ориентация на реальные профессиональные ситуации, включение интерактивных форм работы, актуальная тематика и современная лексика.

В целом, учебники могут служить эффективным инструментом формирования профессиональной речевой компетенции иностранных учащихся строительных специальностей уровня В1–В2. Профессиональная тематика выступает средством речевого развития, обеспечивая переход от учебной деятельности к реальному профессиональному общению.

Успешное овладение русским языком в профессиональной сфере возможно только при условии комплексного развития всех видов речевой деятельности в едином методическом пространстве. Учебные пособия демонстрируют пример эффективной реализации этого подхода.

В перспективе дальнейших исследований представляется целесообразным:

- проведение сопоставительного анализа аналогичных учебных комплексов для других инженерных направлений;
- разработка цифровых модулей, поддерживающих взаимодействие видов речевой деятельности в онлайн-среде;
- разработка инструментов оценки сформированности профессионально-языковой компетенции с опорой на ВРД.

Таким образом, данные учебники можно рассматривать как модель современных профессионально-ориентированных курсов РКИ, адекватно отражающих специфику речевой деятельности в инженерно-строительной сфере.

Список источников / References

1. Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. (2019). *Новый словарь методических терминов и понятий*. М.: Русский язык. Курсы.
Azimov, E.G., Shchukin, A.N. (2019). *New Dictionary of Methodological Terms and Concepts*. Moscow: "Russkiy yazyk. Kursy". (In Russ.)
2. Балыхина, Т.М. (2014). *Методика преподавания русского языка как иностранного*. М.: Русский язык. Курсы.
Balykhina, T.M. (2014). *Methods of Teaching Russian as a Foreign Language*. Moscow: "Russkiy yazyk. Kursy". (In Russ.)

Орехова Н.Н. (2025)
Виды речевой деятельности в учебнике русского языка как
иностранного
Язык и текст, 12(4), 173—189.

Orekhova N.N. (2025)
Types of speech activity in the textbook of Russian
as a foreign language
Language and Text, 12(4), 173—189.

3. Бим, И.Л. (2018). *Теория и практика обучения иностранным языкам: Лингводидактические основы*. М.: Русский язык.
Bim, I.L. (2018). *Theory and Practice of Teaching Foreign Languages: Linguodidactic Foundations*. Moscow: "Russkiy yazyk". (In Russ.)
4. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. (1990). *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. М.: Русский язык.
Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. (1990). *Language and Culture: Linguocultural Studies in Teaching Russian as a Foreign Language*. Moscow: "Russkiy yazyk". (In Russ.)
5. Вятютнев, М.Н. (2015). *Методика обучения иностранным языкам в неязыковом вузе*. М.: Академия.
Vyatutnev, M.N. (2015). *Methods of Teaching Foreign Languages in a Non-Linguistic University*. Moscow: "Akademiya". (In Russ.)
6. Гальскова, Н.Д. (2020). *Современные концепции обучения иностранным языкам*. М.: Академия.
Galskova, N.D. (2020). *Modern Concepts of Teaching Foreign Languages*. Moscow: "Akademiya". (In Russ.)
7. Гладких, И.А., Орехова, Н.Н., Сафронова, Е.Ю. (2023). *Русский язык как иностранный. Изучаем специальные предметы: учебное пособие для иностранных студентов строительных специальностей*. Москва: ФЛИНТА, 2023.
Gladkikh, I.A., Orekhova, N.N., Safronova, E.Yu. (2023). *Russian as a Foreign Language. Studying Special Subjects: Textbook for Foreign Students of Construction Specialties*. Moscow: "FLINTA", 2023. (In Russ.)
8. Гладких, И.А., Орехова, Н.Н., Сафронова, Е.Ю. (2023). *Русский язык как иностранный. Изучаем военное дело: учебное пособие для иностранных курсантов военных вузов*. Москва: ФЛИНТА.
Gladkikh, I.A., Orekhova, N.N., Safronova, E.Yu. (2023). *Russian as a Foreign Language. Studying Military Affairs: Textbook for Foreign Cadets of Military Universities*. Moscow: "FLINTA". (In Russ.)
9. Зимняя, И.А. (1991). *Психология обучения иностранным языкам*. М.: Просвещение.
Zimnyaya, I.A. (1991). *Psychology of Teaching Foreign Languages*. Moscow: "Prosveshchenie". (In Russ.)
10. Зимняя, И.А. (2004). *Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании*. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов.
Zimnyaya, I.A. (2004). *Key Competencies as a Result-Oriented Basis of the Competence-Based Approach in Education*. Moscow: "Research Center for the Problems of Quality of Specialist Training". (In Russ.)

11. Капранова, Н.А. (2018). *Профессионально-ориентированные технологии обучения РКИ*. СПб.: Златоуст.
Kapranova, N.A. (2018). *Professionally-Oriented Technologies for Teaching Russian as a Foreign Language*. Saint Petersburg: "Zlatoust". (In Russ.)
12. Лаптева, Т.В. (2021). Формирование профессиональной компетенции в процессе обучения РКИ студентов технических направлений. *Русский язык за рубежом*, 3, 45–52.
Lapteva, T.V. (2021). Formation of Professional Competence in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language to Technical Students. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 3, 45–52. (In Russ.)
13. Лапшина, Т.А. (2017). *Профессионально-ориентированное обучение РКИ: теория и практика*. СПб.: Златоуст.
Lapshina, T.A. (2017). *Professionally-Oriented Teaching of Russian as a Foreign Language: Theory and Practice*. St. Petersburg: "Zlatoust". (In Russ.)
14. Леонтьев, А.А. (1969). *Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания*. М.: Наука.
Leontiev, A.A. (1969). *Psycholinguistic Units and the Generation of Speech Utterance*. Moscow: "Nauka". (In Russ.)
15. Лурия, А.Р. (1982). *Язык и сознание*. М.: Педагогика.
Luriya, A.R. (1982). *Language and Consciousness*. Moscow: "Pedagogika". (In Russ.)
16. Пассов, Е.И. (2000). *Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению*. Воронеж: Интерлингва.
Passov, E.I. (2000). *Foundations of the Communicative Methodology of Teaching Foreign Language Communication*. Voronezh: "Interlingva". (In Russ.)
17. Пассов, Е.И. (2010). *Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению*. М.: Просвещение.
Passov, E.I. (2010). *Communicative Method of Teaching Foreign Language Speaking*. Moscow: "Prosveshchenie". (In Russ.)
18. Пассов, Е.И. (1991). *Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению*. М.: Просвещение.
Passov, E.I. (1991). *Communicative Method of Teaching Foreign Language Speaking*. Moscow: "Prosveshchenie". (In Russ.)
19. Халеева, И.И. (1989). *Основы теории обучения пониманию иноязычной речи*. М.: Высшая школа.
Khaleeva, I.I. (1989). *Foundations of the Theory of Teaching Understanding of Foreign Language Speech*. Moscow: "Vysshaya shkola". (In Russ.)
20. Щукин, А.Н. (2020). *Методика преподавания русского как иностранного*. М.: Русский язык. Курсы.

Орехова Н.Н. (2025)
Виды речевой деятельности в учебнике русского языка как
иностранного
Язык и текст, 12(4), 173—189.

Orekhova N.N. (2025)
Types of speech activity in the textbook of Russian
as a foreign language
Language and Text, 12(4), 173—189.

Shchukin, A.N. (2020). *Methods of Teaching Russian as a Foreign Language*. Moscow: “Russkiy yazyk. Kursy”. (In Russ.)

21. Щукин, А.Н. (2003). *Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам*. М.: Филоматис.

Shchukin, A.N. (2003). *Modern Intensive Methods and Technologies of Teaching Foreign Languages*. Moscow: “Filomatis”. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья Николаевна Орехова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного, Российский государственный гидрометеорологический университет (РГГМУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3318-0996>, e-mail: natnikore@gmail.com

Information about the author

Natalya N. Orekhova, Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Philology and Russian as a Foreign Language, Russian State Hydrometeorological University (RSHU), Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3318-0996>, e-mail: natnikore@gmail.com

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Научная статья | Original paper

Предиктивные инструменты для анализа суггестивного потенциала вербальной модели

Т.М. Рогожникова✉

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

✉ burzian@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Прогностические технологии исследования языковых явлений сегодня востребованы в разных областях деятельности: деловой коммуникации, медиапланировании, судебной экспертизе, психологической практике, суггестивной лингвистике, политической и общественной деятельности. Теоретической основой послужила концепция о латентных суггестивных ресурсах вербальных моделей любой сложности, которые возможно выявить и проанализировать с помощью специально созданных предиктивных инструментов. **Цель.** Основная цель исследования заключается в разработке новых и адаптации уже имеющихся в других научных парадигмах технологий для изучения суггестивного потенциала вербальной модели, а также в создании пула инструментов, позволяющих решать целевые задачи. **Гипотеза.** Рабочей гипотезой стало предположение о том, что латентное содержание воздействующих ресурсов поддается декодированию с помощью предиктивных инструментов, а также допущение о причинной зависимости между качественными и количественными показателями глубинных скрытых характеристик вербальной модели (паттернами ритмов мозга, ассоциативной цветностью, свойствами информационной избыточности модели, категориально-статистическими оценками, статусом эмоционального состояния, ритмическими кодами сложных моделей и многими другими). **Методы и материалы.** Результаты исследования опираются на ряд методов и технологий, среди которых эксперименты, методы математической статистики и шкалирования, корреляционный анализ, контент-анализ, инструментальный анализ медленной электрической активности мозга, ранжирование с использованием классификаторов разных типов (вероятностного, нейронных сетей и наборов логических правил), создание специализированного программного обеспечения

и разработка цифровых моделей на основе полученных экспериментальных данных, детекция эмоциональных состояний и цифровая обработка визуальной информации и другие. При выборе материала и методов анализа автор руководствовался требованием верифицируемости результатов, достоверность которых может быть перепроверена другими исследователями. **Результаты.** В ходе анализа установлены законы действия и воздействия вербальных моделей разного уровня сложности (звукобуква, слово, текст). Созданы 5 компьютерных программ для автоматизированного анализа данных на русском, английском, немецком, татарском и башкирском языках. Рассчитаны матрицы ассоциативной цветности звукобукв пяти языков. Представлена в виде полихромных картин ассоциативная цветность пяти языков. Разработана и описана новая технология анализа суггестивного потенциала текста. Построена математическая модель для оценки информационной избыточности текста. Предложены алгоритмы оценки суггестивного потенциала вербальных моделей разной сложности. Продолжается работа по установлению авторской константы как идентификатора индивидуального языка автора. **Выводы.** Латентный воздействующий потенциал вербальных моделей поддается количественным измерениям и описанию по показателям качества суггестивных ресурсов (от максимально отрицательных до максимально положительных). Разработанная автором процедура синкризы позволяет описывать неявную обусловленность различных параметров скрытого потенциала и на основе установленных закономерностей рассчитывать ресурс воздействия.

Ключевые слова: суггестивный потенциал, вербальная модель, предиктивные инструменты, ассоциативная цветность, процедура синкризы, ритмические паттерны

Благодарности. Автор благодарит за сотрудничество математика В.Ю. Суетина, программистов и аналитиков компьютерных систем Д.Д. Кудашова, Н.Н. Воронова, С.А. Воронкова, А.В. Астафурова и всех коллег, которые участвовали в исследованиях.

Для цитирования: Рогожникова, Т.М. (2025). Предиктивные инструменты для анализа суггестивного потенциала вербальной модели. *Язык и текст*, 12(4), 190—210. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120416>

Predictive tools for analysis of verbal model suggestive potential

T.M. Rogozhnikova✉

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

✉ burzian@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Prognostic technologies of language phenomena research are in demand in different fields of activity: business communication, media planning, forensic science, psychological practice, suggestive linguistics, political and public activities. The theoretical basis is the concept of latent suggestive

resources of verbal models of any complexity, which can be identified and analyzed with specially designed predictive tools. **Purpose.** The main objective of the study is to develop new and to adapt already available in other scientific paradigms technologies to explore verbal model suggestive potential, as well as to create a pool of tools that can be used to solve specific problems. **Hypothesis.** The working hypothesis is the assumption of causal relationship between qualitative and quantitative indicators of deep latent characteristics of any verbal model (brain rhythms patterns, associative color, informational redundancy properties, categorical-statistical assessments, emotional state status, rhythmic codes of complex models and many others). **Methods and materials.** The results of the research are based on a number of methods and technologies, among which experiments, mathematical statistics and scaling methods, correlation analysis, content-analysis, instrumental analysis of brain slow electrical activity, ranking using classifiers of different types (probabilistic, neural networks and sets of logical rules), creation of specialized software and development of digital models on the basis of the obtained experimental data, emotional states decoding and digital processing of visual information and others. In the selection of material and methods, the author is guided by the requirement of verifiability of results, the validity of which can be checked by other researchers. **Results.** The laws of action and impact of verbal models of different levels of complexity (sound-letter, word, text) have been established in the analysis. Five computer programs for automated data analysis in Russian, English, German, Tatar and Bashkir have been created. In addition, associative color matrices of the five languages sound-letters were calculated. Associative chromaticity of the languages was presented in the form of polychrome pictures. New analysis technology of text suggestive potential was described. A mathematical model for estimation of text information redundancy was build. Algorithms for estimating the suggestive potential of verbal models were proposed. Currently, work is ongoing to establish an author's constant as an identifier of individual language. **Conclusions.** Latent impact potential of verbal models can be quantified and described by quality indicators of suggestive resources (from maximum negative to maximum positive). The synkrisis procedure developed by the author allows to describe the implicit conditionality of various parameters of the latent potential and on the basis of the established regularities calculate the duration of the impact.

Keywords: suggestive potential, verbal model, predictive tools, associative color, synkrisis procedure, rhythmic patterns

Acknowledgements. The author is grateful for the cooperation to mathematician V.Yu. Suetin, to programmers and analysts of computer systems D.D. Kudashov, N.N. Voronov, S.A. Voronkov, A.V. Astafurov, and to all the colleagues participated in the research.

For citation: Rogozhnikova, T.M. (2025). Predictive tools for analysis of verbal model suggestive potential. *Language and Text*, 12(4), 190—210. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120416>

Введение

В данной публикации рассматривается проблема создания инструментов, позволяющих оценивать суггестивный потенциал вербальной модели любой сложности: звукобуквы, слова, предложения, текста. Измерение и оценка качества суггестивных ресурсов сегодня востребованы в разных областях деятельности: бизнес-коммуникации и деловом общении, медиапланировании, психологической и медицинской практике, судебной экспертизе, суггестивной лингвистике, педагогической практике, политической и общественной деятельности. Результаты исследования опираются на долгосрочные экспериментальные и теоретические исследования автора, который на протяжении многих лет изучал данную проблему. В ходе работы автором и его учениками созданы пять компьютерных программ для автоматизированного анализа данных на русском, английском, немецком, татарском и башкирском языках (перечень программ приводится в конце статьи после списка источников). Рассчитаны матрицы ассоциативной цветности звукобукв пяти названных языков (Рогожникова, Кочетова, 2012; Рогожникова, Яковлева, 2016; Rogozhnikova, Efimenko, 2018). Представлена в виде полихромных картин ассоциативная цветность пяти языков (Рогожникова, Кудашов, Мустаев, 2019). Построена математическая модель для оценки информационной избыточности текста (Рогожникова, Воронов, 2016). Разработана и описана новая технология анализа суггестивного потенциала текста (Рогожникова, 2020). Предложены алгоритмы оценки суггестивного потенциала вербальных моделей разной сложности (Рогожникова, 2021). Создан алгоритм оценки ритмической организации прозаического текста разных авторов (Рогожникова, Кишалова, 2015). Описана технология кодирования информации при разных модальностях восприятия (Рогожникова, Навалихина, 2011). Продолжается работа по установлению авторской константы как идентификатора индивидуального языка автора (Рогожникова, Суетин, 2023; Рогожникова, Астафуров, 2023). В ходе исследований была выстроена логика перепроверки результатов, предполагающая определенную последовательность шагов, метаязык описания данных, а также специально разработанный инструментарий, обеспечивающий формализацию процессов декодирования ресурсов воздействия.

Данная публикация опирается на исследования, проведенные в этой области ранее. Современное языковедение изобилует трактовками явления речевого воздействия (И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, П.Б. Паршин, В.Ф. Петренко, О.С. Иссерс, А.П. Журавлев, Й. Мистрик, И.Ю. Черепанова, С.В. Воронин, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов, Р. Бендлер, Дж. Гриндер, И.М. Дзялошинский, Е.В. Шелестюк, С.Ю. Полуйкова, Л.Л. Фёдорова и другие). Авторы анализируют проблему вербальной суггестии с разных методологических позиций. Во многих работах авторская концепция речевого воздействия рассматривается как новая научная парадигма, предметом которой выступает эффективность общения. Исследователи детально анализируют правила и приемы эффективного речевого воздействия в различных коммуникативных ситуациях, предлагают варианты отработки практических риторических навыков, учитывая при этом как вербальные, так и невербальные сигналы, и стимулы в общении. Такими нормативными правилами считаются приветствия, благодарность за услугу, извинения за причиненные неудобства, выражение сочувствия и другие. Рассматриваются способы речевого воздействия (доказывание, убеждение, уговаривание, внушение, просьба, приказ, принуждение) и манипулятивные приемы. Особое место отводится коммуникативным неудачам как отрицательному результату общения. (Стернин, 2015). Немногочисленны исследования, ориентированные на изучения латентных

механизмов, помогающих декодировать суггестивный потенциал вербальной модели (Черепанова, 1996; Шалак, 2004; Шелестюк, 2009).

Общим моментом, объединяющим усилия разных исследователей, является проблема вербального воздействия, изучаемая с разных позиций. Принципиальным отличием нашей работы от предыдущих исследований является изучение скрытого (неявного) потенциала вербальной модели любой сложности *через разработку специального пула предиктивных инструментов*. Коммуникативные неудачи потому и случаются, что крайне трудно получить положительный результат (даже при соблюдении нормативных правил), если вербальная модель – носитель отрицательного суггестивного потенциала, который не проявлен и не является очевидным. Исследователи, изучающие речевое воздействие, сталкиваются с объективным дефицитом аналитического инструментария, который позволил бы им изучать столь сложное полимодальное явление с исходных позиций базового филологического образования. Получение объективных и достоверных результатов, которые возможно перепроверить, осложняется рядом препятствий методологического порядка. Методы лингвистического анализа, применяемые для работы с лексико-синтаксическими средствами, малопригодны не только для точного анализа потенциала суггестивной компоненты, но даже для операциональных процедур перекодирования названной компоненты с внутреннего кода на ее внешнюю вербализацию. Сегодня в активном научном обиходе такие сочетания как «коммуникативное воздействие», «манипуляции» или «манипулятивные воздействия», «вербальное воздействие». Исследователи разграничивают виды речевого воздействия, проводя границы между персуазивным (воздействие через апелляцию к сознанию, механизмам осознанного восприятия) и суггестивным воздействием (латентное воздействие через апелляцию к подсознательным неосознаваемым структурам).

Речевое воздействие анализируется через изучение различных речевых средств, через эстетические коды словесного творчества, через анализ средств графического оформления текста. Обращаются также к изучению сообщений, выстроенных с помощью паралингвистических средств (мимика, позы, жесты), к изучению особенностей функционирования названных знаковых систем для создания вербальных моделей с повышенной способностью воздействия на сознание и поведение другого человека. Сегодня социальная востребованность в «оптимизации речевого воздействия» является одним из основных стимулов, побуждающих к интенсивным исследованиям в этой области.

Рабочей гипотезой настоящего исследования стало допущение о причинной зависимости между качественными и количественными показателями глубинных латентных характеристик вербальной модели (паттернами ритмов мозга, ассоциативной цветностью, свойствами информационной избыточностью модели, категориально-статистическими оценками, статусом эмоционального состояния, ритмическими кодами сложных моделей и многими другими). Важными результатами работы, которые впервые описываются в данной публикации, являются установленные в ходе экспериментов *законы действия и законы воздействия вербальных моделей* и пути формализации их суггестивных ресурсов.

Процедура декодирования суггестивного потенциала вербальных моделей разного уровня сложности предполагает использование понятий, требующих точного определения. Под *вербальной моделью* в данном исследовании понимается материализованная структура любой сложности – звукобуква, слово, текст, являющаяся носителем внутренней формы, через проявления которой во внешнем контексте реализуются латентные ресурсы воздействия конкретных моделей. *Суггестивный потенциал* – латентная «сила вербальной

модели», которая может быть декодирована, измерена и представлена в количественных показателях. Потенциал соотносится с внутренней формой, существующей благодаря механизму ассоциирования. *Суггестивные ресурсы* трактуются как совокупность воздействующих элементов, которыми обладает конкретная модель и обсуждать которые возможно с помощью аналитических единиц, выявленных для уровней, позволяющих производить количественные замеры, сопоставлять получаемые показатели и сравнивать характеризующие признаки. Минимальной единицей анализа выбрана *звукобуква*, под которой понимается полимодальная сущность, воспринимаемая посредством нескольких сенсорных каналов (аудиального и визуального). Для говорящего человека звук становится осознаваемой реальностью только после соотнесения его с буквой. Именно поэтому неизвестный набор звуков, воспринимаемый аудиально, без визуального образа, не даёт полной информации из-за минимальных различий в признаковых оболочках.

Материалы и методы

Результаты исследования были получены с помощью ряда методов и технологий, среди которых важное место занимают различные виды *ассоциативных экспериментов*. Подробное их описание и полученные экспериментальные данные опубликованы (Галерея ассоциативных портретов, 2009; Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков, 2016).

В ходе работы были также задействованы методы, которые могут рассматриваться как новые только для гуманитарных парадигм, поскольку в технических областях они имеют давнюю традицию. Отметим наиболее значимые.

Метод распределения частотности вербальных единиц. Опорой для исследований в этой области стали законы Ципфа, описывающие закономерности частотного распределения слов в тексте на любом языке. Одна из статистических закономерностей вербальных моделей состоит в том, что буквы естественного языка встречаются с разной частотой, что позволяет прописать последовательность появления буквы в порядке убывания частот.

Метод распределения избыточности. Основой для создания алгоритма анализа послужила математическая теория информации Шеннона (Шеннон, 1963), которая, являясь разделом прикладной математики и информатики, позволяет измерять количество информации, содержащееся в символе. Часто употребляемые буквы обладают меньшей информацией, чем редкие. Технология использовалась автором статьи в судебной экспертизе для анализа вероятности различных трактовок данных.

Метод анализа электрических сигналов. Электрический сигнал выделяется с помощью специальной аппаратуры, обрабатывается и замеряется, при этом для активации сигналов используются внешние вербальные раздражители. Особый интерес представляют паттерны мозговой активности. Для исследований ритмов мозга используется 16-канальный электроэнцефалограф, многофункциональный компьютерный комплекс. Для анализа электроэнцефалографических (ЭЭГ), электромиографических (ЭМГ) сигналов и вызванных потенциалов (ВП) – "Нейрон-Спектр-2". Для изучения эмоциональных состояний и реакций на вербальные модели оказались полезными показатели электро-кожной активности – кожно-гальванической реакции (КГР) и кожного потенциала (КП), получаемые с помощью анализатора медленной электрической активности мозга «АМЕА».

Метод анализа ритмических кодов вербальных моделей. В ходе исследований установлено, что тексты с разной ритмической структурой обладают различным суггестивным потенциалом. Создана компьютерная программа *ПУЛЬС*, позволяющая произвести расчеты среднеквадратичного отклонения слога-акцентного оберритма текста и среднеарифметического показателя всех безударных слогов, вывести общее количество гласных и количество безударных гласных в тексте, количество междударных интервалов и количество ударений в тексте, представить результаты расчетов в графическом виде в прямоугольной системе координат (Декартовы координаты), где наглядно видны ритмические скачки анализируемого текста.

Методики изучения ассоциативной цветности вербальных моделей. Технологии изучения психологической цветности (как части устройства ментального лексикона) опираются на достижения в области фоносемантики, психосемантики цвета и потенциала звукоцвета. Ассоциативная цветность вербальных моделей анализируется при помощи созданных компьютерных программ *БАРИН*, *БАТЫР*, *БЮРГЕР* на русском, английском, немецком, башкирском и татарском языках. Для каждого из пяти языков созданы ассоциативные цветовые матрицы. Автором разработаны два подхода к анализу ассоциативной цветности. Важным результатом проделанной работы являются модели, представленные в виде цветовых картин, в которых в равных долях закодированы психологические цвета всех звукобукв названных выше языков.

Метод изучения модальности восприятия. Технологии изучения языковых явлений в контексте полимодальности восприятия опираются на модели восприятия и позволяют устанавливать изменения, происходящие в процессе кодирования информации об окружающем мире.

Метод лингвистической статистики и шкалирования. Данные технологии являются важным дополнением к экспериментам. Шкалирование позволяет выявлять латентные структуры с использованием количественных показателей и их графическим представлением. Статистический анализ помогает строить уравнения корреляционной зависимости, уравнения множественной регрессии, уравнение зависимости по значимым характеристикам.

Технологии ранжирования можно использовать как промежуточный этап сбора/анализа данных и как методику количественных измерений в соответствии с определенными критериями. Сегодня пока нет доказательных рекомендаций по оптимальному количеству объектов ранжирования, но имеются исследования с указанием границ целесообразности применения технологий.

В числе методов и технологий был использован новый метод, разработанный и введенный в научный обиход автором публикации – *процедура синкризы*.

Метод проведения синкризы. Новая технология представляет собой основанный на сравнении полимодальных данных «детектор», позволяющий оценивать когерентность эмоционального состояния человека тому дискурсу, который порождается им. Если установлена согласованность, синкриза характеризуется как положительная. Если выявлен диссонанс, синкриза считается отрицательной, что в частности свидетельствует о желании человека скрыть информацию, закамуфлировать смысл или свое отношение к сказанному.

Результаты

В результате экспериментальной и теоретической работы установлены 10 аналитических единиц и был сформирован и описан *пул предиктивных инструментов*, которые могут быть использованы для установления, измерения и описания суггестивных ресурсов вербальной модели любой сложности: звукобуквы, слова, текста. Вербальную модель можно анализировать сквозь призму возникающих при ее восприятии мозговых волн (ритмические паттерны мозга), через активизацию доминантных эмоций человека (мимический сервис и трактовки микроэкспрессий лица), через анализ ассоциативной цветности модели и потенциал звукоцвета (цветовые матрицы созданы для пяти языков), через модальности восприятия, в соответствии с которыми кодируется информация, с помощью показателей электрического сопротивления кожи человека, воспринимающего вербальную модель, и показателей информационной избыточности модели, с помощью эмоционально-оценочных признаков и процедуры синкризы, через ритмические коды сложных вербальных моделей, с помощью авторского инварианта как постоянного параметра индивидуального языка. Сегодня в арсенале десять компьютерных программ, пять из которых созданы автором, его учениками и коллегами, шестая находится в стадии разработки. С их помощью возможно работать на 5 языках (русском, английском, немецком, татарском и башкирском).

Рассмотрим на конкретном примере суггестивный потенциал самой сложной вербальной модели – текста. Для иллюстрации была выбрана наиболее рельефная и выразительная модель, обладающая большим суггестивным ресурсом – молитвенный текст. Разнообразие дискурса побуждает группировать тексты по общности основания. Молитвенные тексты представляют собой одну из таких уникальных групп. Анализировались около тысячи молитвенных текстов на русском, башкирском и татарском языках.

В рамках статьи проанализируем текст – одну из Молитв Оптинских Старцев: *«Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня и наставь и поддержи меня. Какие бы я не получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя. Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано тобой. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая. Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня каяться, молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать, благодарить и любить всех. Аминь».*

Анализ текста с помощью новой версии компьютерной программы *DIATONE*, разработанной в лаборатории профессора И.Ю. Черепановой (список используемых компьютерных программ приведен в конце публикации), обнаруживает следующий паттерн мозговой активности (Рис. 1). Текст относится к разряду вербальных моделей идеального комплексного воздействия.

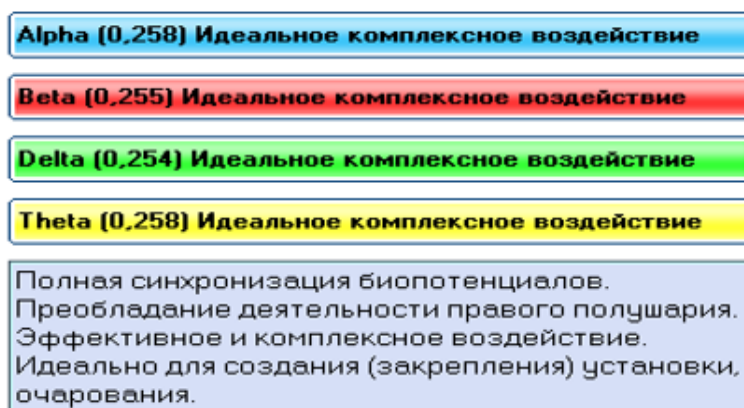

Рис. 1. Ритмы мозга, активизируемые текстом – Молитва Оптинских Старцев

Fig. 1. Brain rhythms activated by the text – A pray of Optina Elders

Анализ ассоциативной цветности обнаруживает доминирование ярко-оранжевого, золотистого и малинового цветов (Рис. 2).

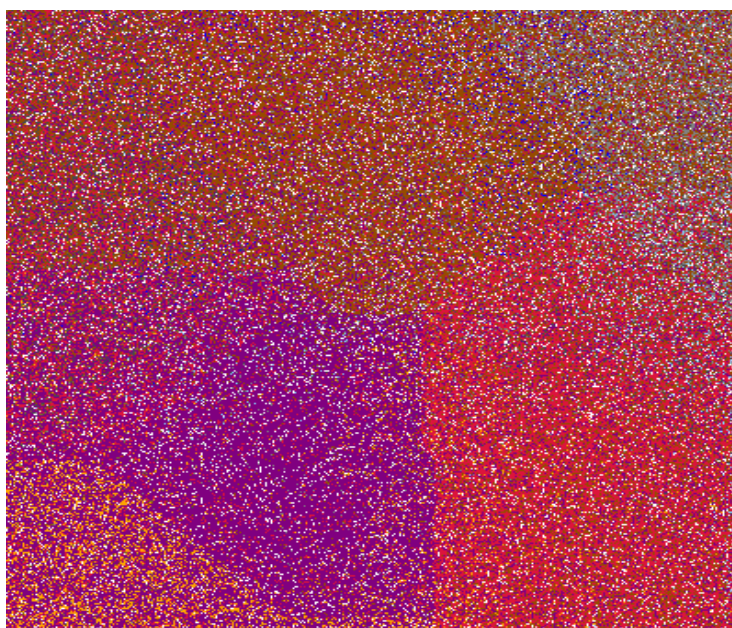

Рис. 2. Ассоциативная цветность текста – Молитва Оптинских Старцев

Fig. 2. Associative color of the text – A pray of Optina Elders

Проведенный с помощью психолингвистической экспертной системы *ВААЛ (R)* (Шалак, Дымшиц, 2005) контент-анализ текста, включающий среди прочих показателей эмоционально-лексические оценки, позволил оценить эмоциональный фон текста. Модуль компьютерной программы по оценке эмоционального профиля опирается на оценку каждого слова по пятнадцати шкалам, как правило биполярным, но не обязательно симметричным. Каждое слово оценивается по всем пятнадцати шкалам. Эмоционально-лексические оценки определяются через расчет средних величин по каждой из шкал. Если оценка положительная, то строка гистограммы окрашена в красный цвет, если отрицательная – синий. Внизу

приведены число эмоционально-оценочных слов (в данном тексте – 19), процент таких слов от всех слов анализируемого текста (15,1%), норма процента эмоционально-оценочных слов в русском языке (6,8%). Анализируемый текст молитвы высоко эмоционален, характеризуется высокими показателями *доброжелательности, самоконтроля, независимости, правдивости* и отсутствием показателей *агрессивности, эгоизма, демонстративности*.

Рис. 3. Эмоциональный профиль текста – Молитва Оптинских Старцев

Fig. 3. Emotional profile of the text – A pray of Optina Elders

Важным показателем потенциала сложной вербальной модели является частотность использования в ней звукобукв. В каждом символе содержится определенное количество информации. Математическая теория информации американского инженера Клода Шеннона, являясь разделом прикладной математики и информатики, позволяет измерить количество информации, содержащееся в символе (Шеннон, 1963). Алфавит языка представляет собой уникальную структуру, единицы которой содержат разное количество информации. Количество информации в звукобукве зависит от частоты ее употребления в конкретном языке. Редко употребляемые буквы обладают большей информацией, чем частотные.

Специальный модуль компьютерной программы *UNIVERSAL*, которая в настоящее время разрабатывается, позволяет сравнить показатели частотности появления буквы в тексте с нормативными показателями её использования в языке (Рис. 4).

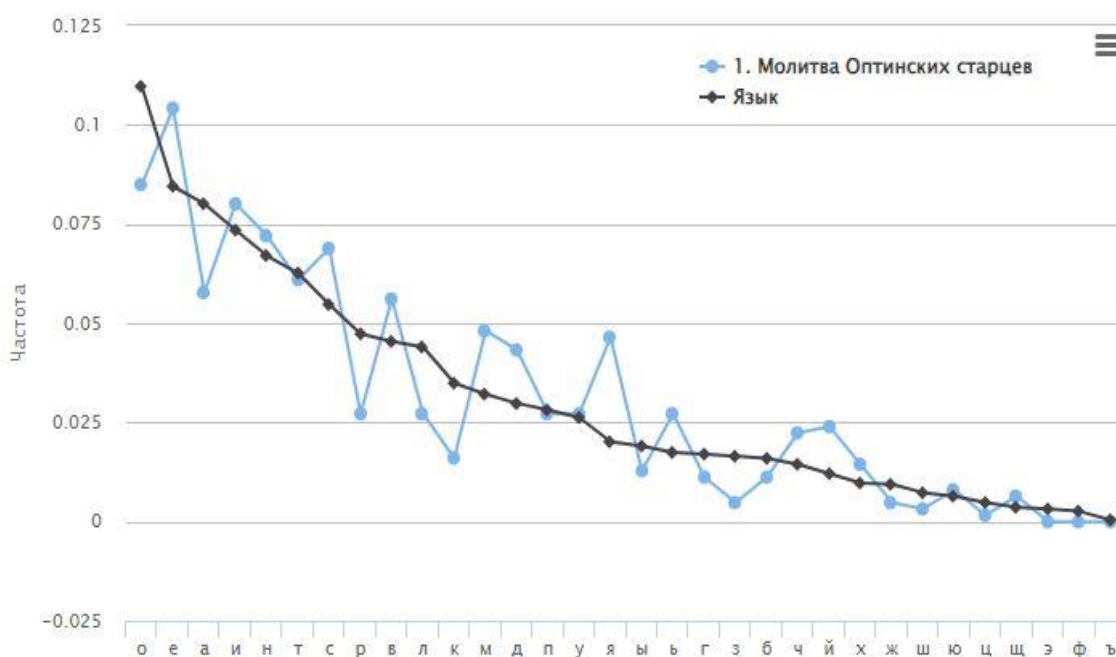

Рис. 4. Показатели частотности букв в тексте – Молитва Оптиных Старцев и в языке

Fig. 4. Frequency of letters in the text – A pray of Optina Elders and in the language

По показателю частотности текст молитвы значительно отличается от языковой нормы. Это свидетельствует том, что текст будет воздействовать на человека иначе, чем «нормативный» текст, показатели которого приближаются к норме.

Показатель частотности сопряжён с информационной избыточностью текста, которая в контексте данного исследования понимается как насыщенность единиц текста, его плотность, не связанная с содержанием и индивидуальным смыслом напрямую. Можно предположить, что скопление или, наоборот, дисперсия отдельных информационно насыщенных/ненасыщенных единиц приводят к воздействию на человека еще до того, как он понял его содержание. Уместно привести пример воздействия различных заговорных текстов, смысл которых часто бывает не понятен, при этом анализ показывает значительную разницу между текстом заговора и языковой нормой.

Избыточность трактуется как понятие, противоположное понятию информативности: чем выше избыточность вербальной модели, тем ниже ее информативность. При равной вероятности всех букв алфавита достигается нулевая избыточность и максимальная информативность любого текста. Эффективность текста может определяться через его информативность: чем более информативен текст, тем более он полезен. Таким образом, мы можем предположить, что низкий показатель избыточности – положительная характеристика текста. Математические расчеты позволили сделать вывод о том, что избыточность ниже 0.00597 – низкая, выше 0.009592 – высокая (Рогожникова, Воронов, 2016). Показатель избыточности текста – Молитва Оптиных Старцев равен **0.0038**, что свидетельствует о низкой избыточности, что подтверждает полезность текста.

Заслуживает внимания оценка текста через шкалу признаков. Были использованы две разных компьютерных программы для оценки значимых признаков текста (программа *ВААЛ*, 2005; программа *ДИАТОН (СЛОВОДЕЛ)*, 2008). Получены практически идентичные результаты. На Рис. 5 представлена накопленная гистограмма, которая основана на пошаговом анализе 25 фрагментов текста, структурированных таким образом, что каждый следующий за первым столбик гистограммы является совокупностью предшествующих оценок. Так создается накопленная оценка. Признак текста «Светлый» достигает показателя +17, усреднённый показатель равен +15.1.

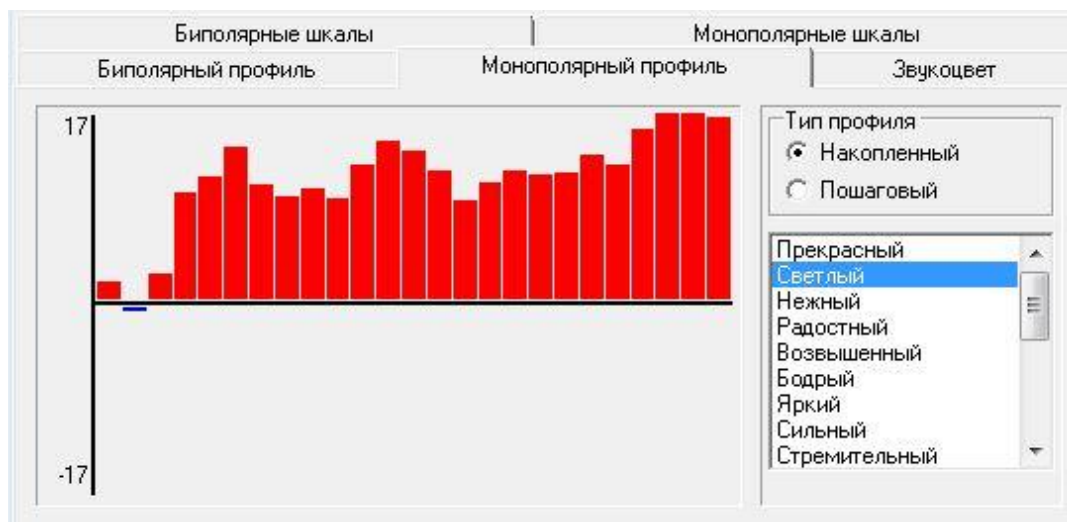

Рис. 5. Количественный показатель признака «Светлый» (Молитва Оптинских Старцев)

Fig. 5. Quantitative marker «Light» (A pray of Optina Elders)

Признаковый анализ с помощью программы *ДИАТОН* (Рис. 6) показал, что доминантным признаком текста является признак «Светлый» (+15,21), следующим по значимости выявлен признак «Нежный» (+10,12).

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что Молитва Оптинских Старцев – текст идеального комплексного воздействия, который характеризуется ассоциативной цветностью, свойственной молитвенным текстам (*ярко-оранжевый, золотистый, малиновый*), положительным эмоциональным профилем, низкой избыточностью, положительными доминантными признаками (*Светлый, Нежный*).

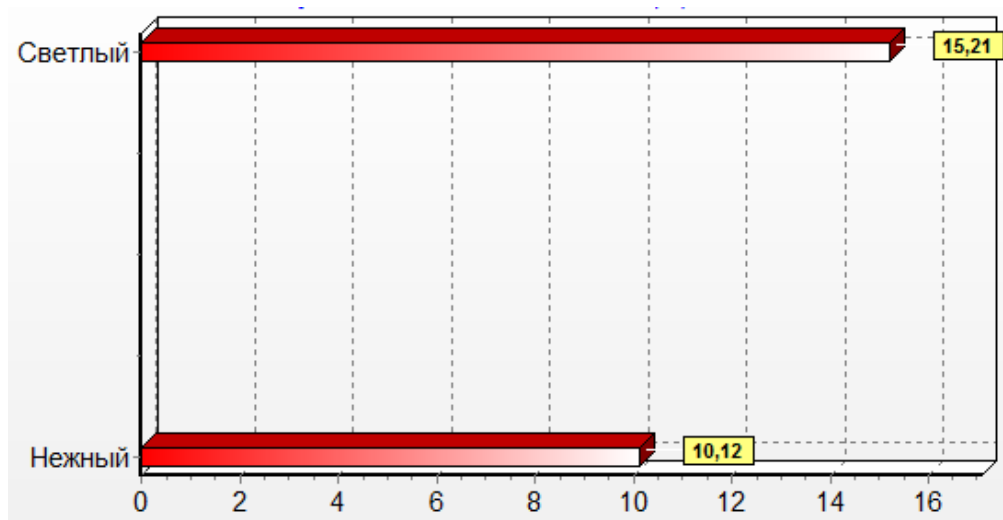

Рис. 6. Количественный показатель признака «Светлый» (Молитва Оптинских Старцев)

Fig. 6. Quantitative marker «Light» (A pray of Optina Elders)

Обсуждение результатов

Результаты анализа подтверждают рабочую гипотезу о том, что суггестивный потенциал вербальных моделей поддается декодированию с помощью специальных инструментов, которые позволяют расшифровывать латентное содержание воздействующих ресурсов. Была установлена причинная зависимость между качественными и количественными показателями скрытых характеристик вербальной модели. Например, если паттерны ритмической активности мозга свидетельствуют о положительном воздействии, то с высокой долей вероятности можно предполагать, что ассоциативная цветность модели, её эмоциональный профиль, показатели избыточности, характеризующие признаки будут иметь положительные маркеры. Такая вербальная модель может быть отнесена в разряд моделей с высоким потенциалом положительного и благотворного воздействия. Несомненно, что текст Молитва Оптинских Старцев – пример такого текста с положительным суггестивным ресурсом, восприятие которого оказывает на человека высококачественное и полезное воздействие. Как показывает анализ, все молитвенные тексты активизируют положительные паттерны мозговых волн, при этом проверка доброкачественности таких текстов подтверждается проведением процедуры синкризы, которая позволяет сравнивать разные параметры, не подлежащие сопоставлению при других обстоятельствах. Работая с текстами молитв на татарском и башкирском языках, мы не имели возможности получить данные о ритмике мозговых волн (пока нет таких программ для названных языков), но по анализу ассоциативной цветности, ритмической организации текстов и по результатам проведения процедуры синкризы с высокой вероятностью можно делать заключения о значительном положительном суггестивном ресурсе данных текстов.

Полученные результаты становятся еще более убедительными, когда проводится анализ текстов, противоположной направленности и также отклоняющихся от языковой нормы – заговорных текстов (это различные заговоры, остуды, отсушки, привороты). Рисунок

ритмической активности меняется на жесткое отрицательное воздействие, в палитре ассоциативной цветности доминируют иные цвета, признаки вербальной модели резко меняют своё качество. Такие тексты рассматриваются нами как вербальные модели с негативным суггестивным ресурсом, оказывающим на человека отрицательное воздействие. Безусловно, латентная сила текста может быть разной по количественным и качественным показателям.

В данной публикации мы обратились к примерам «полярных» текстов. Молитвенные и заговорные тексты противоположны по своей направленности и по своему воздействию на человека. Не менее интересны вербальные модели, чей потенциал трудно выявить из-за малых отличий от языковой нормы. Анализ текстового массива «Речи политиков прошлых лет» обнаружил интересные закономерности. Впервые была описана «отрицательная синкриза» и дано объяснение этому явлению.

В результате проведенного исследования были сформулированы законы действия и законы воздействия вербальной модели, краткое описание которых впервые приводится в рамках настоящей публикации.

ЗАКОНЫ ДЕЙСТВИЯ СЛОВА

ЗАКОН 1. Семантическое пространство слова, существующее как состояние и форма ассоциативной материи, развивается по спирали, диаметры витков которой расширяются по мере взросления человека. Проверен на данных многочисленных экспериментов, проводившихся на протяжении 40 лет в широком возрастном диапазоне на русском, белорусском, словацком, английском, татарском, башкирском языках.

ЗАКОН 2. Семантическое пространство слова в не типичных и отличных от нормы условиях эволюционирует или инволюционирует в соответствующем этим условиям формате, который в базовой части всегда отражает спиралевидную форму семантических изменений. Экспериментально проверен в условиях нормы, патологии, одарённости, при разных модальностях восприятия и различных личностных установках.

ЗАКОН 3. Семантическое пространство слова в геронтогенезе инволюционирует, трансформируясь подобно перевернутому зеркальному отражению раскрутки витков спирали, которые уменьшаются в диаметре по мере увеличения возраста. Экспериментально проверен в возрастном диапазоне испытуемых от 80 до 90 лет на материале русского языка. Имеются также согласующиеся с данным результатом подтверждения, полученные зарубежными коллегами.

ЗАКОНЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

ЗАКОН 1. Вербальная модель любого уровня сложности (звукобуква, слово, текст) обладает суггестивным потенциалом разного уровня. Уровень потенциала можно измерить и выразить в количественных и качественных показателях с помощью специально созданных для этих целей инструментов.

ЗАКОН 2. Суггестивный потенциал наиболее сложной вербальной модели (уровень текста) характеризуется системным (эмерджентным) эффектом и неустойчивой матрицей суггестивности. Текст как суггестивная система обладает особыми эмерджентными свойствами, которые не присущи составляющим ее частям и компонентам — предложениям, словам, звукобуквам. Свойства текста как воздействующей системы не могут быть сведены к сумме свойств ее компонентов.

ЗАКОН 3. Суггестивный потенциал сложной вербальной модели (уровень слова) характеризуется свойствами эмерждентности и устойчивой матрицей суггестивности. Слова с разным суггестивным потенциалом как модели со стабильными показателями воздействия могут быть востребованы как единицы анализа в отдельных случаях.

ЗАКОН 4. Суггестивный потенциал наименее сложной вербальной модели (уровень звукобуквы), эмерждентные свойства которой не проявляются при поэлементном анализе, обладает устойчивой матрицей суггестивности и может рассматриваться сегодня как универсальная минимальная (атомарная) аналитическая единица. Дальнейший поэлементный анализ сегодня невозможен, поскольку нет данных о сложной структуре звукобуквы, которая обладала бы эмерджентным эффектом. К значимым фактам относится конечность количества звукобукв в любом языке, что делает их пригодной единицей анализа.

ЗАКОН 5. Текст как воздействующая модель обладает устойчивым постоянным суггестивным потенциалом. При изменении фрагментов (отдельных компонентов) текста суггестивный заряд изменяется и становится динамичным.

ЗАКОН 6. Слово как воздействующая модель обладает статичными и устойчивыми фоносемантическими и ритмическими суггестивными ресурсами. С возрастом человека меняется его реакция на суггестивный ресурс, которым обладает данная единица.

ЗАКОН 7. Звукобуква как воздействующая модель обладает самыми статичными и устойчивыми фоносемантическими и ритмическими суггестивными ресурсами вне зависимости от возраста человека. Активация суггестивного потенциала звукобуквы происходит в раннем детстве и сохраняется подобно «встроенному» суггестору на протяжении всей жизни.

Формулировки законов предполагают внимание исследователей к вопросу о статусе разных уровней языка в суггестивной иерархии. Анализируя потенциал звукобуквы, мы подходим к атомарной или минимальной на сегодняшний день единице, которая обладает суггестивным ресурсом, поддающимся инструментальным измерениям и численным выражениям. Результаты нашей работы согласуются с исследованиями других авторов, чьи усилия направлены на структурирование языковых уровней с учетом их воздействующего потенциала (работы С.В. Воронина, И.Ю. Черепановой, И.Н. Горелова, Л.П. Прокофьевой, Е.В. Шелестюк).

Заключение

В ходе исследований была подтверждена рабочая гипотеза о том, что латентное содержание воздействующих ресурсов поддается декодированию с помощью предиктивных инструментов, что существует причинная зависимость между качественными и количественными показателями глубинных скрытых характеристик вербальной модели (паттернами ритмов мозга, ассоциативной цветностью, свойствами информационной избыточности модели, категориально-статистическими оценками, статусом эмоционального состояния, ритмическими кодами сложных моделей и другими). Скрытый воздействующий потенциал вербальных моделей поддается количественным измерениям и описанию по показателям качества суггестивных ресурсов (от максимально отрицательных до максимально положительных). Разработанная автором процедура синкризы позволяет описывать неявную обусловленность различных параметров скрытого потенциала и на основе установленных закономерностей рассчитывать ресурс воздействия. В ходе анализа

установлены законы действия и воздействия вербальных моделей разного уровня сложности (звукобуква, слово, текст). Созданы 5 компьютерных программ для автоматизированного анализа данных на русском, английском, немецком, татарском и башкирском языках. Рассчитаны матрицы ассоциативной цветности звукобукв пяти языков. Представлена в виде полихромных картин ассоциативная цветность пяти языков. Разработана и описана новая технология анализа суггестивного потенциала текста. Построена математическая модель для оценки информационной избыточности текста. Предложены алгоритмы оценки суггестивного потенциала вербальных моделей разной сложности. Продолжается работа по установлению авторской константы как идентификатора индивидуального языка автора.

Прогностические технологии исследования языковых явлений сегодня востребованы в разных областях деятельности: деловой коммуникации, медиапланировании, судебной экспертизе, педагогической, психологической и медицинской практике, суггестивной лингвистике, политической и общественной деятельности. Для этих областей мы можем предложить решение следующих задач: *оценивать* суггестивный (воздействующий) потенциал и суггестивные ресурсы текста, то есть латентную «силу вербальной модели»; *декодировать и измерять* в числовых показателях «опасность» или «безопасность» созданного продукта (спонтанной речи, подготовленного выступления, любого письменного документа, письма, поэтического или прозаического произведения, рекламного продукта, газетной публикации, религиозного текста); *создавать* тексты с заранее заданными характеристиками, которые будут определенным образом воздействовать на сознание и подсознание индивида или целой аудитории; *экспертно анализировать* текст, уже созданный другим автором; *устанавливать* скрытые мотивы и намерения автора речевого продукта; *фиксировать* доминирующие эмоции, изменения эмоционального состояния; *прогнозировать* психологический статус, потребности, желание власти, страх власти, доброжелательность или агрессивность.

К наиболее перспективным проектам, непосредственно связанным с проблемой суггестивного потенциала, мы относим два проекта.

Первый из них направлен на обработку визуальной информации и эмоциональные вычисления. В эпоху полимодальности текста проблема становится особенно актуальной, поскольку новый формат видеороликов (клипы, рилсы, шортсы) стал популярным контентом в интернете и привлекает внимание аудитории. Системы детекции и распознавания эмоциональных состояний сегодня быстро развиваются (Бобе, Коньшев, Воротников, 2016; Экман, 2018). Предложенная автором процедура синкризы позволяет через установление доминантных эмоций говорящего человека в видеотексте обсуждать латентный потенциал его речевого продукта. Текст «накладывается» на доминантные эмоции. В судебной экспертизе такие прогностические практики позволяют устанавливать показатели «правдивости» и «искренности» автора текста.

Второй проект, который в настоящее время активно разрабатывается автором статьи в тесном сотрудничестве с математиками и специалистами в области информационных технологий, системными аналитиками, направлен на поиск подсознательно закодированной информации об особенностях индивидуального языка автора текста. Предпринимается попытка установить авторскую константу как постоянный параметр, характерный для идиостиля автора текста.

Список источников / References

1. *Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков: Словарь* (Т.М. Рогожникова, Ред.). (2016). М.: ФЛИНТА: Наука.
Rogozhnikova, T.M. (Ed.). (2016). *Associative dictionary of Bashkir and Tatar languages: Dictionary*. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.).
2. Бобе, А.С., Конышев, Д.В., Воротников, С.А. (2016). Система распознавания базовых эмоций на основе анализа двигательных единиц лица. *Инженерный журнал: наука и инновации. Электронное научно-техническое издание*, (9), 1–16.
Bobe, A.S., Konyshchev, D.V., Vorotnikov, S.A. (2016). System for recognizing basic emotions based on the analysis of facial motor units. *Engineering Journal: Science and Innovations. Electronic scientific and technical publication*, (9), 1–16. (In Russ.).
3. *Галерея ассоциативных портретов: монография* (Т.М. Рогожникова и др.; под общ. ред. Т.М. Рогожниковой). (2009). Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет.
Rogozhnikova, T.M. (et al.; under the general editorship of T.M. Rogozhnikova). (2009). *Gallery of associative portraits: Monograph*. Ufa: Ufa State Aviation Technical University. (In Russ.).
4. Рогожникова, Т.М. (2020). Аналитические инструменты для психолингвистической экспертизы конфликтных текстов. *Политическая лингвистика*, (5), 164–182. <https://doi.org/10.26170/pl20-05-15>
Rogozhnikova, T.M. (2020). Analytical tools for psycholinguistic expertise of conflict-generating texts. *Political Linguistics*, (5), 164–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/pl20-05-15>
5. Рогожникова, Т.М. (2021). Суггестивные ресурсы вербальных моделей. В И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова (Науч. ред.), *Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография* (С. 526–536). М: Институт языкознания–ММА.
Rogozhnikova, T.M. (2021). Suggestive resources of verbal models. In I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, E.Yu. Myagkova (Eds.), *Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021): Collective Monograph* (pp. 526–536). Moscow: Institute of Linguistics–MMA. (In Russ.).
6. Рогожникова, Т.М., Астафуров, А.В. (2023). Сверхмедленная электрическая активность мозга как инструмент анализа суггестивного потенциала вербальной модели. *Теория языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал Курского государственного университета*, (4), 294–309.
Rogozhnikova, T.M., Astafurov, A.V. (2023). Ultradian brain electrical activity as a tool for analyzing the suggestive potential of a verbal model. *Theory of Language and Intercultural Communication: Electronic scientific journal of Kursk State University*, (4), 294–309. (In Russ.).

7. Рогожникова, Т.М., Ефименко, Н.В. (2018). Суггестивный статус вербальной модели и её ассоциативная цветность. *SHS Web of Conferences*, 50, 01147. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001147>
Rogozhnikova, T.M., Efimenko, N.V. (2018). Suggestive status of a verbal model and its associative color. *SHS Web of Conferences*, 50, 01147. (In Russ.). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001147>
8. Рогожникова, Т.М., Воронов, Н.Н. (2016). Построение математической модели для оценки информационной избыточности текста. В *Теория и практика языковой коммуникации: Материалы VIII Международной научно-метод. конф.* (С. 216–232). Уфа: УГАТУ.
Rogozhnikova, T.M., Voronov, N.N. (2016). Construction of a mathematical model for assessing text information redundancy. In *Theory and practice of linguistic communication: Materials of the VIII International scientific and methodical conference* (pp. 216–232). Ufa: UGATU. (In Russ.).
9. Рогожникова, Т.М., Кишалова, Л.В. (2015). Слоγο-акцентный оберритм как инструмент анализа суггестивных ресурсов текста. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*, (2), 272–282.
Rogozhnikova, T.M., Kischalova, L.V. (2015). Syllable-accentual over-rhythm as a tool for analyzing the suggestive resources of a text. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, (2), 272–282. (In Russ.).
10. Рогожникова, Т.М., Кочетова, Г.Р. (2012). Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков. *Вестник Башкирского гос. ун-та*, 17(3), 1313–1320.
Rogozhnikova, T.M., Kochetova, G.R. (2012). Associative color of Bashkir and Tatar sounds. *Bulletin of Bashkir State University*, 17(3), 1313–1320. (In Russ.).
11. Рогожникова, Т.М., Кудашов, Д.Д., Мустаев, Р.Р. (2019). Ассоциативная цветность текста как этнокультурный код ментальности и как прогностический показатель состояния. В *Т.М. Рогожникова (Ред.), Теория и практика языковой коммуникации: материалы XI Международной научно-методической конференции* (С. 217–237). Уфа: РИК УГАТУ.
Rogozhnikova, T.M., Kudashov, D.D., Mustaev, R.R. (2019). Associative color of text as an ethnocultural code of mentality and as a prognostic indicator of state. In *T.M. Rogozhnikova (Ed.), Theory and practice of linguistic communication: Materials of the XI International scientific and methodical conference* (pp. 217–237). Ufa: RIC UGATU. (In Russ.).
12. Рогожникова, Т.М., Навалихина, А.И. (2011). Доминантные модальности восприятия и их динамика. *Вестник Башкирского гос. ун-та*, 16(2), 469–473.
Rogozhnikova, T.M., Navallikhina, A.I. (2011). Dominant modalities of perception and their dynamics. *Bulletin of Bashkir State University*, 16(2), 469–473. (In Russ.).
13. Рогожникова, Т.М., Суетин, В.Ю. (2023). Авторская константа как идентификатор индивидуального языка автора. В *Т.М. Рогожникова (Ред.), Теория и практика*

Рогожникова Т.М. (2025)
Предиктивные инструменты для анализа суггестивного
потенциала вербальной модели
Язык и текст, 12(4), 190—210.

Rogozhnikova T.M. (2025)
Predictive tools for analysis of verbal model
suggestive potential
Language and Text, 12(4), 190—210.

языковой коммуникации: материалы XV Международной научно-методической конференции (С. 189-204). Уфа: РИЦ УУНИТ.

Rogozhnikova, T.M., Suetin, V.Yu. (2023). Author's constant as an identifier of the author's individual language. In T.M. Rogozhnikova (Ed.), *Theory and practice of linguistic communication: Materials of the XV International scientific and methodical conference* (pp. 189-204). Ufa: RIC UUNiT. (In Russ.).

14. Рогожникова, Т.М., Яковлева, Р.В. (2016). Изучение ассоциативной цветности звуков немецкого языка в синхроническом срезе. *Известия Волгоградского гос. пед. ун-та*, (2), 174—182.

Rogozhnikova, T.M., Yakovleva, R.V. (2016). Study of the associative color of German sounds in a synchronic section. *News of Volgograd State Pedagogical University*, (2), 174—182. (In Russ.).

15. Стернин, И.А. (2015). *Основы речевого воздействия: учебное пособие*. М., Берлин: Директ-Медиа.

Sternin, I.A. (2015). *Fundamentals of speech influence: Textbook*. Moscow, Berlin: Direct-Media. (In Russ.).

16. Черепанова, И.Ю. (1996). *Вербальная суггестия: теория, методика и социально-лингвистический эксперимент*: дис. ...д-ра филол. наук. Пермь.

Cherepanova, I.Yu. (1996). *Verbal suggestion: Theory, methodology and socio-linguistic experiment*: Diss. ...Dr. Sci. (Philology). Perm. (In Russ.).

17. Шалак, В.И. (2004). *Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы*. М.: Омега-Л.

Shalak, V.I. (2004). *Modern content analysis. Applications in the fields of: political science, psychology, sociology, culturology, economics, advertising*. Moscow: Omega-L. (In Russ.).

18. Шелестюк, Е.В. (2009). Методика выявления количественных показателей истинности, информативности и информационной плотности текстов. В *Система языка: синхрония и диахрония: Межвузовский сборник научных статей* (С. 151—156). Уфа: РИЦ БашГУ.

Shelestyuk, E.V. (2009). Methodology for identifying quantitative indicators of truth, informativeness, and information density of texts. In *Language system: synchrony and diachrony: Interuniversity collection of scientific articles* (pp. 151—156). Ufa: RIC BashGU. (In Russ.).

19. Шеннон, К. (1963). *Работы по теории информации и кибернетике*. М.: Изд-во иностранной литературы.

Shannon, C. (1963). *Works on information theory and cybernetics*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. (In Russ.).

20. Экман, П. (2018). *Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь*. СПб.: Питер.

Ekman, P. (2018). *Psychology of emotions. I know what you feel*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).

Список компьютерных программ / Computer programs

1. Программный продукт / Психолингвистическая экспертная система *ВААЛ*. (Шалак, В.И. Дымшиц, М.Н.), М., 2005.
Computer program / Psycholinguistic expert system *VAAL*. (Shalak, V.I. Dymshitz, M.N.), Moscow, 2005.
2. Программа экспертизы текстов внушения *ДИАТОН*, версия *СЛОВОДЕЛ*. Лаборатория «Ведиум». Свидетельство о государственной регистрации для программы ЭВМ. № 2008611081, М., 2008.
Expert system for suggestive texts analysis *DIATON*, version *SLODODEL* Laboratory «Vedium». Certificate of state registration for computer program 2008611081. Moscow, 2008.
3. Программа *ЭМОДЕТЕКТ* (версии 2.3.0, 3.0.). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2018612628 / правообладатель ООО. М., 2018.
Computer program *EMODETECT* (versions 2.3.0, 3.0.). Certificate of state registration for the computer program 2018612628 / rights holder LLC. Moscow, 2018.
4. Система автоматизированного моделирования сложных технических объектов (САМСТО). (Кривошеев, И.А., Ахмедзянов, Д.А., Кожин, Д.Г.). Свидетельство об официальной регистрации, Роспатент, № 2011611712, М., 2011.
System of automated modeling of complex technical objects (*SAMCTO*). (Krivosheev, I.A., Ahmetzyainov, D.A., Kozhinov D.G.). Certificate of official registration, Rospatent, 2011611712. Moscow, 2011.
5. Программа для ЭВМ *БАРИН* (Автоматизированный анализ слова и текста). (Рогожникова, Т.М., Воронков, С.А., Ефименко, Н.В., Яковлева, Р.В.). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011618299, М., 2011.
Computer program *BARIN* (Automated analysis of word and text). (Rogozhnikova, T.M., Voronkov, S.A., Efimenko, N.V., Yakovleva, R.V.). Certificate of state registration of computer program 2011618299. Moscow, 2011.
6. Программа для ЭВМ *БАТЫР* (Автоматизированный анализ слова и текста). (Рогожникова, Т.М., Кудашов, Д.Д., Кочетова, Г.Р., Ефименко, Н.В.). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014613238, М., 2013.
Computer program *BATYR* (Automated analysis of word and text). (Rogozhnikova, T.M., Kudashov, D.D., Kochetova, G.R., Efimenko, N.V.). Certificate of state registration of computer program 2014613238. Moscow, 2013.
7. Программа для ЭВМ *СЧЕТОВОД* (Автоматизированный анализ текстов). (Рогожникова Т.М., Кудашов Д.Д.). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014618598, М., 2014.
Computer program *COUNTER* (Automated analysis of texts). (Rogozhnikova, T.M., Kudashov, D.D.). Certificate of state registration of computer program 2014618598. Moscow, 2014.

Рогожникова Т.М. (2025)
Предиктивные инструменты для анализа суггестивного
потенциала вербальной модели
Язык и текст, 12(4), 190—210.

Rogozhnikova T.M. (2025)
Predictive tools for analysis of verbal model
suggestive potential
Language and Text, 12(4), 190—210.

8. Программа для ЭВМ *ПУЛЬС* для обработки ритма прозаического текста. (Рогожникова Т.М., Кишалова Л.В., Кишалов А.Е.). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015614549, М., 2015.

Computer program *PULSE* for processing the rhythm of prosaic text. (Rogozhnikova, T.M., Kishalova, L.V., Kishalov A.E.). Certificate of state registration of computer program 2015614549. Moscow, 2015.

9. Программа для ЭВМ *БЮРГЕР* (Автоматизированный анализ слова и текста). (Рогожникова Т.М., Кудашов Д.Д., Яковлева Р.В.). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016616320, М., 2016.

Computer program *BURHER* (Automated word and text analysis). (Rogozhnikova, T.M., Kudashov, D.D., Yakovleva, R.V.). Certificate of state registration of computer program 2016616320, Moscow, 2016.

Информация об авторе

Татьяна Михайловна Рогожникова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой инновационных технологий языковой коммуникации, Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНИТ), Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8897-3007>, e-mail: burzian@yandex.ru

Information about the author

Tatiana M. Rogozhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Language and Communication Advanced Technology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8897-3007>, e-mail: burzian@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05